

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

О жизни и творчестве художника Энди Уорхола читайте на странице 72.

Судьбы

Анатолий Крищенко «Генерал-метеор» 4

Неизвестное об известном

Светлана Бестужева-Лада **Лев Троцкий —
«иудушка или дьявол?..»** 19

Юрий Осипов «Рыцарь-монах» 42

Это интересно

Дмитрий Зелов **Тарусские мотивы** 36

Евгения Гордиенко **200 басен из жизни
Ивана Крылова** 90

Алла Зубкова **Маэстро Вагнер. Жизнь,
полная взлетов и падений** 126

Посмеемся вместе

Александр Жиров **Медосмотр** 52

Поэзия

Александр Борычев **Стихи** 61

Шедевры

Ирина Опимах **Коварная бретелька,
или «Портрет мадам Готро»** 65

Замечательные современники

Елена Воробьева **Сергей Мануйлов: «Больше всего
мне нравятся "живые" партии»** 76

Марина Бойкова **Алексей Бородин: «Семья, слажен-
ный ансамбль — вот, что главное!
А мы катастрофически теряем
это и в жизни, и в театре...»** 106

Житейские истории

Галина Толстова **У муравьев зимой сонные глаза** 83

Рассказ

Святослав Тараховский **Саша-музыкант** 96

Евгений Никитин **В тупике** 114

Детектив

Ольга Степнова **Моя шоколадная бэби** 140

Кроссворд. Эрудит

188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Константин Юон
«Новая планета», 1921

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.10.2019

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Из прожитых эсеркой Марией Спиридоновой пятидесяти семи лет она тридцать два года провела в местах лишения свободы. Какая бы власть ни устанавливалась в России, Мария неизменно оказывалась ее узницей, причем условия заключения были одинаково жестокими. Она испила до дна самую горькую из чаш: стала вечной преступницей против режима. Режимы менялись, а она оставалась верной своей утопической идее «народного социализма». И погибла, продолжая верить в будущее этой идеи, от чекистской пули в затылок...

Светлана **Бестужева-Лада** «Узница жизни»

« Вячеслав Тихонов прожил без преувеличения яркую жизнь — в ней были и знаковые роли, и небывалая зрительская любовь, которой мало кто из актеров может похвастаться. Его обожали и власти, и народ, и, конечно, женщины, восхищавшиеся им как актером и красивым мужчиной. Леонид Броневой называл его «советским Робертом Тейлором», а режиссер Марк Захаров говорил о нем: «Тихонов обладал гипнотическим даром. Когда его лицо появлялось в кадре крупным планом, все смотрели на него, открыв рты. Это было нечто особенное, удивительное и уникальное...»

Андрей **Колобаев** «Последний рыцарь нашего кино»

« На шведской купюре достоинством в 20 крон образца 1997 года была изображена немолодая женщина в широкополой шляпе. Это — шведская писательница Сельма Лагерлеф, лауреат Нобелевской премии по литературе, автор замечательной сказки «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», которая изначально задумывалась как... учебник для школьников, с целью познакомить детей с географией и историей Швеции, ее традициями и культурой. А жизнь самой писательницы — удивительный пример того, как талант и трудолюбие справляются и с тяжелыми болезнями, и с жизненными трудностями.

Евгения **Гордиенко** «Девочка, которая выжила и вернулась домой»

« Остросужетный роман Георгия **Ланского** «Право последней ночи»

«ГЕНЕРАЛ-МЕТЕОР»

«Нам, русским, нужно учиться подвигам не у далеких греков или римлян, а у самих себя. Котляревский принадлежит к русским национальным героям, которым — вечная слава и незабываемая память»

*Профессор
И. Ковалевский,
1913 год*

О кавказском генерале Петре Степановиче Котляревском еще при жизни ходили легенды. Одна из них, «царская», гласит, что прославленный воин был приглашен на прием в Зимний дворец. Во время банкета Александр I, отведя в сторону гостя, миролюбиво поинтересовался:

— Сознавайтесь, Петр Степанович, кто помог вам сделать столь блестящую карьеру? О ваших победах, генерал, легенды ходят. Сознавайтесь, кто ваши мифические покровители?

— Ваше величество, — с тихим удивлением ответил гость, — я — солдат. И мои покровители — солдаты, которыми я имею честь командовать. Только им я обязан победами. Только им. А карьеры мифической — нет.

Царь, утверждает та легенда, остался недоволен ответом: подумал, что прославленный генерал о чем-то умалчивает. Возможно, что тогда император так и не раскрыл тайну «удачливого» героя Кавказа.

Увы, легендарный генерал Котляревский, как и многие герои XIX века, остался в историческом тумане забвения. А сама память плачет дождями и мироточит вечностью...

ЦЕРКОВНЫЙ ЗВОН

Непогода разбушевалась не на шутку. Она менялась с коварной наступательной быстротой. Мгновенно кроваво-багровый закат стал белой мглой. Снежные вихри кружили землю и небо. Холод свирепел, сковывая движения лошадей и седоков.

Группа подполковника Лазарева еле двигалась. Люди стали замерзать. Они, бесстрашные воины, почти не верили в свое спасение. Отпустили вожжи лошадей, и умные выносливые животные остановились, чутко вслушиваясь в свистящую снежную вьюгу.

Незнакомое отчаяние овладело седоками. Предательски в сознание влетали нелепые мысли. Было позорно погибнуть здесь, в степи.

Вдруг кони снова медленно двинулись вперед. А вскоре и седоки услышали сквозь вой и свист пурги слабый, еле различимый колокольный звон.

В сознании Ивана Петровича Лазарева мелькнула мысль: «Значит, Спаситель услышал наши молитвы».

Лошади прибавили шагу и, утопая в снегу, вынесли всадников к деревенской церквушке. С колокольни продолжал набатно гудеть колокольный спаситель.

Сельский священник Степан Котляревский по-христиански принял замерзших седоков, пригласил людей в избу и велел позвать с колокольни сына Петю.

— Где мы? Как называется село? — спросили у него.

— Это Ольховка Купянского уезда на Харьковщине. Долго, видать, вы плутали в пути..

Подполковник не успел ответить, как в избу вошел подросток. Он был крепкого телосложения, на щеках пылал здоровый деревенский румянец.

— Так это он спас нас? — улыбнулся Лазарев. — Сам-то не замерз, звонарь?

— Нет, ваше благородие. У меня теплая шубейка. Да я привыкший, мороза не боюсь.

— Помочь путнику — дело святое, божеское. Не вас первых пригласим, — откликнулся священник.

Вьюга не унималась и на следующий день. Целую неделю отряд не мог выехать по назначению.

Иван Петрович Лазарев тогда сходу обратил внимание на молодого поповича, десятилетнего мальчика-звонаря, ученика духовной семинарии. Времени на общение с подростком было много. Подполковник с удовольствием беседовал с Петей. Физическая сила, подвижность и незаурядный ум мальчика, его смелость в суждениях вызывали симпатию у выдавшего вида Лазарева, и он решил про себя сделать из смышленного паренька настоящего воина.

Конечно, отец-священник с рождения определял сына на путь служения церкви, но Лазарев настоятельно посоветовал:

— Батюшка, с такими возможностями, смекалкой и быстрой реакцией Петя больше пользы принесет матушке России, будучи воином. У него врожденный аналитический ум.

А учебу он продолжит. У меня целая походная библиотека. Да и знания кое-какие есть.

Не без колебаний священник дал согласие на военную учебу и службу сына.

С НАСТАВНИКОМ

Выехав на Кавказ, подполковник Лазарев не забыл о подростке: в марте 1793 года прибыл сержант Кубанского егерского корпуса и забрал отрока Петра в Моздок.

Иван Петрович заботился об одиннадцатилетнем мальчугане как о родном сыне. Подросток живо впитывал стратегию военного ремесла. Помимо солдатской практики за три года прочел всю походную библиотеку наставника.

А 19 марта 1793 года Петя Котляревский был зачислен фурьером в батальон Кубанского корпуса. В 14 лет он уже участвовал в Персидском походе.

Рискованные шесть лет промчались аллюром в походах против мелких феодальных ханств на территории современного Азербайджана. Бои происходили и в постоянных стычках с воинственно-храбрыми горцами.

Бывший семинарист стойко, посолдатски выносил армейскую жизнь наравне с взрослыми. Во время атак одним из первых мчался верхом на своем любимом коне. Ему везло: пули в любом сражении почему-то напевным свистом пролетали над головой. Может, спасала мудрая егер-

ская наука выживать и побеждать, а может, краткая молитва: «Со мною Бог»...

Тем временем слава подполковника Лазарева на Кавказе росла от сражения к сражению, и рядом всегда был юный Петр Котляревский, считавший Ивана Петровича не только наставником, но и старшим другом. Петр был назначен адъютантом Лазарева и прослужил под его руководством десять лет. Несмотря на возраст, ему было доверено отслеживать военно-политическую ситуацию в регионе, вести всю официальную переписку своего командира, проводить запутанные переговоры с противником. Это он склонил карталинских князей не вступать в бой, а добровольно принять российское подданство. Такая дипломатия в его 17 лет!!

А в 18 — за доблесть в сражении с персидским шахом Омар-ханом у селения Кагабет Петр был произведен в штабс-капитаны.

В 1799 году царь Грузии Георгий попросил защиты от персов у русского императора. Павел лично распорядился отправить теперь уже генерала Лазарева с полком в Тифлис, и 26 ноября первый русский полк вступил в город. Царь Георгий лично с семьей и горожанами торжественно встретили своих защитников.

В конце 1800 года на грузинские земли вторглось 15-тысячное войско Омар-хана Аварского. Под командованием генерала Лазарева на реке Иори вместе с грузинским ополчением русские нанесли решительное поражение противнику. А через три

года Иван Петрович Лазарев погиб в Тифлисе.

Его юный помощник и адъютант Петр Котляревский тогда отказался быть адъютантом у главнокомандующего на Кавказе князя Цицианова. Штабная служба его не привлекала, и он получил под свою команду роту 17-го егерского полка имени генерала Лазарева.

А в 29 лет он уже сам был произведен в чин генерала. Со временем боевой генерал Петр Степанович Котляревский стал настоящей жи-

26 декабря русские стояли под крепостными стенами Ленкорани. Котляревский потребовал сдачи крепости. Комендант Садык-хан ответил с большим достоинством: «Один аллах располагает судьбою сражения и знает, кому пошлет свою помощь».

Обе стороны обещали: пощады не будет.

Противник был силен в этот раз численностью, в два раза превышавшей отряд егерей и казаков. Обладая бесценным опытом ведения боя своего учителя генерала Лазарева, Кот-

Юный помощник генерала Лазарева Петр Котляревский отказался быть адъютантом у главнокомандующего на Кавказе князя Цицианова. Штабная служба его не привлекала, и он получил под свою команду роту 17-го егерского полка. А в 29 лет он уже сам был произведен в чин генерала

вой легендой. Малые и большие походы под его руководством всегда заканчивались в пользу защитников народов Кавказа. Теперь он готовился к легендарному последнему бою с персами.

Судьбоносному бою для России.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В безлюдную Муганскую степь, продуваемую сквозными каспийскими ветрами, вывел отряд около 2 тысяч бойцов Котляревский в промозгом декабре 1812 года.

ляревский применял его при всех сражениях. «Надо победить и в этот раз», — размышлял он.

Готовясь к штурму неприступной Ленкорани, Котляревский огласил приказ: «Считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет. Нам должно взять крепость или всем умереть».

Он нисколько не сомневался в своей продуманной стратегии. Хорошо знал, что наступать всегда труднее, чем обороняться.

Вспомнив русскую поговорку «Надейся на Бога, а сам не плошай»,

генерал чуть улыбнулся одними глазами и, закрепив свои слова своей же присказкой, подумал: «А с нами Бог, и мы победим! Не хотите перемирия, получите смерть».

Обходя лагерь, как всегда прислушался к тихому гомону войска. В русском боевом стане перед историческим сражением редко кто спал.

Была новогодняя ночь на 1 января 1813 года.

Крепость персов затаилась угрожающей свирепой тишиной. Вечером над нею кружились стервятники-коршуны, словно ждали скорую добычу.

Солдаты привычно точили свои штыки и сабли о кремни, добытые в горах.

Котляревский подметил, что они спокойны и решительны. Изредка от костра даже доносился смех. Он остановился около одного «веселого» костра.

На бревнах сидели в основном молодые бойцы, уже обожженные порохом войны. Они наперебой громко просили бывалого весельчака:

— Ну, спой еще, Ванюха, про войнушку. Спой. Давай твою частушку!

Ванюха, подсвистывая себе, отрешенно-хитроватым мягким тенорком запел:

*А Ванька войнушка любит
И на бой его зовет. (Фить-фить).
А Ванек перса погубит
И с секир-башкой уйдет.
(Фить-фить).*

Частушка утонула в озорном хохоте. Когда гомон стих, генерал строго заметил:

— В песне, оно, может, и так допускается. Но в сражении, братцы, надобно быть расчетливым, умным и смелым. Отдых с шуткой перед боем — великое дело. Отрадно, что у вас настроение такое... звонкое. А вон там, в крепости у персов, — тишина.

— Так те нехристи, вашбродь, — откликнулся весельчак. — Намаз, небось, делают, не жалея башки. А мы вот у костра малость паримся... А вы, вашбродь, извиняюсь, с поповской семьи? Я так слыхал...

— С поповской, с поповской, там мой корень, — в тон весельчаку, бодро ответил Петр Степанович.

— Значит, с божеской, — кивнул Ванюха, — потому всегда и побеждаете. И пуля-дура вас не берет, вашбродь, как и меня! Пуля-дура, как говорил Суворов, а штык — молодец!

Петр Степанович иронично спросил:

— А еще что говорил Суворов?

— Да он, извиняйте, про кальсоны сказывал. И о горилке. Слыхали, небось?

С хитринкой Петр Степанович переспросил:

— И что же Суворов сказал про горилку?

Солдат, лукаво прищурясь, чуть привстав, глянул прямо в глаза генерала, смело вскрикнул:

— Да вы же знаете, вашбродь! Суворов советовал нам, солдатам, чтоб после баньки, ежели нет деньжат, то продай кальсоны, но выпей! Я, вашбродь, уже приготовился. Сегодня, небось, банька будет с парком! А опосля бою я кальсо-

ны, извиняйте, заложу, но выпью! Можно?

— Можно, — засмеявшись, ответил генерал. И его вновь пронзила та же мысль: «Нет, с таким человеком и этот бой мы не проиграем. Ведь победа не только в стратегии и оружии, но и в духе, что живет в солдатах... Даже в острой шутке перед сражением...»

Он поднялся и отошел от костра. Вдруг вспомнился боевой наставник Арсений. Ожогом проняла вездесущая память, но горьковатые ароматы костров, смешанные с горным влажным туманом, чуть растворили горечь прошлого, и уже по-иному подумалось: «Арсений погиб от ран, спасая меня. А его песня помнится».

*Я на земле «лечусь» врагами
И в битвах с ними стал сильней.
Клинки в бою звенят стихами,*

*И в них живет библейский соловей.
Архангелы святого откровения
Небесного при жизни бытия
Дарят всегда победное сраженье,
Чтобы кружилась грешная земля.*

Голос его «спасителя» вспоминался почти перед каждым сражением. Перекрестившись, Петр Степанович прошептал:

— Я услышал тебя, Арсений Забытов. Нас много на Руси забытых. Забывчивость греховна. Но земная людская память — миг. А небесная — вечность. Ты, воин, уже там, где дух вечности.

На смену Арсению всплыл облик генерала Лазарева. Петр Степанович увидел себя в церквушке отца, вспомнил неожиданную встречу с важным до недостижимости подполковником, заблудившимся в метели.

Даже расслышал вой снежной пурги и голоса спасенных воинов. А еще вспомнил его слова: «Запоминай, запоминай, воин: в ратном деле стратегия — великая вещь! Но не забывай, что любая стратегия бывает слепа без фурыерной разведки местности».

...При зачислении подростка в отряд Иван Петрович Лазарев продуманно определил его в фурыерную разведгруппу под непосредственную опеку насмешника-поэта Арсе-

ба, и в ней совсем не ощущалась разница лет. Но насмешливый Арсений иногда с высоты своих лет все же подтрунивал над своим учеником или задавал такие вопросы, на которые невозможно дать ответы. Так однажды серьезно спросил:

— Ты ответь мне, Петр Степанович, отчего иконы святых мироточат? Молчишь? Мудро молчишь, потому что не знаешь. Сия тайна за семью печатями. А те печати может

Адова победа над крепостью Ленкорань навсегда вошла в историю кавказских войн России. Тогда, в январе 1813 года, русские воины долго искали после боя своего командира и, обнаружив его среди груды вражеских тел, посчитали умершим. Но Петр Степанович, хотя еле дышал, был еще жив. 200 верст несли солдаты на носилках это «живое, бессмертное знамя» до лазарета...

ния Забытова. Благой (так за глаза называли его боевого наставника) Арсений был старше своего подопечного на десять лет, ростом невелик, но в любых сражениях проявлял себя метеором-удальцом. Часто в критическое исходное боевое мгновение ловко маневрировал и при этом успевал выстрелить и поразить неприятеля. Свой отработанный прием Арсений небрежно называл «аля-дурка на перса и турка». Между Петей и Арсением органично завязалась крепкая воинская друж-

открывать только Он, — поднял палец к небу Арсений. А через паузу снова заговорил уже своим прежним голосом: — У меня, Петруша, есть ответ на этот потаенный вопрос. Скорее догадка. Иконы святых, думается мне, мироточат об ушедших. В них оживает дух памяти. Человек уходит, а память о нем остается. Вот об этой памяти, нашей людской, частенько забывчивой, веками мироточат иконы святых, напоминая нам, живым, об ушедших. Таков мой сказ о мироточении.

Навсегда запомнил Петр Степанович слова Арсения о мироточении икон...

Побывав во многих смертельных сражениях, Котляревский, не единожды раненый, никогда не допускал в свои размышления мысли о смерти, был убежден, что такие предательские мысли и притягивают ее. «Раны в бою, конечно, бывают и смертоносными, если все девять божьих чинов ангелов отвернутся от тебя, — пронеслось в голове генерала. — Но сама жизнь людей, даже не на войне, все одно — сражение. И на судьбоносном мирном поле боя человек часто воюет не с человеком, а с бесами в облике людей... Арсений-поэт «лечился» врагами в бою. И нам сегодня надлежит такая смертоносная «врачевальня». Полечимся...»

Глянув во мрак ночи, он услышал напевный и такой родной голос отца: «Ты, сынок, назван святым значимым именем Петр. Твое предназначение по моему замыслу — быть послушником Веры. Да вот жизнь распорядилась иначе. Хотя нет... Христов-то Петр, один из 12 апостолов, известно, пытался совместить христианское смирение с воинственностью. Пытался...»

В той отцовской речи запомнился особо финал. Перекрестив на прощание сына, отец сурово добавил: «Стало быть, вот и ты станешь совмещать... Но помни: и в миру и в бою победа там, где вера да любовь».

«Почему любовь? — подумал тогда Петр. А сейчас перед боем его словно осенило: — В сущности,

земное понятие «любовь» безмерно. Вера крепит род и родину. Она всегда и везде защищает свою святыню на поле битвы. Эта защита и есть любовь. Точно так оно и есть! Точно так! — мысленно воскликнул он. — Конечно, от веры и любви и приходят наши победы. Мы и сегодня победим!»

И вновь из глубины ночи возник голос отца: «Ты, Петруша, когда станешь в чинах, солдатушек не обижай: солдатушки — те же прихожане в земном храме Божьем. Запомни это».

Сын помнил всегда. И когда родной голос исчез из сознания, генерал, словно оправдываясь, тихо выдохнул на ходу:

— Мои прихожане, отец, иные службы несут, освободительные, смертельные... Солдатушек-то я всегда жалею, но смерть их не жалеет.

«Смерть победить нельзя, а врага надо», — вновь откликнулся голос.

«Мы и сегодня, батюшка, победим!» — мысленно по-солдатски отчеканил Петр Степанович и, взглянув в звездное новогоднее небо, уже вслух сказал:

— С Богом! Пора!

Ночной прорыв русских яростно гудел жутким смертоносным напевом. Пронзительно тонкий свист пуль солировал со скрежетом штыков, сабель, кинжалов и жарким дыханием людей.

Атака русских шла по стратегически продуманному плану.

Непобедимому гению ночных боев Котляревскому уже казалось, что

прорыв стремительной атаки победоносно грохочет, но, взглянув на крепостную стену, увидел, как, опрокидываясь, падают подожженные огнем и кипящей смолой лестницы с его солдатами.

На миг сознание генерала оледенело. Успешная вроде бы лавина наступления на краткий миг приостановилась, дрогнула. Замерла. Отважный гул атаки притих. Наступление чуть попятилось от непреступной крепости. Такая роковая тишь перед натиском часто решала исходы многих сражений. Об этом Котляревский хорошо знал, как знал и то, что его личный пример в подобный критический момент всегда заряжает отвагой больше, чем любой приказ и даже оружие.

Генерал ринулся в бой, уже на бегу зычным голосом крикнул:

— Команды отступить не было! Вперед! Вперед! — И сам с обнаженной шпагой вонзился в гущу солдат, размахивая золотым царским подарком.

Гренадеры, егеря, пехотинцы и казаки, вмиг воспрянув, последовали за ним и стали яростно штурмовать неприступные стены крепости.

Золотая царская шпага генерала знаменно поблескивала уже наверху в лучах рассвета. В пылу боя Петр Степанович не почувствовал ранения в ногу. Он привычно ощущал себя в этой смертельной схватке совсем не командиром, а неким символом чего-то главного, вещего и победного.

Через три часа резни все было кончено. Гарнизон из отборных сар-

базов вместе с отважным Садыкханом был полностью перебит. Потерю русских составили 340 убитых и 609 раненых.

Адова победа над крепостью Ленкорань, как и многие выигрышные бои «генерала-метеора», навсегда вошли в историю кавказских войн России.

...Тогда, 1 января 1813 года, русские воины долго искали своего командира и с трудом обнаружили его среди груды вражеских тел. Посчитали умершим: была разворочена выстрелом в упор челюсть, выбит глаз, из раздробленного уха торчали кости, колотые раны на ноге и на груди. Но царский подарок, золотая шпага, была крепко зажата в руке...

Посчитав командира мертвым, воины сильно опечалились. И вдруг неожиданно услышали:

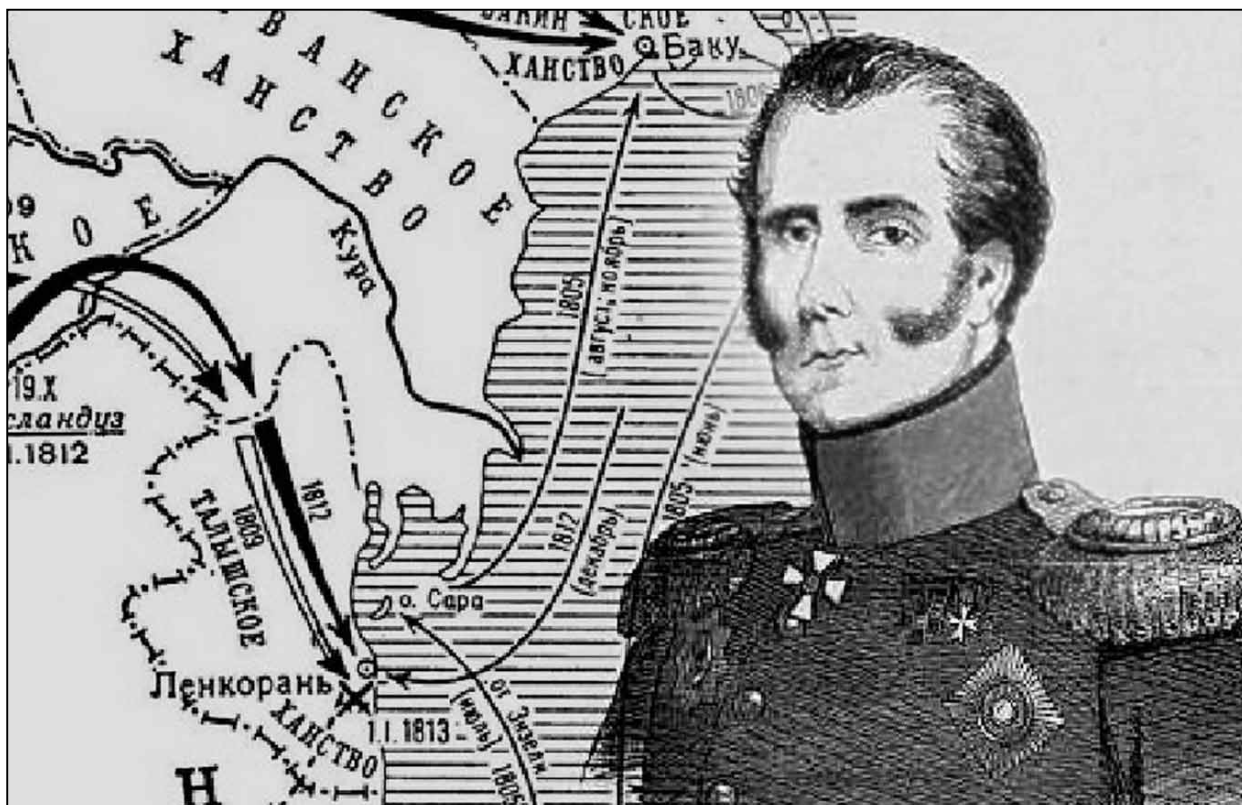
— Я умер, но все слышу и уже извещен о победе нашей.

Петр Степанович еле дышал, но был еще жив.

Солдаты 200 верст несли это «живое бессмертное знамя» на носилках. Полковой врач Грузинский совершил чудо: спас жизнь героя.

Котляревский выжил, но был так искалечен, что пришлось согласиться с отставкой по инвалидности.

Историческая победа русской армии при штурме Ленкорани поставила точку в желании персов и турок ввести второй фронт на Кавказе. Коварные захватчики потерпели более решительный удар, чем Наполеон.

Потрясенные персы согласились заключить мирный договор на условиях Российской империи.

Надо заметить, что мир на русских условиях — это почти исторический символ многих войн, что сохраняет сам мир, людей, землю и небо.

ГЮЛИСТАНСКИЙ МИР

Почти невыносимая победа генерала Котляревского малым числом остановила русско-персидскую войну 1805–1813 годов.

Остатки персидской армии под Ленкоранью уничтожены.

Вынужденный мирный договор был принят на русских условиях в небольшой деревушке Гюлистан в Карабахе. Подписали его осенью 1813 года генерал-лейтенант Нико-

лай Ртицев и мирза Абдул-Хасан-хан (министр иностранных дел Персии). Посредником в переговорах был английский дипломат сэр Гор Оусли.

По Гюлистанскому мирному договору к Российской империи отошли: Дагестан, Азербайджан (частично), Менгрелия, Абхазия, Кахетия, Имеретия, Картли, Гурия.

Россия получила право господства над ханствами Карабахским, Гянджинским, Шекинским, Ширвинским, Дербентским, Кубинским, Бакинским, Тылышинским.

Договор утвердил право России иметь военный флот на Каспийском море и выступать третейским судьей в персидских династических спорах.

Присутствие России на Кавказе получило международное признание.

Штурм Ленкорани

Мир на горной и гордой земле был восстановлен бесценной русской кровью.

Кавказские ханы с давних пор просили Россию защитить от набегов персов и турок, принять их земли. Гюлистенский мирный договор дал им эту защиту.

...Два столетия прошло с той захватнической войны. Алчные завоеватели не перестают строить планы порабощения Кавказа даже в XXI веке. Хотелось бы посоветовать им более тщательно изучить исторический Гюлистанский документ о мире и не забывать, что он заключен на русских условиях.

Увы, в подлунном мире не все справедливо...

ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ

Никогда не думал гений кавказских войн, что ему придется уйти в отставку в 35 лет. Но — случилось.

Уехал в Малороссию домой. Приятельно звала та сила, что издавна зовется малой родиной. Там купил деревеньку близ Бахмута.

Жизнь генерала вне армии походила на пытку, но приходилось терпеть и жить, хотя бы ради солдат.

По настоянию врачей он позже поселился в Крыму. На пожалованные от императора Александра I деньги приобрел скромную дачу «Добрый приют» в Феодосии.

Здесь же познакомился с художником-маринистом Иваном Кон-

стантиновичем Айвазовским. Выдающийся художник боготворил Петра Степановича, стал ему близким человеком.

На гражданке Котляревский жил по-спартански, очень скромно. Свою солидную пенсию жаловал инвалидам-солдатам. Говорил калекам:

— Одному из первых.

Одноногий тихо проговорил:

— Жинка померла! На отпевание грошей нет. Да и на гроб...

Петр Степанович взглянул на ординарца. Тот, сделав свирепое лицо, часто закачал головой. Кашлянув, генерал изрек:

Верховная власть генерала не забыла. Император Николай I в честь своей коронации пожаловал Котляревскому чин генерала от инфантерии. А еще государь предложил ему стать главнокомандующим русской армии на Кавказе в новой войне с Персией и Турцией. Петр Степанович вынужден был отказаться. Многочисленные раны мучили его до конца жизни...

— Мой жалкий пенсион для вас скорее покаяние, чем подаяние. У вас нет моих наград. Но у вас есть «награды» врагов — раны. Звон наград — честь. Не все их имеют. Но каждый из вас имеет раны. А перед Богом мы все равны. Потому и делюсь с вами не как генерал, а как солдат с солдатами.

Петра Степановича мучил вопрос, задаваемый самому себе: «И почто я так долго живу? Мне только вера во сладость. А жизнь — мучения».

Как-то к нему в кабинет вошел преданный ординарец Шультен и доложил:

— Ваше благородие, пришел Кирилл-одноногий.

— А ему мой пенсион даден? — спросил генерал.

— Надо помочь. Святое это дело. Надо!

— Нечем, — горестно произнес ординарец.

— Найдешь. Перехвати у мясника, но дай! И иди прямо с ним в лавку.

— Спаситель! Вы же наш спаситель, Петр Степанович! Спаситель! — запричитал одноногий Кирилл. — Мы, калеки, молимся за вас. Все...

— Ну, ну! Ты не ерничай. Спаситель — Бог, а я — солдат. И ты солдат. Жизнь, браток, везде крепость. А обедню и отпевание закажи. И гроб тоже. Я приду...

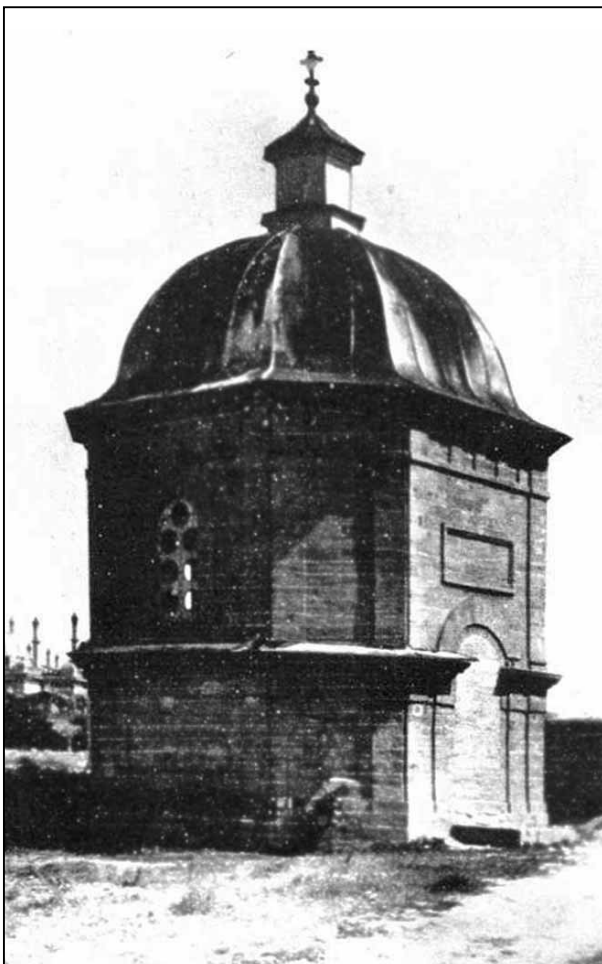
Когда ординарец с Кириллом покинули кабинет, генерал проговорил:

— Да, жизнь, конечно, везде — крепость. Но я, кажется, устал от на-

ступлений. А жить надо! Получается такая стратегия: моя семья — солдаты. А дух мой и тело все-таки крепятся их молитвами.

...Увы, все быстро меняется в нашем мире. Бои за Кавказ временно затихли, и постепенно слава «генерала-метеора» тоже стала затихать. Но военные специалисты считали, что с уходом Котляревского русская армия лишилась наиболее яркого и даровитого из последователей генералиссимуса Суворова.

Сам Петр Степанович к изменчивой славе относился философски:

Мавзолей-часовня Котляревского, строившаяся по проекту Айвазовского

«Биография моя никогда не выйдет — от этого потери не будет. Однако верное описание боевых дел, в которых я принимал участие, может принести пользу военной молодежи».

И все же верховная власть генерала не забыла.

В 1826 году император Николай I в честь своей коронации пожаловал Петру Степановичу Котляревскому чин генерала от инфантерии: высший чин в пехоте, младше фельдмаршала и выше генерал-лейтенанта.

А еще государь предложил генералу стать главнокомандующим русской армии на Кавказе в новой войне с Персией и Турцией.

Петр Степанович вынужден был отказаться. Многочисленные раны мучили его всю жизнь

Незадолго до своей кончины он показал величайший рескрипт (приглашение его на службу) и шкатулку, в которой хранились сорок косточек, вынутых из головы генерала после последней битвы у Ленкорани.

— Вот что было причиной, почему я не мог принять назначение государя и служить до гроба престолу и Отечеству, — сказал Петр Степанович своим близким. — Пусть они останутся вам на память о моих страданиях.

...Генерал умер 21 октября 1851 года в возрасте 70 лет. Сбережений не оставил. Денег на погребение не было. Расходы взял на себя художник Айвазовский. Великий

живописец «морской волны» отдал последнюю почесть великому воину.

Похоронили героя в саду возле дома.

Когда прощались с человеком-легендой, на рейде в Феодосии встала эскадра кораблей Черноморского флота с приспущенными траурными флагами на мачтах. Так по традиции моряки отдали почесть герою Кавказа.

И хотя в наше бурное время, уже в XXI веке, «генерал-метеор» все же находится в тихом забвении, его славу, как и исторические факты невозможно забыть. Может, потому вечная память Петру Степановичу Котляревскому и мироточит бессмертием...

ПАМЯТЬ

В XIX веке в Грузинском гренадерском полку имени Котляревского на ежедневной переключке фельдфебель Первой роты Первого батальона называл:

— Генерал от инфантерии Петр Степанович Котляревский.

Правофланговый отвечал:

— Умер в 1851 году героической смертью от 40 полученных им ран в сражениях за Царя и Отечество.

В Казанском соборе Петербурга, где покоится прах полководца Кутузова, помещены 107 знамен и штандартов поверженной армии Наполеона. Там же находятся два знамени персов, захваченных отрядом

Котляревского под Ленкоранью. Это признание его военного подвига и полководческого гения.

• 1821 год. Пушкин в поэме «Кавказский пленник» посвятил генералу-герою еще при его жизни строки:

*Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой –
Твой путь, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты здесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов.*

1840 год. В честь генерала Котляревского возникло поселение на Военно-Грузинской дороге в междуречье Терека и Черека. Это казачья станица Котляревская в Майском районе Кабардино-Балкарской республики с ныне действующим музеем.

1850 год. Наместник Кавказа, известный князь Михаил Семенович Воронцов поставил в Гяндже памятник Котляревскому, которого вынес из боя, раненого при штурме крепости Гянджи в 1804 году. Они дружили 48 лет.

В Феодосии мастер кисти художник Айвазовский, восхищенный героизмом генерала Котляревского, задумал возвести мавзолей боевому генералу. Собрал по подписке с феодосийцев три тысячи рублей,

добавил свои восемь тысяч и стал строить мавзолей-часовню. Усыпальница генерала должна была находиться перед входом в зал Музея древностей. Музей построили, но до конца осуществить замысел Айвазовский не успел. Прах Котляревского остался в саду, который он сам посадил и вырастил. А в 1871 году Айвазовский написал портрет Петра Степановича Котляревского — героя Кавказских войн.

P.S. Боевая слава генерала от инфантерии Петра Степановича Котляревского отмечена многими государственными наградами: орден Святого Иоанна Иерусалимского за доблесть, проявленную в сражении с Омар-ханом Аварским на реке Иори, орден Святой Анны 3-й степени за штурм крепости Гянджи, орден Святого Владимира 4-й степени с бантом, орден Святого Георгия 4-й степени за взятие крепости Мигри и полный разгром войск Аббас-мирзы, орден Святой Анны 1-й степени с ежегодным пособием 1200 рублей, орден святого Георгия 3-й степени за победу над Асландузом, орден святого Георгия 2-й степени со звездой за штурм Ленкорани и овладение Талышинским ханством.

Но, конечно, самый большой орден — это народная молва. Может, и поэтому сакральный дух памяти мироточит о «генерале-метеоре» Петре Степановиче Котляревском. □

Светлана
Бестужева-Лада

Лев Троцкий

Имя Льва Троцкого известно ничуть не меньше, чем имена Владимира Ленина и Иосифа Сталина, но... Но если два последних были «вождями и учителями», то Лев Давидович уже через несколько лет после революции упоминался исключительно как оппозиционер, предатель и враг народа. Достаточно парадоксально, что один из вдохновителей и активных участников Граждан-

«Иудушка» или дьявол?..

ской войны, Красной армии и Коминтерна в одночасье был лишен всех постов и званий, лишен советского гражданства и выдворен из страны.

Удивляет только, почему не расстреляли. Впрочем в двадцатые годы такая мера по отношению к высокопоставленным советским деятелям еще не «вошла в моду». Позже Иосиф Сталин, ставший фактически диктатором, тысячу раз пожалел о том, что не уничтожил своего заклятого врага сразу, а вынужден был потратить массу изобретательности и денег, чтобы избавиться от все еще опасного соперника.

Хотя в последние годы своей жизни Троцкий был соперником Сталина лишь в воображении самого вождя и учителя. Но обо всем по порядку.

7 ноября 1879 года на Херсонщине родился мальчик Лейба Бронштейн — пятый ребенок в семье богатого землевладельца Давида Леонтьевича и Анны Львовны.

Год от года Давид Леонтьевич становился все богаче, расширял свое хозяйство, скупал или брал в аренду окрестные земли. Но жил очень скромно: даже дом был крыт обыкновенной соломой.

— Я денег не люблю, — говорил он сыну, — но я не люблю, когда их нету. Беда, когда нужны деньги, а их нету.

Отец Троцкого принадлежал к тому истребленному впоследствии его же сыном могучему типу крестьян-хозяев, которые считали каждую копейку, никому не верили, защищали нажитое всеми силами и преумножали. Но на хорошее, с их точки зрения, дело готовы были тратить сколько потребуется.

Таким делом неграмотный Давид Леонтьевич считал образование детей, хотя и сам, и его жена были абсолютно неграмотными. Старший брат Лейбы, Александр, выучился на агронома, старшая сестра Елизавета стала зубным врачом, вторая сестра Ольга окончила Высшие женские курсы и... ушла в революционное движение, выйдя замуж за единомышленника — Льва Розенфельда, более известного как Лев Каменев. (Вся семья — сам Каменев, его жена и двое сыновей — погибла в 1936 году после процесса по делу так называемого «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра». Все род-

ственники Троцкого были расстреляны.)

Но это — в далеком будущем. А в 1889 году десятилетний Лейба Бронштейн отправился в Одессу, где поступил по квоте для евреев в реальное училище Святого Павла. Учился не просто хорошо, а отлично, со дня поступления и до окончания училища получал только пятерки.

Никакая революционная деятельность ему в те годы даже не снилась, он увлекался рисованием и литературой, пытался сочинять стихи (пожалуй, это было единственное занятие, в котором он потерпел фиаско).

А между тем его юность пришлась на то время, когда в России окончательно сформировался культ революции, густо замешанный на мистике и оккультизме. Если революционеры бросали бомбу в чиновника, прогрессивные люди радовались «победе над тиранией». Каждый второй гимназист считал себя демонической личностью и воспевал романтику бунта и разрушения. Но Лейба Давидович (тогда еще не Троцкий) демонстрировал образцовое равнодушие к революционным порывам. Мамы его соучеников ставили его в пример своим детям, потому что он собирался стать математиком. Зато он уже тогда умел говорить пафосно и, как потом говорили, «душераздирающе». Это умение очень пригодилось ему в будущем, причем недалеко.

На последнем курсе училища 17-летний Лейба совершенно случайно попал в кружок социалистов,

который занимался революционной пропагандой. Тогда же он увлекся изучением трудов Карла Маркса и впоследствии стал фанатичным приверженцем марксизма. Именно в тот период в нем начали проявляться острый ум, склонность к лидерству, полемический дар.

Переехав работать в город Николаев, Лейба Давидович организовал «Южно-русский рабочий Союз», в который вступили рабочие николаевских верфей. На тот момент они получали довольно высокую зарплату, и деньги их не волновали, зато волновали социальные отношения при царском правлении.

Но и такая форма протеста настрожила власти. «Союз» запретили и распустили, а его основатель был арестован и два года провел в тюрьме, где действительно «перевоспитался»: из народника превратился в яркого марксиста под влиянием соседей по камере.

В Николаеве Лейба познакомился с очень красивой девушкой-марксисткой Александрой Соколовской, которая была старше его на шесть лет. Тюремное заключение на время оборвало их отношения, но после двух лет отсидки оба попали в одну и ту же группу ссыльных в Иркутскую губернию, в село Усть-Кут. В московской пересыльной тюрьме влюбленные успели обвенчаться. Произошло это в 1900-м году.

В Усть-Куте они прожили два года, за это время у них родились две дочери, Зина и Нина. Затем семья переехала в Илим, где Лейба Дави-

Лейба Бронштейн

дович устроился конторщиком в торговую фирму, но... проворовался (!) и был уволен.

После этого они с Александрой Львовной решили, что революционный долг превыше всего, что таланту Лейбы грех пропадать в глуши, и он сбежал в Европу. Для побега использовал фальшивый паспорт, в который вписал фамилию своего одесского тюремного надзирателя — Троцкий. Как он сам потом признавался — для смеха, но новая фамилия прижилась и стала революционным псевдонимом. Лейба превратился в Льва.

Путь из Сибири в Европу оказался на удивление простым и легким: за ссыльными следили не слишком пристально, если следили вообще. А вот «временно оставленной» супруге Лев Давидович не написал ни

строчки и вообще больше с ней никогда не виделся. Что впоследствии не помешало Сталину жестоко расправиться с первой семьей «демона революции». Александру Соколовскую, которая до смерти оставалась единственной законной женой Троц-

же дни он познакомился с сотрудницей этой газеты Натальей Ивановной Седовой, съехался с ней и, неожиданно для всех, а, прежде всего, для самого себя, прожил всю оставшуюся жизнь в гражданском браке.

Министр Временного правительства Керенский не нашел ничего лучшего, чем объявить Корнилова мятежником, вооружить большевиков и выпустить из тюрьмы «защитника демократии» Троцкого, который тут же был избран председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. А в октябре 1917 года под его руководством произошло вооруженное восстание по свержению Временного правительства, в результате которого к власти пришли большевики во главе с Лениным

кого, расстреляли в Москве в конце 30-х годов; официально — как упорную сторонницу левой оппозиции.

Дочерей Льва Троцкого также постигла трагическая участь. В 1928 году от чахотки погибла его младшая дочь Нина, а старшая дочь Зинаида, вместе с отцом лишённая советского гражданства, в 1933 году покончила жизнь самоубийством, находясь в состоянии глубокой депрессии. Это было совсем не удивительно: отца она не помнила и не знала, политикой никогда не интересовалась, а наказание получила как матерая контрреволюционерка.

Троцкому было 23 года, когда он прибыл в Париж, встретился и подружился с Лениным и поступил на работу в газету «Искра», взяв псевдоним «Перо». Чуть ли не в первые

В этом союзе у Льва Троцкого родилось двое сыновей — Лев и Сергей. Оба разделили судьбу своих сводных сестер — погибли в ходе сталинского террора. Младший сын Сергей за свою политическую активность был расстрелян, а спустя год старший сын Троцкого, который также был активным троцкистом, умер при подозрительных обстоятельствах во время операции по удалению аппендицита в Париже.

Ленин был поначалу чрезвычайно доволен новым сотрудником, учеником и единомышленником. В тот период Лев Троцкий максимально поддерживал политику Ленина, за что его окрестили «ленинской дубинкой». Сблизившись с лидерами русской социал-демократии, Троцкий очень быстро завоевал популяр-

*Лев Троцкий
с первой женой
Александрой
Соколовской*

ность и славу, выступая с агитирующими рефератами перед мигрантами. Вот где пригодилось его ораторское искусство! Он поддерживал своего учителя до тех пор, пока сам не приобрел некоторую известность и тогда сразу же заявил о своем несогласии с генеральной линией партии. За это он и заработал от Владимира Ильича характеристику «иудушка Троцкий», которая пережила его на многие десятилетия и даже сих пор используется в политических дискуссиях.

Троцкий перешел на сторону меньшевиков и начал обвинять Ленина в диктаторстве. Но и с лидерами меньшевизма «не ужился», так как хотел примирить и объединить фракции большевиков и меньшевиков, что вызвало большие политические разно-

гласия. В результате он объявил себя «внефракционным» членом социал-демократического общества, задавшись целью создать собственное течение, которое стало бы выше большевиков и меньшевиков.

Этого ему не простили ни те ни другие. Ленин, например, посчитал это изменой и наградил Троцкого еще одним прозвищем — «политическая проститутка Троцкий», тоже оказавшимся весьма живучим.

Впрочем, принципиальные разногласия по всем вопросам не мешали Троцкому и Ленину мириться, ссориться и снова мириться.

Через два года Троцкий начал напрямую сотрудничать с Александром Львовичем Парвусом-Гельфандом, директором и спонсором газеты «Искра» и других революционных

изданий. Именно Парвус подсказал ему идею, которая легла впоследствии в основание троцкизма — теорию «перманентной революции». Суть идеи в том, что революция начинается как национальное буржуазное движение, а потом вступает в пролетарский этап, выходит на международную арену, и все завершается мировой революцией.

В 1905 году Парвус купил несколько газет в Петрограде и предоставил приехавшему туда Троцкому целую газетную империю. Публика в то время считала неприличным задаваться вопросом, откуда у профессионального революционера, то есть профессионального безработного, деньги на проведение масштабных информационных интервенций. И Ленин, и Троцкий впоследствии отзывались о Парвусе пренебрежительно и как будто стеснялись этого знакомства. Однако Парвус сыграл большую роль в их политической судьбе.

В том же году Лев Троцкий приехал в бурлящий революционными настроениями Петербург, где сразу оказался в эпицентре событий. Он быстро организовал Петербургский совет рабочих депутатов и выступал с пламенными речами перед толпами людей, которые были уже максимально наэлектризованы революционной энергией.

Закончилось это тем, что чересчур активный трибун снова попал в тюрьму, так как выступал за продолжение революции даже после того, как появился царский манифест, согласно которому народ получал политические права. Троцкого посадили в одиночную камеру Петропавловской крепости, где Лев чувствовал себя весьма комфортно. Он много писал, а рукописи выносили из тюрьмы адвокаты, которых никто не досматривал.

Суд Троцкий решил использовать, как общественную трибуну — и «кровавый режим» ему в этом не

препятствовал. Более того, на процесс приехали отец и мать Троцкого — они, по воспоминаниям Льва Давидовича, смотрели на него счастливыми глазами. Старенькая Анна Львовна даже была уверена, что по итогам судебных слушаний ее знаменитого сына как-нибудь наградят.

Не наградили, но и не отправили на каторгу, а выслали на вечное поселение в Сибирь, лишив его всех гражданских прав. Нашли чем напугать!

Выехал он с фальшивым паспортом в подметке башмака и с золотыми червонцами в высоких каблуках. Сбежал, даже не добравшись до места назначения. Как ему это удалось, никто тогда не понял, а сам Троцкий не снисходил до объяснений.

Добравшись до Финляндии, он почти немедленно перебрался в Ве-

ну, где с 1908 года начал издавать газету «Правда». Но спустя четыре года большевики под руководством Ленина перехватили это издание, в результате чего Лев Давидович отправился в Париж, где занялся выпуском газеты «Наше слово».

В целом все шло гладко до 1915 года, когда случился скандал.

Во Франции Троцкий вел активную антимонархическую пропаганду, критикуя русское правительство и армию. Шла война, Россия и Франция находились в союзнических отношениях. Правительство Франции было вынуждено выслать Троцкого, хотя удалось это не сразу, поскольку у Льва Давидовича были влиятельные покровители. Выслали его в Испанию, где сразу вызвали в полицию и очень вежливо сообщили, что его идеи — слишком передовые для их страны, и что принято реше-

*Гражданская жена
Наталья Седова*

ние вообще выслать его из Европы в Америку.

Вскоре Лев Давидович с семьей был уже в Нью-Йорке.

В Штатах его снабдили большими деньгами. Так же, как Ленина обвиняют в том, что его купили немцы, Троцкому приписывают работу на американцев. Впрочем, он брал и английские деньги, что дает повод для разногласий относительно того, кого использовал в своих целях. Так или иначе, различные антироссийские силы вкачивали деньги в Троцкого одновременно.

В феврале 1917-го года, будучи в Нью-Йорке, Лев Давидович узнал о революции в России.

Для него это событие означало, как он выразился, «амнистию и тысячи других благ». Троцкий ринулся

по консульствам за визами, чтобы отплыть с первым же пароходом. Было ясно, что Ленин тоже не замешкается, и нужно поторапливаться к разделу «тысяч благ».

По одной из версий, возвращался в Россию он не один, а с целой командой «революционных бойцов», набранных преимущественно из еврейских эмигрантов в Чикаго, где они подвизались в криминальном бизнесе. Троцкий посулил им блестящее положение в России после победы революции, подкрепив свои обещания внушительными «подъемными».

Обогнать Ленина Троцкому не удалось именно из-за его спутников. В канадском порту Галифакс все они были сняты с корабля и помещены в лагерь для интернированных. Временное правительство немедленно потребовало освободить «заслуженного борца с царизмом». Англичане не обратили на это никакого внимания и продержали Троцкого в лагере два месяца. Отпустили его только после непосредственного вмешательства американского президента (!).

Прямо с корабля Троцкий отправился в Петросовет, где ему предоставили членство, но... только с правом совещательного голоса. Такие мелочи Льва Давидовича не смутили. Буквально за несколько месяцев пребывания в Петербурге он стал неформальным лидером межрайонцев, которые выступали за создание единой Российской социал-демократической рабочей партии.

Троцкий прибыл в Петроград на месяц позже Ленина, который уже успел опубликовать свои «Апрельские тезисы». Ленина поняли далеко не все, а те, кто знал его близко, как, например, Плеханов, объявили его сумасшедшим. Никакого плана построения социализма у Ленина не было, его заявления были блефом, так как еще в январе он утверждал, что только внуки нынешней молодежи увидят социалистическую революцию. Устроенный русскими аристократами путч, повлекший за собой отречение государя в пользу брата, и немедленное фактическое упразднение великим князем Михаилом Александровичем монархии, стали неожиданностью для всех.

Пришлось «перестраиваться на ходу» и вести революционную борьбу

уже не с самодержавием, а с Временным правительством, члены которого по большей части принадлежали к тем же кругам общества, что и их идейные противники. Ленин и Керенский вообще чуть ли не в одной гимназии учились в одно и то же время.

3 июля 1917-го года в Петрограде начались антиправительственные выступления рабочих и солдат. Временное правительство перебросило в столицу воинские части с немецкого фронта, которые подавили волнения, причем достаточно жестко. Более того, Ленину и Троцкому было предъявлено обвинение в шпионаже (не факт, что безосновательное). Владимир Ильич, чувствуя опасность заблаговременно, скрылся в Разливе, а Троцкого посадили в Кресты.

27-го августа Главнокомандующий, генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, видя шаткое положение правительства, в ультимативной форме потребовал мер по наведению порядка в стране, угрожая в противном случае военным переворотом. Этот демарш вошел в историю под названием «Корниловский мятеж».

Министр-председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский не нашел ничего лучшего, чем объявить Корнилова мятежником и, в числе прочих мероприятий, вооружить большевиков и выпустить из тюрьмы «защитника демократии» Троцкого, который немедленно был избран председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

В октябре 1917 года он создал Военно-революционный комитет, а 25 октября фактически провел вооруженное восстание по свержению Временного правительства, в результате которого к власти при-

шли большевики под предводительством Ленина. Так что было не совсем понятно, кто среди реформаторов главнее и важнее — Троцкий или Ленин. Именно Троцкий встал во главе Петроградского военно-революционного комитета и сформировал отряды Красной гвардии и моряков Балтийского флота, отправляя их с заданиями взять почту, телеграф, казначейство, военное, морское и финансовое министерства и прочее.

Впоследствии ключевым эпизодом Октябрьской революции считалось взятие бывшего Зимнего дворца императора, в одном крыле которого располагалась резиденция Временного правительства, а в другом — военный госпиталь. Певец революции Владимир Маяковский описал это событие, как кровавую битву, но все это — исключительно фантазия поэта. На самом деле штурм выглядел гораздо скромнее, если вообще был.

Когда моряки и красногвардейцы во главе с Антоновым-Овсеенко перешли Дворцовую площадь, они не встретили сопротивления. То, что впоследствии показывали в фильмах как баррикады, было поленицами дров для отопления Зимнего дворца. Они подошли к двери, где их встретил швейцар и спросил:

— Вам куда, господа? Если в госпиталь — по лестнице налево, если к господам Временному правительству — по лестнице направо.

Никто Зимний дворец не оборонял.

Так произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, которую ее участники первое время называли просто Октябрьским переворотом. Члены Временного правительства были арестованы, а Ленин и Троцкий переехали жить в Кремль. О своих разногласиях они временно забыли. Семьи Ленина и Троцкого обедали вместе, обслуживали их царские слуги, ставившие тарелки с царским гербом так, чтобы двуглавый орел был головами вверх — все по придворному этикету.

При новой власти Лев Троцкий получил должность наркома иностранных дел, а в 1918 году стал народным комиссаром по военным и морским делам. С того момента он занялся формированием Красной армии, предприняв жесточайшие меры — заключал в тюрьмы и расстреливал всех нарушителей военной дисциплины, дезертиров и всех своих противников, не давая пощады никому, даже большевикам, что вошло в историю под понятием «красный террор».

Бронепоезда любили все — и белые, и красные. Но такого крутого бронепоезда, как у «кочегара революции» Троцкого, не было ни у кого! Два паровоза, типография, телеграф, внутренний телефон, электростанция, библиотека, гараж с цистерной бензина и баня (!) Мощная радиостанция ловила свежие новости со всего мира — их тут же печатали в поездной газете.

Представьте: голодные, оборванные, всеми забытые бойцы вот-вот уступят натиску врага. Тут на станцию влетает поезд. Из него выбегает Троцкий в распахнутой шинели, толкает речь и лично вручает подарки. Потом бойцам раздают сапоги, белье, табак, еду, ткань на рубахи и портянки, кожу на подметки... С поезда высаживаются несколько толковых командиров и команда отборных стрелков на машинах с пулеметами. И ситуация спасена. Кожаная форма и специальный металлический знак на левом рукаве сразу выделяли десантников Троцкого из любой толпы.

Он фактически захватил власть в России, и его фигура стала воплощением зла даже для коммунистов. Однако свое прозвище он получил еще во время Гражданской войны, будучи ее организатором и вдохновителем. В торжественных случаях соратники называли его «Демоном революции».

1918-й год — кульминационный момент в жизни Троцкого. Председатель Революционного совета носился на вышеупомянутом «поезде

Троцкого» по фронтам, выступал с речами и рассылал директивы, составленные при помощи советников из бывших работников Генерального штаба русской армии.

Троцкий говорил так:

«Если мне скажут, что я плохой журналист, я огорчусь. Но если скажут, что я плохой полководец — я приложу все силы, чтобы глубже разобраться в военном искусстве».

Безудержный террор не желающего междоусобной войны народа,

заградительные отряды, расстрелы без суда и следствия, децимация — расстрел каждого десятого отступившей военной части — все это он предпочитал рассматривать, как военное искусство.

Однажды, вспоминая об одном своем друге, Троцкий сказал: «У него были все данные для выдающегося политического деятеля, кроме необходимых для этого недостатков».

У самого Троцкого необходимые недостатки, по-видимому, были, в

том числе и в личной жизни. Лев Давидович любил жить красиво. Несмотря на революционную занятость, находил время и для плотских утех. Часовым у входа в Кремль было приказано не пропускать к нему «дам легкого поведения», которые хотели бы еще раз напомнить о себе. Не оскорблять, не хамить им, а вежливо выпроваживать.

Во время Гражданской войны Советское правительство объявило политику военного коммунизма. Были национализированы банки, проведена конфискация вкладов и наличных денежных средств населения, была установлена трудовая повинность — под страхом сурового наказания запрещалось прогуливать и самовольно переходить на новое место работы.

В деревне военный коммунизм выразился продразверсткой, объявленной еще при царе, но реализованной только при большевиках. Долго такое положение продолжать-

ся не могло, но как из него выйти, никто не знал.

Вошедший во вкус волюнтаризма Троцкий выступил за милитаризацию всей страны. Он был назначен наркомом путей сообщения и получил контроль над могучим профсоюзом транспортников, который и перевел на военные рельсы. Против этого выступили Ленин, Сталин и многие другие большевики. Так начался период фракционной и оппозиционной деятельности Троцкого.

К концу Гражданской войны популярность его достигла апогея, но смерть «вождя большевиков» не позволила ему провести намеченные реформы по переходу с «военного коммунизма» на новую экономическую политику.

Троцкий так и не смог стать преемником Ленина, и его место у руля страны занял Иосиф Сталин, который видел во Льве Давидовиче серьезного противника и поспешил его обезвредить. В мае 1924 года

*Хайме Рамон Меркадер
дель Рио Эрнандес*

революционер подвергся настоящей травле со стороны противников под руководством Сталина, в результате чего потерял пост наркома военноморских дел и членство в составе ЦК Политбюро.

Сталин, как это ни странно звучит сегодня, играл скромную роль в борьбе между фракциями советского правительства начала 20-х годов. Может быть, именно это и определило его дальнейшую победу. Например, в 23-м году во время острой дискуссии в партии по вопросу германской революции Зиновьев и Каменев выступали на городских партийных собраниях Петрограда и Москвы по 2–3 раза в день. Руководители партии ездили по стране, про-

водили собрания и выступали в пользу или против Зиновьева. А пока «политические тяжеловесы» сражались, Сталин стоял в стороне, а потом ему оставалось только добить уцелевших конкурентов.

Но все же, вопреки распространенному мнению, Троцкий в этой партийной борьбе проиграл не Сталину, а группе Бухарина-Рыкова-Томского. Рыков возглавлял правительство, Бухарин был главным идеологом партии, Томский возглавлял профсоюзы. Впоследствии все члены этой группы были расстреляны. Троцкий еще успел позлорадствовать по этому поводу.

В 1925-м году его назначили возглавлять концессионный комитет. В соответствии с новой должностью Лев Давидович должен был привлекать иностранный капитал в Советский Союз. Он быстро выяснил для себя, что времена изменились, и ни одно из западных правительств больше не горит желанием давать ему деньги. В этом уже не было смысла — Россия и так лежала в руинах.

В 1926 году Троцкий попытался восстановить свои позиции и организовал антиправительственную демонстрацию, в результате чего был сослан — сначала в Алма-Ату, а затем и вообще из страны с лишением советского гражданства. Большинство же участников демонстрации было арестовано и приговорено к разным срокам тюремного заключения, а затем — к ссылке в глухие сибирские поселки.

Троцкий долго не мог найти себе пристанище. Человек, подписавший Брестский мир и создавший Красную армию, оказался никому не ну-

дить за пределы виллы он не мог, зато из этой комфортабельной тюрьмы ему было удобно формировать троцкистские партии по всему миру.

ри новой власти Лев Троцкий получил должность наркома иностранных дел, а в 1918 году стал народным комиссаром по военным и морским делам. С того момента он занялся формированием Красной армии, предприняв жесточайшие меры и не давая пощады никому, что вошло в историю под понятием «красный террор». Но он так и не смог стать преемником Ленина, место у руля страны занял Иосиф Сталин, который видел в нем серьезного противника и поспешил его обезвредить, лишив поста наркома и членства в ЦК Политбюро

жен и всем в тягость. В 1933-м году он уехал во Францию, через год перебрался в Данию. Еще через год попытался обосноваться в Норвегии, где его сразу же посадили под домашний арест, обыскали и отобрали весь архив. Вдобавок ко всему, норвежские власти то и дело угрожали выдать его советскому руководству.

В 1937 году он, наконец, нашел пристанище — в революционной и анархичной Мексике. В стране с милыми его сердцу «неистовым разгулом, грабежом и разбоем», где стрельба и непрерывные перевороты были нормой жизни, он спрятался за стенами виллы под защитой мексиканской полиции и американских телохранителей. Телохранителям Троцкий не платил. Считалось, что они работали «за идею». Выхо-

В пику Третьему Интернационалу — большевистскому Коминтерну — он создал собственный, Четвертый Интернационал.

В изгнании из СССР Лев Троцкий не прекратил свою борьбу со Сталиным — он начал издавать «Бюллетень оппозиции» и написал автобиографию «Моя жизнь», в которой оправдывал свою деятельность. В 1936 году закончил свою книгу «Преданная революция», в которой назвал сталинский режим контрреволюционным переворотом. В этой работе Троцкий выступил с жесткой критикой сталинского режима:

«Основой бюрократического управления является нищета общества в потребительских товарах и борьбой «всех против всех». Если в магазине достаточно товаров, покупатели могут приобрести их, когда захо-

тят. Если товаров мало, покупатели должны стоять в очереди. Если эта очередь становится очень длинной, полицейский должен обеспечить порядок. Это — отправная точка для власти советской бюрократии».

Бюрократия опиралась на социальные достижения Октябрьской революции: национализация банков и корпораций, начало плановой экономики, защита этой экономики от империалистов или мирового рынка монополией внешней торговли, и сначала все шло по плану. Однако все то, что создавалось советской властью, являлось прямой угрозой сталинскому режиму и нещадно истреблялось.

Зная, что плановая экономика без демократии в долгосрочной перспективе не жизнеспособна, Троцкий охарактеризовал Советский Союз как переходный режим, у которого два выхода: либо свергнуть бюрократию в политической революции и прийти к социализму на международном уровне, либо капиталистическая контрреволюция.

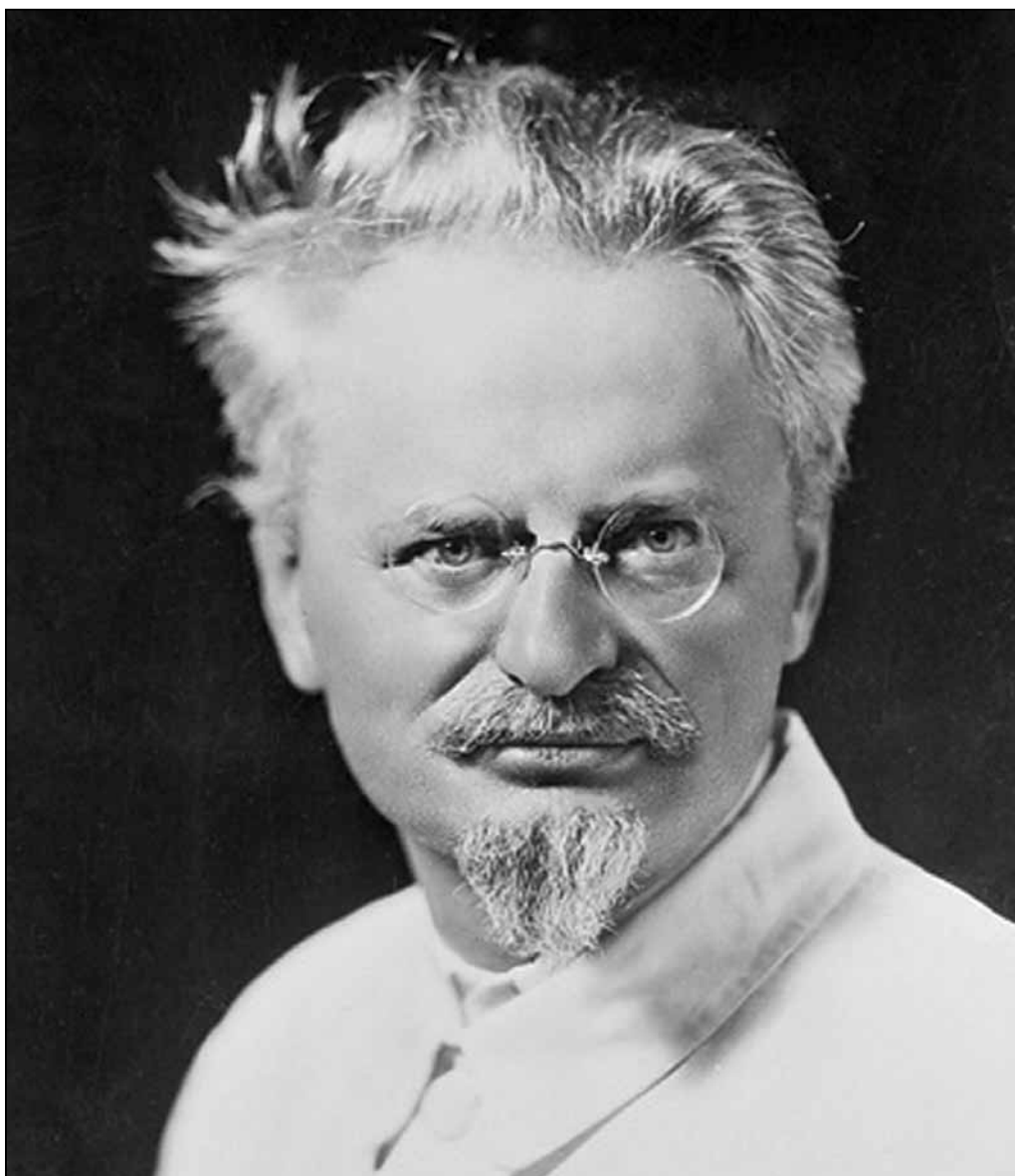
Сталин отдал приказ убить Троцкого Берию. Берия поручил операцию генералу Судоплатову. Судоплатов — разведчику Ромуальду Григулевичу. Григулевич задействовал знаменитого мексиканского художника Давида Сикейроса, анархо-коммуниста по кличке «Бешеный Полковник».

Операция состоялась 24 мая 1940 года. Она получилась чрезвычайно красочной, но нулевой по ча-

сти эффективности. На мексиканскую виллу ворвались перепоясанные патронташами мачо в сомбреро, с винтовками и пулеметами. Они долго и красиво стреляли, выпустили 200 пуль и превратили спальню Троцкого в решето. Но ни одна пуля не попала в цель. Наталья Ивановна среагировала быстро и затащила Льва Давидовича под кровать. Единственный ущерб здоровью, который он получил, — его оцарапало щепкой от ножки кровати.

Убил Троцкого испанский аристократ и коммунист Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, агент НКВД, внедренный в окружение Троцкого. За 12 дней до убийства Меркадер прибыл в дом Троцкого и представил ему написанную статью об американских троцкистах. Лев Давидович пригласил его в свой кабинет, где им впервые удалось остаться наедине. В тот день революционера насторожило поведение Рамона и его одеяние — в сильную жару он появился в плаще и шляпе, а во время чтения Троцким статьи встал позади его стула.

20 августа 1940 года Меркадер вновь прибыл к Троцкому со статьей, которая, была всего лишь предлогом, позволяющим уединиться с революционером. Он снова был одет в плащ и шляпу, но Лев Давидович пригласил его в свой кабинет, не предприняв никаких мер предосторожности. И на этот раз Рамон решился на выполнение заказа советских властей. Он достал из кармана

плаща ледоруб и нанес им сильный удар по голове революционера. Лев Давидович издал громкий крик, на который сбежалась вся охрана. Меркадера схватили и начали избивать, после чего сдали в руки спецагентам полиции.

Троцкого сразу же доставили в больницу, где спустя два часа он впал в кому. Удар по голове был настолько сильным, что повредил жизненно важные центры головного мозга. Врачи отчаянно боролись за

его жизнь, но, увы, спустя 26 часов он скончался.

За убийство Троцкого Рамон Меркадер получил 20 лет тюрьмы, что являлось высшей мерой наказания по мексиканским законам. На суде связь с Советским Союзом отрицал. Сидел комфортно, по выходным ездил с начальником тюрьмы в ресторан. В 1960 году убийца революционера освобождился и иммигрировал в СССР, где ему было присвоено звание Героя Советского Союза... □

Тарусские мотивы

В самом имени этого небольшого городка, что затерялся на бескрайних просторах нашей отчизны, слышится что-то неуловимо знакомое, трепетно-проникновенное. Словом, свое, родное, русское. Впрочем, так оно и есть. Вот уже более столетия привольно раскинувшаяся на высоком берегу Оки Таруса, будто магнит, притягивает к себе людей из мира науки, культуры и искусства. Художники Василий Поленов и Виктор Борисов-Мусатов, Николай Крымов и Василий Ватагин, поэты Марина Цветаева и Николай Заболоцкий, пианист-виртуоз Святослав Рихтер... И этот список известных, прославивших Россию наших соотечественников можно продолжать еще очень и очень долго. А Таруса, небольшой

и по-провинциальному уютный городок в калужской глубинке, действительно стал неким российском аналогом прославленного на Западе среди европейской художественно-литературной богемы французского Барбизона.

В середине XX века здесь, на калужской земле, поселился писатель, чье имя с тех пор неразрывно связано с Тарусой. Не так давно благодарные горожане поставили ему на набережной Оки, по которой он любил плавать на моторке, памятник, а его дом, выходящий на крутой берег уже другой городской реки, Тарусы (много веков назад и давшей имя городу), стал домом-музеем. Этот мастер слова был необычайно чутким

и отзывчивым, невероятно и разносторонне эрудированным, и при этом очень простым и доступным в общении. Человек с большой буквы. Настоящий Писатель. Вот уже более полувека его нет с нами, но его произведения, еще при жизни автора переведенные на множество языков народов России и мира, продолжают волновать, заставляют сопереживать миру его героев и не оставляют равнодушными.

Его редкий талант был высоко оценен еще при жизни: Константин Георгиевича Паустовского дважды (!) номинировали на Нобелевскую премию по литературе. В итоге он ее так и не получил (главным образом по хитросплетениям политических причин). Но, может, оно и к лучшему. Гораздо важнее всяких премий подлинно народная любовь к произведениям Константина Георгиевича Паустовского. Ведь его продолжают активно читать как взрослые, так и дети. В наше время, отнюдь не располагающее к сантиментам, переиздаются лучшие его произведения. А это значит, что его мысли и чувства, отраженные в по-

вестях и рассказах, востребованы и актуальны.

Перечитаем строчки Паустовского о Тарусе: «Я живу в одном маленьком городе на Оке. Он так мал, что все его улицы выходят или к реке, с ее плавными и торжественными поворотами, или в поля, где ветер качает хлеба, или в леса, где по весне буйно цветет между берез и сосен черемуха...» И ведь во многом именно благодаря Константину Георгиевичу, его заботе и вниманию к любимому им городу, неоднократным выступлениям в периодической печати Таруса сохранила свой столь притягательный ныне для нас одно-двухэтажный облик рубежа XIX–XX столетий.

Мемориальный дом-музей К.Г. Паустовского в Тарусе входит в состав столичного Литературного музея-центра писателя. И тот, и другой музейные центры, вне сомнения, заслуживают того, чтобы в них побывать. Ибо после их посещения начинаешь намного глубже и полнее понимать творчество писателя, а порой по-новому смотришь на его, казалось бы, известные и даже в некотором роде ставшие хрестоматийными произведения. Наверняка для многих, кто соприкоснется с миром Паустовского, станет открытием его как тонкого лирика, автора проникновенных и глубоких стихотворений.

Комната Паустовского в тарусском доме проходная, но необычайно светлая. И, конечно же, не только из-за желтых тонов, доминирующих в декоре ее убранства. Она словно наполнена нечаянной радостью, настоящей на разнотравье летних ароматов. Кажется, будто писатель вышел на пару минут по делам, и вот-вот вернется. Трепетное сохранение памяти о великом русском писателе — это, прежде всего, заслуга музейных работников. Дом Паустовского в Тарусе, несмотря на свои малые, по сути, размеры, на редкость компактен. Интересно, что кухня и хозяйственные помещения «спрятаны» на минус первом этаже, можно сказать,

в подвале. Так оригинально хозяин дома обошел действовавший в то время запрет на возведение двухэтажных жилых домов.

Из дома Паустовского попадаешь в разбитый им сад с цветниками, трепетно сохраняемый и поныне. Стоит пройти буквально пару шагов, и оказываешься у крытой беседки, в тени и тишине которой любил творить и отдыхать Константин Георгиевич. От-

сюда, с высокого крутого берега речки Тарусы открывался чудесный вид на окрестности. Конечно, прошедшие десятилетия изменили очень многое и в жизни страны, и в бытии Тарусы, и даже в окрестном ландшафте. Невероятно, но факт: бывшая во времена Паустовского полноводной и глубокой, речка Таруса превратилась ныне в узенькую, почти что горную речушку, торопливо шумящую на перекатах

Истории. Вот уж действительно, все течет, все меняется...

Но зато Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского (в состав которого и входит мемориальный дом-музей писателя в Тарусе) переживает ныне свое второе рождение. История столичного музея Константина Георгиевича уникальна. Основанный более 40 лет тому назад как общественный (а по сути — народный) музей, он не раз менял место своей дислокации, пока не прописался в 1987 году в усадьбе Влахернское-Кузьминки, в деревянном «Доме садовника» XVIII столетия. И пусть непосредственно это зда-

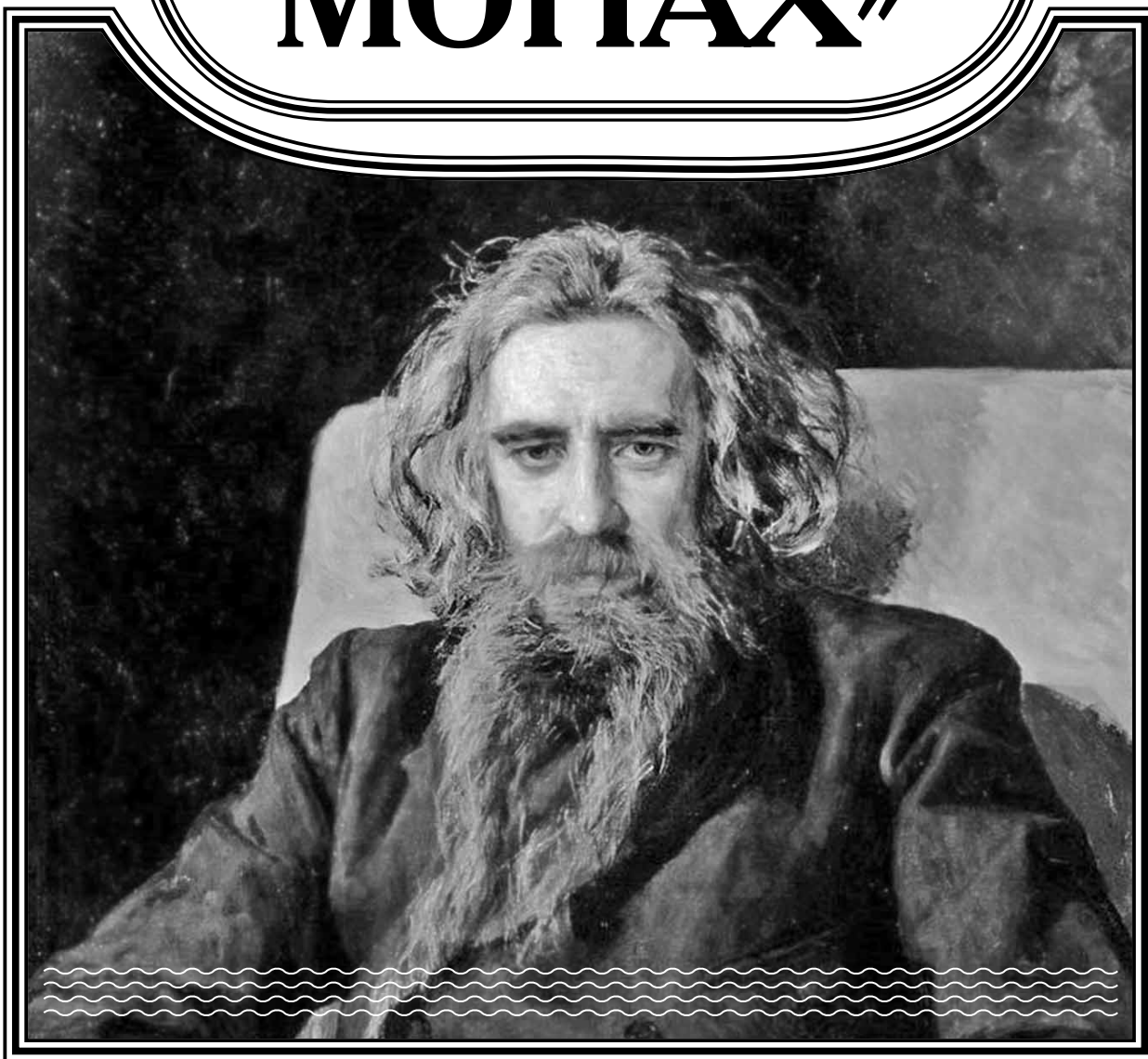
ние не имеет отношения к Паустовскому, зато внутри сотрудниками литературного музея воссоздана атмосфера жизни и быта одного из классиков советской литературы. Здесь много подлинных, непосредственно связанных с Паустовским, экспонатов. Фонды регулярно пополняются, а хранители музея активно участвуют в культурной жизни столицы и России, выполняя важную духовно-просветительскую миссию для самых разных возрастных и социальных групп.

Будет время и возможность, посетите музей Паустовского. Они того стоят. □

Юрий Осипов

«РЫЦАРЬ- МОНАХ»

Русские символисты восприняли как откровение поэзию и философию Владимира Соловьева. Его насыщенная образность, дерзкий масштаб поставленных задач, синкретическая система взглядов определили теургию Вяч. Иванова, поэтику А. Белого, музыку стиха А. Блока. В статье «Рыцарь-монах» Блок говорит о решающем влиянии Соловьева на символизм.

***Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.***

Глубокая духовность, удивительная загадочная недосказанность, укрытая покровом ярких символов, под которым скрываются тайна и глубина одухотворенной жизни, — вот что привнес в отечественную поэзию этот оригинальнейший мыслитель-идеалист, тончайший философский лирик, пронизательный критик и публицист. Продолжая традиции Тютчева, Фета и А.К. Толстого, Соловьев освоил не свойственную ранее русской поэтической музе исповедально-интимную тональность, которая позволила ему охватить в стихах личное и «надличное», земное и небесное, мгновенное и вечное.

Он родился в семье знаменитого историка С.М. Соловьева, а по матери приходился двоюродным внуком великому русско-украинскому философу Г. Сковороде, чем весьма гордился. В юности приобрел неудачный любовный опыт, который сам же описал в автобиографической повести. Еще совсем молодым будущий поэт собирался жениться на двоюродной сестре Кате Романовой, безуспешно попытавшись наставить ее на путь «самоотрицания воли». А до того имел краткий платонический роман со своей совсем еще юной тетушкой А. Петкович, одарявшей его летучими поцелуями в ответ на стремление приобщить ее к философии Шопенгауэра...

В Духовной академии, куда Владимир Сергеевич поступил с дипломом Московского университета, одни считали его нигилистом, другие — религиозным фанатиком, а третьи — просто сумасшедшим. Такая полярность мнений будет сопровождать поэта-философа и в дальнейшем.

Из современников он преклонялся перед Достоевским. Как и Достоевскому, ему являлись видения. В возрасте девяти лет он узрел Божественную премудрость — Софию. Будучи уже магистром философии, увлекался спиритизмом, одновременно веря и не веря в то, что происходит на спиритических сеансах. В Британском музее, забывая обедать, днями просиживал над книгами о каббале, вел таинственные записи. Но наклонности мистика своеобразно сочетались в нем с веселым нравом, с постоянной шутливостью, с приверженностью к своим и чужим анекдотам и, наконец, с шуточными произведениями, занимающими немалое место в сборнике его стихотворений. Он не любил

и не знал изобразительного искусства, музыки, театра, отдавая, кроме поэзии, предпочтение одним лишь шахматам.

Одевался он во что попало и по забывчивости порой даже выходил на улицу в наброшенном на плечи красном одеяле, которым укрывался ночью. От Соловьева постоянно пахло скипидаром — это был его любимый запах, скипидаром философ лечился и ему же во многом обязан ранней кончиной.

Москвич по рождению, Владимир Сергеевич Соловьев появился на свет 16 января 1853 года. В многодетной семье автора фундаментальной «Истории России с древнейших времен» строгий отец пользовался непререкаемым авторитетом.

Мать, Поликсена Владимировна, отличалась более мягким характером и принадлежала к дворянской семье Романовых, имевшей польские и казацкие корни. Владимир Соловьев считал, что унаследовал свою духовность от прославленного пращура, мыслителя Г. Сковороды, хотя в юные годы ничто не предвещало в нем будущего религиозного философа. «Я никогда не встречал материалиста столь страстно убежденного. Это был типичный нигилист 60-х годов», — свидетельствовал его тогдашний приятель.

В 1864 году Володя поступил в 5-ю московскую гимназию и окончил ее с золотой медалью, причем имя его было занесено на почетную доску лучших выпускников. Затем, по желанию отца, он начал учиться на историко-филологическом факультете Московского университета, от-

куда, правда, перешел вскоре на физико-математический. Впрочем, естественные науки у пытливого студента не задались, и он, сдав экстерном экзамены, вернулся на историко-филологический факультет, страстно увлекшись философией Спинозы и еще больше — Шопенгауэра.

Дальше началось «кружение сердца», «беспокойство духа». В 1874 году Владимир поступил вольнослушателем в Духовную академию. Там кто-то пустил слух, что он задумал стать монахом. Подобные слухи Соловьева не беспокоили, он держался особняком, целиком погруженный в философские штудии, и делал первые уверенные шаги в стихосложении. Вскоре вышла в печати его первая статья «Мифологический процесс в древнем язычестве».

Молодого философа увлекла русская идея Достоевского, и он посвятил ей отдельную брошюру. Затем на одаренного юношу обратил внимание профессор Московского университета П. Юркевич, который высоко оценил соловьевский перевод Канта и взял Владимира под свое крыло. Увидев в нем своего возмож-

ного преемника, он предложил ему писать магистерскую диссертацию.

Защита состоялась в ноябре 1874 года. В своей диссертации Соловьев впервые сформулировал идею всеединства, синтеза западной и восточной культур. Эту излюбленную им идею он пронесет через всю жизнь. Объединить логическое совершенство западной мысли с полнотой содержания духовных созерцаний Востока Соловьев будет пытаться не только в ряде философских работ, но и в стихах.

В январе следующего года свежеиспеченный доцент уже стоял в аудитории Московского университета и читал студентам вступительную лекцию к курсу истории новейшей философии, сменив на посту заведующего кафедрой недавно скончавшегося Юркевича.

Одновременно Владимир Сергеевич преподавал на женских курсах Герье. Курсистка Елизавета Поливанова, увлеченно слушавшая его лекции, отмечала, что «у Соловьева замечательные сине-серые глаза, густые темные брови, красивой формы лоб и нос, густые довольно длинные и несколько вьющиеся волосы... Это лицо прекрасно и с необычайно одухотворенным выражением, как будто не от мира сего, мне думается, такие лица должны были быть у христианских мучеников».

Не влюбись Лиза безнадежно в другого человека, она могла бы стать женой Соловьева, тем более что произвела на него большое впечатление. Он добился, чтобы их по-

знакомили, сделал девушке предложение, но, увы, получил отказ...

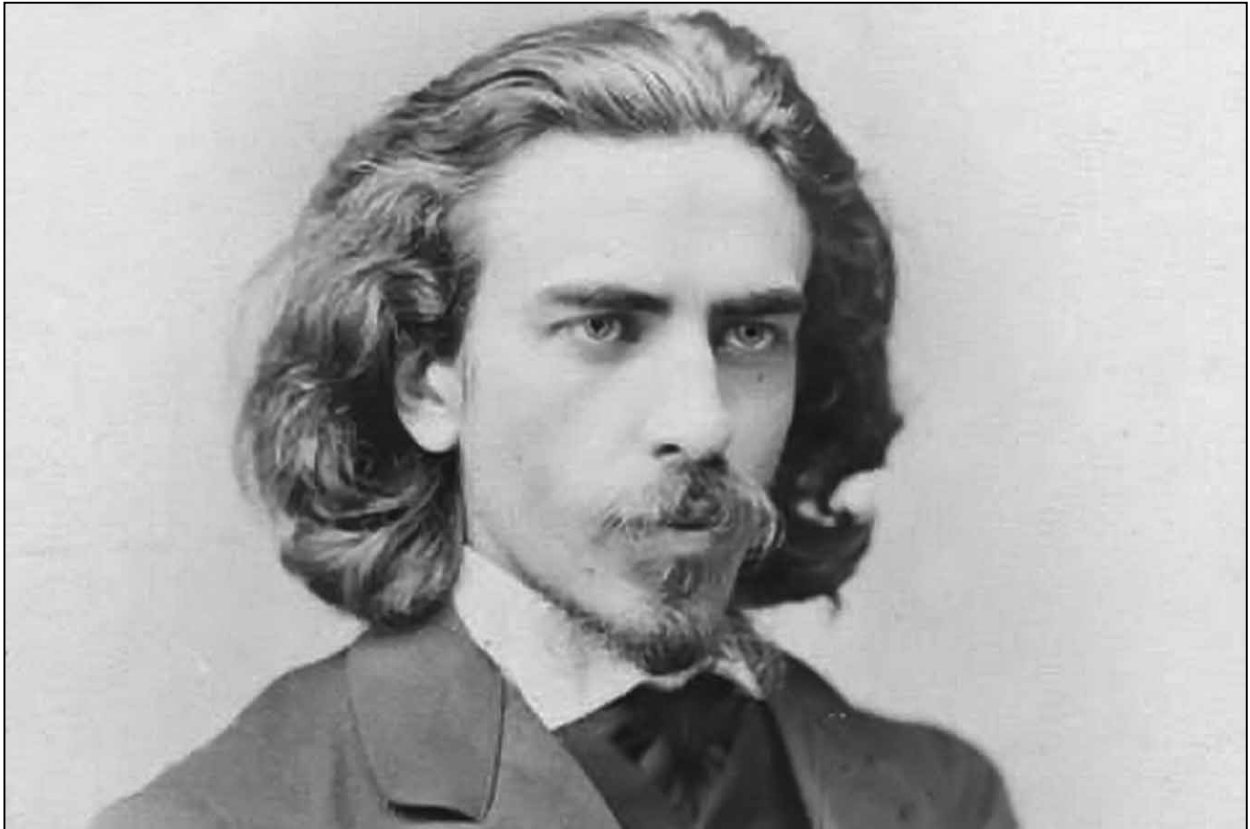
В июле 1875 года университет командировал Соловьева в Британский музей для изучения гностической и средневековой философии. Целыми днями, забывая обедать, он просиживал в музейных залах над историко-философскими текстами и книгами по каббале, вел таинственные записи. Оказавшись в Лондоне, Владимир, естественно, сразу отправился к местным спиритам, но быстро в них разочаровался, поняв, что это всего лишь шарлатанство.

Вдали от родины (а из Лондона философ отправился в Каир) мысли Соловьева все чаще обращаются к России, к ее историческому предназначению.

*О, Русь! В предвиденьи высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?*

Вернувшись в Россию, Владимир Сергеевич продолжал читать в Московском университете курс логики и истории философии, готовясь к защите докторской диссертации.

В 1877 году журнал «Русский вестник» начал публиковать его обширный труд «Критика отвлеченных начал», который спустя три года ляжет в основу докторской диссертации Соловьева. Ее он защитил уже в Петербургском университете, покинув московскую «альма-матер» в знак протеста против готовившейся расправы с передовыми профессорами.

Летом того же года Соловьев, вооружившись револьвером, неожиданно отправился в качестве корреспондента на театр военных действий с Турцией, однако на передовую так и не попал. Пережитый им в те дни патриотический подъем вылился в страстную публичную лекцию «Три силы», которую он под бурные рукоплескания читал в Москве.

Этими тремя силами, определившими в его представлении ход мировой истории, были мусульманский восток, западная цивилизация и славянский мир. Причем именно третья сила призвана преодолеть ограниченность двух предыдущих, что привели «подвластные им народы к духовной смерти и разложению». «Только славянство, в особенности Россия, — заключает Со-

ловьев, — ...может стать историческим проводником...»

Еще больший успех у широкой публики имели в начале следующего года публичные чтения Соловьева о «богочеловечестве». На них съезжалась вся образованная столица, по свидетельству Достоевского, «чуть ли не тысячную толпою». Бывал там и Лев Толстой. С ним у Соловьева отношения остались прохладными, а вот с Достоевским они подружились и совершили вместе поездку в Оптину пустынь.

В «Чтениях» соловьевская концепция всеединства развернулась уже в космических масштабах. Философ одинаково критично смотрит и на западное, и на восточное христианство. Запад, по его представлению, выпестовал идею индивиду-

альности, воплотившуюся в образе «богочеловека», Восток же создал образ «человекобога», олицетворяющего универсализм. Задача — свети воедино оба христианских принципа и «вследствие этого свобод-

ная власть отрицается от государственного начала и вступает на кровавый путь, мы... отречемся от нее».

На другой день философа пригласили к градоначальнику и потребовали объяснений. Дело приняло серьез-

Огромный успех у публики имели публичные выступления Соловьева о «богочеловечестве». На них съезжалась вся образованная столица, по свидетельству Достоевского, «чуть ли не тысячною толпою». Бывал там и Лев Толстой. С ним у Соловьева отношения оставались прохладными, а вот с Достоевским они подружились по-настоящему, и даже совершили вместе поездку в Оптину пустынь

ного сочетания породить духовное человечество».

Задача, что и говорить, грандиозная. Но ее философское обоснование отнюдь не отрывало Соловьева от вполне земных дел и забот, от участия в общественной жизни своего времени. Он по-прежнему преподавал в Петербургском университете, после защиты докторской имел право на профессию, но начальство продолжало держать его в приват-доцентах. Причиной этого было выступление Владимира Сергеевича в защиту цареубийц — когда уже заканчивался судебный процесс над ними, он обратился в публичной лекции к Александру III с призывом помиловать участников покушения на отца императора. Причем еще и пригрозил: «...если государствен-

ный оборот, доложили царю, который велел сделать Соловьеву внушение и рекомендовать ему некоторое время воздерживаться от публичных выступлений. Однако из университета его не увольняли. Он ушел сам, не желая связывать себя строгим расписанием лекций и тяготясь низким уровнем преподавания философии.

Владимир Сергеевич вновь вернулся в Москву.

В северной столице Соловьев жил в гостинице, а в Первопрестольной — у матери (отец умер в 1879 году). Тогда-то и произошло его знаменательное знакомство с супругой Льва Толстого, а через нее — с племянницей Софьи Андреевны, Софьей Петровной Хитрово. В эту замужнюю женщину философ без па-

мяти влюбился и готов был на ней жениться в случае развода. Однако Софья, ласково относясь к нему, не ответила Соловьеву взаимностью и с мужем разводиться не пожелала.

Неразделенная любовь эта продолжалась более десяти лет, причем Владимир Сергеевич часто гостил в имениях своей пассии и ее супруга — в Пустыньке под Петербургом и в Красном роге на Брянщине. Надежды на возможный брак с Софьей Хитрово вновь вспыхнули у него весной 1883 года, когда он получил от своей избранницы проникновенное письмо. Но, судя по трем грустным стихотворениям («Безрадостной любви развязка роковая!..», «Друг мой, прежде, как и ныне» и «Бедный друг, истомил тебя путь...»), любовный роман так и не состоялся, а окончательный конец наступил в 1887 году. Соловьев к тому времени уже начинал страдать хронической бессонницей, от которой не мог найти спасения, и по ночам рисовал в воображении образ любимой женщины.

*Все нити порваны, все отклики —
молчанье.*

*Но скрытой радости в душе
остался ключ,*

*И не погаснет в ней до вечного
свиданья*

*Один таинственный и неизменный
луч.*

Это исповедальное стихотворение он посвятил своему любимому поэту — Фету.

Прошло совсем немного времени, и Соловьев опять влюбился. И снова — в замужнюю женщину с деть-

ми, которую тоже звали Софьей. Но и эта пылкая влюбленность окончилась ничем.

Его мятущийся ум боролся с трепетным сердцем. Задумав трехтомный труд, посвященный защите и оправданию католицизма, Соловьев написал и издал в Париже на французском языке его начальные части — «История и будущность теократии» (1887 г.), «Россия и вселенская церковь» (1888 г.). Разочарованный, одинокий, непонятый, он вернулся из Франции на родину и стал запальчиво громить в философской полемике новое поколение славянофилов в лице Н. Данилевского и Н. Страхова, отстаивая в брошюре «Русская идея» необходимость единения славянских народов.

В 1896 году скончался супруг Софьи Петровны Хитрово. Казалось бы, путь к ее сердцу был теперь свободен. Несмотря на безалаберность и странничество, в особенности на недавно пережитое новое любовное разочарование, Владимир Сергеевич сделал последнюю отчаянную попытку обрести семью, как-то наладить свою жизнь. Увы, на предложение руки и сердца он получил от Софьи Петровны решительный отказ. Правда, это не помешало им остаться друзьями, и Соловьев, не изменивший своим бродяжническим привычкам, подолгу гостил у нее в имении.

И все же подспудно его все время тянуло в дорогу. Весной 1898 года он неожиданно отправился в Египет, морем, через Константинополь. Во время плавания его мучили гал-

люцинации. Как-то в каюте Владимиру Сергеевичу привиделось мохнатое чудовище, которое он принял за дьявола (дело было на Пасху) и крикнул ему: «А ты знаешь, что Христос воскрес?» С криком: «Христос-то воскрес, а тебя я все-таки доконаю» — черт, якобы, бросился на философа. Его нашли на полу каюты без чувств.

В Петербурге ему пришлось обратиться к психиатру. На запланированную после Египта поездку в Палестину денег не хватило — Владимир Сергеевич не умел их считать и даже не тратил, а просто раздавал. К тому же здоровье его все ухудшалось. Исследователи убеждены, что он подорвал свой организм длительными постами, усиленными занятиями, но, главным образом, постепенным отравлением скипидаром, оказывающим разрушительное воздействие на почки. А убедить его отказать от этого губительного «доморощенного» лечения было совершенно невозможно.

*Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.*

Принимая тезис об объективности прекрасного, Соловьев вместе с тем отвергал расхожую в ту эпоху мысль о превосходстве природной красоты над той, что создает художник. Работа «Красота в природе» (1889) открывает новый этап в творчестве поэта-философа. Природа лишена нравственного начала, отмечал он, искусство призвано одухо-

творить природу, объективировать ее внутреннюю красоту.

Такое же значение придавал Соловьев духовной сущности любви, предстающей вполне земным, телесным чувством. *«Когда серебряные нити \Идут из сердца в область грез... \О, боги вечные! возьмите \Мой горький опыт и верните \Мне силу первых вешних гроз...»*

Незадолго до смерти Владимир Сергеевич познакомился с другой оригинальнейшей личностью — религиозным мыслителем и философом-футурологом, родоначальником русского космизма, библиотековедом и скромным помощником библиотекаря знаменитого Румянцевского музея, из которого впоследствии выросла Ленинская библиотека, Николаем Федоровым.

Федоровская философия «общего дела» преодоления смерти, возвращения к жизни всех умерших и завоевания космоса для удовлетворения их жизненных нужд нашла у Соловьева горячий отклик. Однако позднее он разошелся с Федоровым в некоторых принципах. Утопию Федорова Соловьев интерпретировал как требование духовного обновления.

В нашумевшей лекции «О причинах упадка средневекового мирозерцания», к которому он относил западный индивидуализм и идею «личного спасения», Соловьев призвал верующих и неверующих спасти мать-землю от грозящего ей омертвления (не правда ли, весьма актуально звучит сегодня!) и тем самым

спасти себя самих от духовной смерти. Лекция вызвала громкий скандал. Либералы усмотрели в ней отречение от свободы индивидуальности, консерваторы — глумление над православием, и под дружную травлю философа в печати требовали выслать его за границу. Бедный Соловьев отбивался как мог. Выпустил программное сочинение «Смысл любви», доказывал свою правоту в стихах.

Вторую половину 1893 года он провел в Швеции, Шотландии, Франции. А, вернувшись на родину, при-

В Узкое Соловьев прибыл уже тяжело больным. Врачи нашли у него атеросклероз, цирроз почек и полное истощение. Через две недели, 31 июля (13 августа по новому стилю) 1900 года он скончался в кабинете хозяина имения, П. Трубецкого, и был похоронен рядом с могилой отца на Новодевичьем кладбище.

Владимир Соловьев ушел на пороге нового века, окинув с вершин культуры провидческим взглядом грядущие десятилетия. Ушел, одинокий, страдающий, но счастливый об-

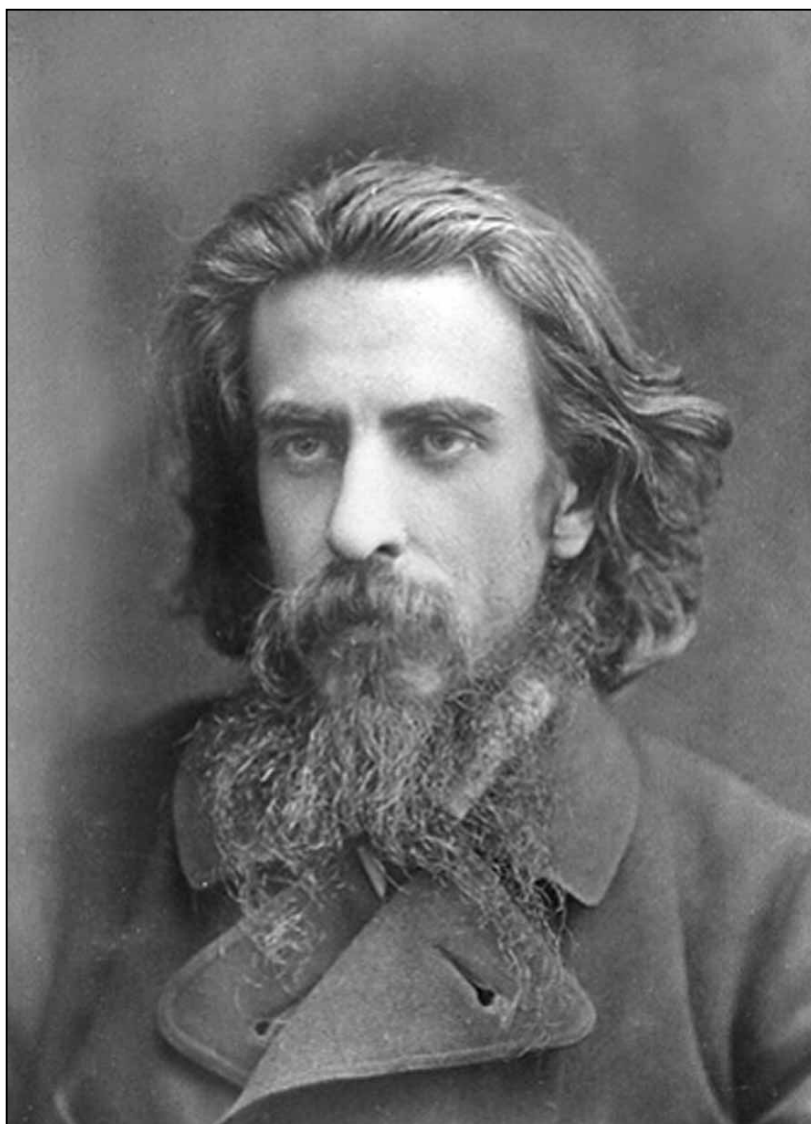

П *Принимая тезис об объективности прекрасного, Соловьев вместе с тем отвергал расхожую в ту эпоху мысль о превосходстве природной красоты над той, что создает художник. В своей работе «Красота в природе» он отмечал, что природа лишена нравственного начала, а искусство призвано одухотворить ее*

ступил к созданию главного своего философского труда — трактата «Оправдание добра». Задумал также работу «Оправдание красоты», но не успел ее начать, так как чувствовал себя все хуже и хуже. Приехав в Москву, чтобы сдать в печать рукопись переводов Платона, в день своих именин, 12 июня, почувствовал себя совсем плохо. Владимир Сергеевич попросил своего друга Давыдова отвезти его в подмосковное имение Узкое, где жил с семьей его любимый ученик, профессор Московского университета князь С. Трубецкий.

ладатель бесценных духовных сокровищ. Ушел, оплодотворив своими идеями, своей любовно-философской лирикой не одно поколение отечественных мыслителей и поэтов. Н. Бердяев, утверждавший, что философия в России началась с «Писем» Чаадаева, считал Вл. Соловьева первым снискавшим известность на Западе русским философом.

Он вдохновил Достоевского на создание светлого образа Алеши Карамазова в романе «Братья Карамазовы». Влияние цикла соловьевских статей «Смысл любви» можно

проследить в «Крейцеровой сонате» Льва Толстого. Творчеством Владимира Соловьева питались не только символисты и модернисты начала XX века, но и неоидалисты поздней советской эпохи.

Мало того, он оказался настолько современен в наши дни, что его новелла «Три разговора» послужила основой для... рок-оперы «eIovedAntichrist» шведской симфоник-металл-группы Therion. Возможно, это далеко не последняя переключка его творческого наследия с искусством и литературой нынешнего столетия.

*И как в твоей душе с невидимой
враждою
Две силы вечные таинственно
сошлись,
И тени двух миров, нестройною
толпою
Теснясь к тебе, причудливо сплелись.*

*Но верится: пройдет сверкающий
громами
Средь этой мглы божественный
глагол,
И туча черная могучими струями
Прорвется вся в опустошенный
дол. □*

Бедные врачи, порой мне кажется, что они вынуждены тратить большую часть своего рабочего времени на заполнение бесконечных бумаг вместо осмотра больных. Наверное, именно поэтому, когда нужна медицинская помощь, ее не дождешься, а вот когда она вообще не нужна, то

Понедельник — день тяжелый. Вышел на работу первый день, после «отпуска». Почему в кавычках? Да потому, что все эти дни провалялся в больнице, лечу свой радикулит.

— Минуточку внимания! — заходя к нам, произнес начальник и поправил огромные усы. — Завтра у нас всеобщий медосмотр. Кто не пройдет флюорографию, будет лишен годовой премии, а тому, кто не вообще не пройдет медосмотр — расстрел на месте! Да нет, я шучу, просто уволим по собственному желанию, и все. И неважно, есть оно, это желание, или нет. Всем понятно?

— И сколько времени это займет? — прозвучал чей-то робкий голос.

- Если поспешите, то за три дня управитесь.
- А нам за дни простоя заплатят?
- Конечно, даже обязательно, все согласовано с трудовым кодексом!
- Скажите, а зачем мне медосмотр? Я ведь только из больницы выписался, мне там и рентген делали, и все анализы брали, да и лечили больше месяца.
- Ничего не знаю, все оплачено организацией, так что соизвольте получить!
- Я понимаю, что оплачено, но зачем зря отнимать у врачей время? Может, они потратят его на человека, которому действительно необходима помощь?
- Послушай, умник! — рассердился начальник. — Ты анекдот про драку знаешь? Нет? Так вот послушай: «Под Новый год заходят в квартиру двое и спрашивают — драку заказывали? Нет, отвечают хозяева. Ничего не знаем, за все заплачено, получите!» Чтобы завтра на медкомиссии, как штык, при всем параде: костюмчик, галстук и так далее, как на праздник! Понял?

Подчиняюсь и на следующее утро топаю напрямик в поликлинику. Захожу в холл и умиляюсь, очередь в регистратуру, как за импортными лифчиками в советские времена. Причем очередь состояла не только из женщин, но и мужики пристраивались.

- Кто крайний? — спрашиваю я у очереди.
- Крайние все там, — отвечает мне мужчина, показывая пальцем вверх. Что он имел в виду, я так и не понял, то ли верхние этажи поликлиники, то ли небеса, кто его знает.
- За мной держитесь, — поворачивается ко мне молодая женщина с прекрасной фигурой.
- Хорошо, — отвечаю я, не зная, за что мне держатся.
- Стою в очереди и думаю, а может, мне не сюда?
- Вы случайно не подскажете, в какое окно мне стоять?
- А вам куда? — почти хором спрашивает толпа.
- Мне на медосмотр.
- Тогда не знаем. Лично мы за анализами стоим.
- Интересно, думаю я, неужели анализы сейчас так популярны, что за ними такая очередь и давка? Раньше так больше за колбасой «Сервелат» убивались, а теперь? Наконец через два часа дохожу до окна регистратуры и говорю:
 - Девушка, меня направили на медосмотр.
 - А зачем вы здесь стоите, только очередь создаете?
 - Так я же не знаю, куда мне идти! — возмущаюсь я.
 - В 508-й кабинет, естественно, — уверенно отвечает медсестра.
 - Так вы хотя бы объявление написали.

— А зачем объявление? И так все понятно.

— Кому понятно? — недоумеваю я.

— Как кому? Всем! Мне, допустим.

— А...а, вам! Тогда все ясно.

Пытаюсь найти 508-й кабинет, выясняется, что он на пятом этаже. Пытаюсь попасть в лифт, но все мои действия взять лифт штурмом безуспешны. Осознаю, что, если дальше буду пытаться попасть в лифт, то доеду до пятого этажа далеко за полночь. Иду пешком, лестничный марш очень длинный, а ступеньки высокие. Опять начинаются боли в спине, от которых меня лечили в больнице больше месяца. Хочется бросить этот «дурдом», но понимаю, что буду уволен, а работу сегодня найти очень непросто. Наконец нахожу 508-й кабинет и становлюсь в очередь. Боль в спине все усиливается, а присесть негде, все лавочки заняты.

Наконец подходит моя очередь. Я вхожу в кабинет, врач внимательно изучает мое направление и вдруг говорит:

— Вам не ко мне, а в 703-й кабинет, он находится в другом корпусе поликлиники.

С трудом пробираюсь через все сугробы до нужного корпуса, поднимаюсь на седьмой этаж, нахожу кабинет и становлюсь в очередь. Про себя думаю, что вниз уже не спущусь и останусь здесь пожизненно. Выстояв очередные три часа, захожу, наконец, к врачу и получаю от него огромный лист бумаги, с перечислением врачей, которых необходимо пройти. Выхожу из кабинета, уже пять часов. Народу стало меньше, нашел свободное место на лавке, сел передохнуть. Спина продолжает очень сильно болеть, и я думаю, что после медосмотра мне опять прямая дорога на больничную койку. К шести часам вечера народ рассосался, боли в спине немного утихли, и я, спустившись на лифте, отправился домой.

На следующий день встаю в 6.00 утра, иду пораньше в поликлинику занимать очередь. Но поликлиника открывается в 8.00. Вот незадача! К восьми утра набегает столько народу, что я со своей спиной стараюсь быть подальше от входа. В 8.00 начинается штурм регистратуры, все куда-то бегут, стою в сторонке, наблюдаю, мне же не лечиться, а только на медосмотр. Впереди всех несутся три бабушки, которые вчера изображали в очереди умирающих лебедей, наверное, у них сегодня все прошло. Далее бегут те спринтеры, которым срочно нужен бюллетень, а за ними уже — все, кто болеет. Когда вход в поликлинику освободился, спокойно вхожу и иду относить анализы.

— Ты бы еще бутылку из-под шампанского приволок, — делает мне замечание женщина в белом халате, моющая кафельный пол.

Наверное, у нее сегодня плохое настроение, думаю я, и тут в дверь врывается молодой человек. Парень сначала скользит по мокрому кафельно-

му полу, потом падает, летит дальше... Как результат, перевернутый стол с анализами, большая их часть разбита, все перемешано в одну кучу.

— Соболезную, — произношу я, глядя на парня и уборщицу, а про себя думаю, что анализы придется повторить.

Иду сдавать анализ крови.

— У вас из пальца невозможно взять кровь! Она просто не течет! — ворчит на меня медсестра.

— Извините, но ничем не могу вам помочь.

Наконец выхожу из кабинета, достаю огромный обходной лист, читаю: первым в списке — «Ухо, горло, нос». Занимаю очередь, жду. Люди начинают волноваться, а чуть позже волнение перерастает в настоящий скандал.

— Куда вы претесь, сейчас моя очередь! — нервно произносит женщина.

— Как это, ваша очередь? Сейчас должен идти я, у меня талон! — возмущается мужчина.

— Да нет же, сейчас должна идти я, у меня по времени назначено! — уверенно говорит бабуля.

— А я вообще беременная, мне без очереди положено, — произносит молодая, худенькая девушка без всяких признаков живота.

— Не знаю, как вы, но я точно беременный, — перебивает ее пожилой мужичок, показывая на свой огромный пивной животик. — А значит, мне вперед всех надо.

Стою, жду, через полтора часа попадаю к врачу.

— Один, — шепчет мне с порога врач, — два.

— Вы о чем, доктор?

— Три.

— Я вас не понимаю!

— Потому что вы глухой и меня не слышите.

— Нет, я вас прекрасно слышу. Вы считаете, но к чему это?

— Что, что? — переспрашивает врач.

— Я вас прекрасно слышу, — достаточно громко отвечаю я.

— Что вы там бормочите себе под нос?

— Да слышу я вас! — практически кричу я врачу прямо в ухо.

— А...а! Значит, со слухом все в порядке? Тогда зачем пришел?

— Меня на медосмотр направили.

— Тогда зачем мозги пудришь? Сразу говорить нужно, я бы сразу и подписал, — произносит врач и подписывает обходной лист.

Теперь занимаю очередь к хирургу. Через сорок минут попадаю в кабинет.

— Жалобы, боли в животе, боли в ногах и так далее есть или полностью здоров? — как пулемет произносит хирург, не поднимая глаз и утопая в бумагах, при этом уже заполняя мой обходной.

— Здоров, как бык, — отвечаю я, думая о том, чтобы как можно быстрее избавиться от этого медосмотра.

— Ну, и хорошо, — кивает хирург и выпроваживает меня из кабинета.

Иду дальше и становлюсь в очередь к окулисту. Стою два часа, пока, наконец, не свершается чудо.

— Можно? — спрашиваю, заглядывая в кабинет.

— Ну, проходи, милоч! — говорит прокуренным голосом очень пожилая женщина, без преувеличения, бабушка лет восьмидесяти. — Что встал? Давай к барьеру! — показывает она на подоконник, находящийся на противоположной стороне кабинета.

Молча иду к барьеру.

— Закрывать правый глаз! — командует врач.

Закрываю глаз ладонью руки.

— Подглядывать хочешь? — вдруг ехидно спрашивает она.

— А чем закрывать?

— Да ты совсем слепой! Не видишь, картонка на столе лежит.

Беру картонку, закрываю правый глаз, врач подходит к доске с буквами, вертит указкой, как Арамис шпагой, затем резко тыкает ею в картон:

— Какая буква?

— Не то буква «П», не то буква «Н».

— Значит, со зрением все плохо?

— Нет, у меня сто процентов, просто наконечник вашей указки между этими буквами установлен.

— А это тогда что? — спрашивает врач, в очередной раз тыкая указкой на более мелкий шрифт. При этом наконечник указки располагается не только между буквами, но и между строками.

— Наконечник вашей указки установлен между буквами «В» и «С», это если брать верхнюю часть строки, и между буквами «Д» и «Л» по нижней части.

— Издеваешься?! Да ты у меня никогда на права не сдашь!

— А мне и не надо, у меня и машины нет, — заявляю я.

— Что? Я не поняла, а зачем ты здесь?

— Меня прислали на медосмотр.

— Да...а!

— Да.

— Ну, так давай обходной, сейчас подпишу. А знаешь, повезло тебе! Через меня с первого раза еще никто не проходил, даже со зрением 100%. — констатирует старенькая врачиха и заполняет мой обходной.

И все бы было хорошо, если бы подслеповатый окулист надела очки. А так, в графе проктолог появилась надпись: «Дно глаза абсолютно нормальное, патологий не обнаружено, зрение 100%». Интересно, а как это сочетается

с расположением человеческих органов? Про какой глаз говорится, в каком он месте находится? Но факт есть факт, печать, подпись врача, все как положено.

Иду дальше по списку, попадаю к молодому врачу-невропатологу.

— Так, так, как нервишки? — с ходу спрашивает врач.

— Да вроде не жалуюсь.

— Это все так сейчас говорят. Проходите, присаживайтесь вот на этот стул.

Присаживаюсь на стул, врач садится напротив меня.

— Положите ногу на ногу, расслабьтесь, — говорит он и внезапно для меня не сильно стучает молотком по коленке.

Не знаю, может быть, у меня с нервами не все в порядке, а может, молодой врач угодил мне прямо в нерв, но моя нога самопроизвольно подпрыгнула, а носок моего остроносого ботинка угодил доктору прямо в пах.

— Черт подери! — прошипел врач, корчась от боли.

— Доктор, извините меня, пожалуйста, я не хотел!

— Заполните ему обходной лист, — попросил врач медсестру и быстро вышел из кабинета.

Смотрю на часы и понимаю, что к следующему врачу занимать очередь бесполезно. Второй день закончился, а я прошел далеко не всех врачей. На следующий день прихожу в поликлинику к 8.10-ти утра и, после ее штурма поставив на стол в очередной раз анализы, направляюсь на рентген. Прохожу рентген и еще четырех врачей. К вечеру удастся попасть к проктологу.

— Можно?

— Конечно, — отвечает уставшим голосом врач.

Я протягиваю обходной лист.

— Так, что тут у нас... — произносит врач, раскладывая на столе мой обходной и одновременно натягивая медицинские перчатки. — Жалобы есть?

— Нет.

— Хорошо...

Внимательно посмотрев в мои документы, врач вдруг падает на стул и начинает громко смеяться. Сидящая напротив медсестра и я, недоумевая, смотрим на него. Отсмеявшись, врач достает носовой платок, вытирает слезы и протягивает пожилой медсестре мой обходной лист:

— Прочти.

У медсестры широко открываются глаза и рот.

— Узнаю Татьяну Ивановну! — говорит она и тоже начинает смеяться. — Это в ее стиле, сослепу заполнить первую попавшуюся строку. Она ведь убеждена, что у врача-окулиста в принципе не может быть плохого зрения, а носить очки для нее просто позор.

— У меня что-то не так? — настораживаюсь я.

Врач и медсестра продолжают хохотать.

— Да нет, у вас все нормально. Просто окулист открыла в ваших органах, не скажу, в каких, глазное дно, — пытается объяснить мне проктолог сквозь смех и слезы.

На этом третий день заканчивается.

На четвертый упорно бегаю по врачам и к вечеру понимаю, что могу закончить медосмотр сегодня. Где-то в половине пятого врываюсь к врачу-терапевту, он последний.

— Здравствуйте, доктор! Можно?

— Можно, — отвечает врач, не поднимая головы от бумаг.

Протягиваю ему обходной лист. Он берет его левой рукой, а правая рука продолжает непрерывно писать. При этом правый глаз врача смотрит в заполняемые им документы, а левый периодически в мой обходной. Медсестра вообще не обращает на меня внимания, так как практически утонула в бумагах.

— Значит, так! Вы, уважаемый, прошли не всех врачей. Как пройдете всех, тогда ко мне, — произносит терапевт и возвращает мне документы, даже не взглянув на меня.

Иду домой, читаю свой обходной лист. Нет подписи только у одного врача — гинеколога. Странно, думаю я, а зачем мне к нему, ведь я же женщина? Но, с другой стороны, наверное, надо подпись поставить, бюрократии у нас хватает.

На следующий день иду занимать очередь к врачу-гинекологу. К счастью, народу в кабинет не много, впереди меня пожилая женщина и девушка.

— Кто к врачу крайний? — спрашиваю я.

— Я, — отвечает девушка, и обе женщины косятся на меня.

Уверенно сажусь на лавочку и ожидаю своей очереди.

— Следующий! — кричит медсестра, и я захожу в кабинет.

Передо мной сидит пожилая врач-гинеколог и старенькая медсестра, обе, не поднимая головы, что-то упорно пишут.

— Проходите, не задерживайтесь, раздевайтесь. Кофточку и лифчик можно не снимать, остальное белье полностью, — командует врач.

Я расстегиваю ремень и пуговицы, приспускаю брюки и, стоя в трусах и рубашке, протягиваю гинекологу обходной лист:

— Доктор, подпишите мне, пожалуйста, а то я не могу терапевта пройти.

Врач прекращает писать, поднимает голову и... швыряет в меня авто-ручкой:

— Вы что, псих или издеваетесь!

Вылетаю из кабинета на полусогнутых ногах, натягиваю на себя брюки и убегаю домой.

Наступает пятый день. В поликлинику идти категорически не хочу, но умом понимаю, что надо. Опять иду к врачу-терапевту. Стою в очереди три часа и, наконец, попадаю к нему.

— Доктор, я опять к вам.

— Да, и что? — спрашивает меня терапевт, не поднимая головы от бумаг.

— Тут такое дело. Меня последний врач принимать отказался.

— Да вы что? — удивленно спрашивает врач. — И кто же это такой?

— Гинеколог, будь он неладен! Да еще авторучками в меня кидается.

— А вы зачем у него были? — продолжает удивляться врач, услышав мужской голос, прекращает писать и, наконец, поднимает глаза. — И кто вас к нему послал?

— Как кто? Вы и послали!

— Не может такого быть!

— Вы же сами два дня назад сказали, что я не всех врачей прошел. А у меня только один врач остался непроходимый, как джунгли, — гинеколог.

Врач берет мой обходной лист, видит, что у меня все врачи, за исключением гинеколога, пройдены, и задумчиво произносит:

— Да...а уж! Наверное, я позавчера переработался... — после чего садится и ставит в графе «Гинеколог» большой прочерк.

— Ну что, доктор, я прошел медосмотр? — обрадовался я.

— Не торопитесь, если вам не надо проходить гинеколога, это еще не значит, что пришли ответы на все анализы. Так что загляните завтра.

Прихожу на следующий день и, в очередной раз отстояв очередь, захожу в кабинет.

— Так, посмотрим, посмотрим, — произносит терапевт, доставая все мои документы и ответы на анализы. — Давайте померим давление.

Измеряем давление, все в норме.

— У вас все нормально.

— Конечно! Я ведь недавно из больницы выписался, меня там всего залечили.

— А с чем лежали?

— Да спина у меня, радикулит.

— Бывает, — отвечает врач и, внимательно рассмотрев мой рентген, вдруг резко встает и подходит ко мне: — Пошевелите правой рукой.

— В чем дело, доктор? — спрашиваю я, шевеля правой рукой.

— Резко поднимите и опустите обе руки.

Выполняю требование врача.

— Боль в грудной клетке чувствуете?

— Нет.

— Присядьте и встаньте.

Приседаю и встаю.

— А сейчас есть боль в груди?

— Нет, только немного в спине.

— Сделайте поворот туловища направо, так, чтобы ноги остались на месте.

В очередной раз выполняю требование врача.

— Боль в груди появилась?

— Нет.

— Вы недавно падали на грудь?

— Нет, я со своим радикулитом стараюсь ходить очень аккуратно.

— Фантастика какая-то!

— В чем дело доктор? — уже встревожено повторяю я.

— Судя по вашему рентгеновскому снимку, у вас сломаны три ребра, причем одно не только сломано, а раздроблено. Вам необходимо срочно пройти повторный рентген.

— Как, опять?! Уже третий раз в этом месяце!

— Ничего не знаю, идите на рентген.

— Доктор, знаете, если я от чего-то помру, так это от радиации.

Прохожу в очередной раз рентген. На следующий день снова иду к терапевту. Он внимательно рассматривает мой снимок и заявляет:

— Ну, вот уже лучше, ребра целы, правда, рука сломана, и снимок не ваш.

Иду в рентгеновский кабинет, долго разыскиваем мой снимок, находим, и я отношу его к доктору. Наконец терапевт подписывает мой обходной лист.

На следующий день просыпаюсь и понимаю, что у меня высокая температура, сильно кружится голова, видимо, начался грипп. Скорее всего, я его в поликлинике подцепил, стоя в очередях рядом с больными людьми. Вызываю врача на дом, оформляем больничный. Через шесть дней, наконец, выхожу на работу.

— Какого черта тебя так долго не было? — возмущается начальник.

— Медосмотр проходил.

— И что?

— А его без последствий не бывает! □

Алексей Борычев

И БЫЛ ЭТОТ ДЕНЬ...

И был этот день... и земля... и звезда.
По рельсам осенним неслись поезда,
По лунным блистающим нитям,
По мгле, по судьбе, по событиям...
И кто-то стоял, разливая вино
По темным бокалам и глядя в окно,
Где олово дня остывало,
Темнея лилово и ало.
И, спички тревог зажигая во тьме,
В осенней кисельно текущей сурьме,
Блуждали пространство и время,
Как гости иных измерений.
А кто-то стоял у окна и курил,
Допив из бокалов остатки зари,
И слышал, как тихо шептались
Пространство и время-скиталец.
И слышал гудки неземных поездов,
И осень ему показалась звездой,
По небу летящей на север,
Где ветер бессмертье посеял...

ТЕБЕ НЕСТИ ЗАРЮ И ЗВЕЗДЫ...

Тебе нести зарю и звезды
И черной памяти гранит
Туда, где так легко и просто

С тенями лучик говорит,
Где просыпаются столетья
От талых снов небытия

И где в руках бывшего лета
Судьба пульсирует моя.
На землю в панцире из снега

И капли малой не пролив,
Неси кувшин зари и неба,
Земную злобу укротив!

СИМФОНИЯ БЫЛОГО

Я сам не знал, чего хотел от жизни,
И жизнь — чего хотела от меня?..
Нектар тоски в хрусталь бессмертья брызни,
Неутолимость вечная моя!..
Покой входил дождем в лесные залы,
Где песни пел пьянящий июль.
Так много было мне! Так было мало! —
Цветущего в глазах лесных косуль.
Как веера, стоцветно распускаясь,
Миры дарили девственный приют:
Леса, лучи, озера, небо, скалы,
Мерцавшие снопы секунд, минут...
Лесное незабудковое лето!
Со мною ты... со мною только ты!
Но в памяти, в ее покоях где-то,
Лишь только там цветут твои цветы.
Лишь только там, увя... о память, память,
К чему хранишь ты блеск былых времен?
Симфония бывшего засыпает;
И бесконечно крепок этот сон!

ОДИНОЧЕСТВО — БУКОВЫЙ ЛЕС...

Одиночество — буковый лес.
В одиночестве больше простора.
В небесах, на воде, на Земле —
Беспокойства пустые повторы.
Высока одиночества боль,
Глубоки застаревшие раны.
Созревает земная юдоль
И дымят беспокойством туманы.

Но в колодцах забытых сердец —
Сероватые воды покоя.
Одиночество — счастья венец.
Одиночество — это такое
Бесконечно большое ничто,
Что похоже на малое нечто,
От которого каждый готов
Хоть на что-то надеяться вечно...

КАК БУДТО И НЕ БЫЛО НИЧЕГО...

Как будто и не было ничего...
Как будто — ни ты не была, ни я...
Шевелится некое существо —
Давно отпылавшая боль моя.
И вакуум писем и телеграмм
Уже поглотил и печаль, и грусть.

Осталась, подобная облакам,
Сырая тоска. Буреломы чувств
На мокрой земле, отсырев, лежат.
И нет в буреломах дорог и троп.
Лишь хриплые вороны все кружат,
Кричат, предвещая судьбы урок...

ОБЛАКА, СВИВАЯСЬ В КОКОН...

Облака, свиваясь в кокон, то сжимались, то взрывались,
Хлопья снега источая из невидимых хлопушек.
Юркий день тоски бечевку намотал на снежный палец,
А потом ударом резким вечер о закат расплющил.
И небесные герани, розы, флоксы, цикламены
Увядали, опадали, лепестки во мгле кружились.
Об колена разломилла ночь дневные перемены,
Напрягая до предела тьмой сверкающие жилы.
Ничего, и — только ветер, ничего, и — только стужа.
Сосны прыгают в сугробах, ели хмурятся в снегах.
Скоро на снега прольется утра огненная лужа.
Бьется сердце черной чащи в гулкой темени кругах.

ВОДА ЗИМЫ

Вода текла, не размыкая
Круги столетней ветхой тьмы,
Тяжело-цветная, густая,
Несла предчувствие зимы.
Не потому что льдистой крошкой
Она туманила глаза,

Не потому, что снежной
мошкой
Летела наземь бирюза...
Не потому... А отчего же? —
Не догадаться, не понять.
Змеится лентою по коже

Воды смертельной благодать.
На звон небес благословляет,
На тот неповторимый звон,
Что небо тусклое роняет
Предзимней музыкой на сон.
И ноября тугие вены,
Водюю полные густой,

Набрякли необыкновенно
Белесой этой густотой.
Вода. Воде. Воды. Водюю...
И снова кончились слова...
А за небесной синевою
Видна земная синева...

И ВСЕ ОДНО. И ВСЕ ЕДИНЫ...

И все одно. И все едины.
И — серебристая тоска —
На фоне гаснущей картины,
Где осень с дулом у виска.
Непостоянно постоянство.
А в тесном неводе времен
Опять запуталось пространство
И погрузилось в зимний сон.
Опять тускнеющим узором
С небес на ветки пал октябрь.
Сквозят безлистные просторы —
Наполнить холодом хотят
Леса, луга, поля, болота...
Но оживает иногда.
Предощущение полета
Во временное никуда,
В оцепенение событий,
В анабиоз страстей и чувств...
А все прошедшее — забыто.
Забыто намертво. И пусть!
Леса, исполненные светом,
Легко высвечивают мысль
О том, что бесполезно где-то
Искать хоть в чем-то некий смысл!

Коварная
бретелька,
или «Портрет
мадам Готро»

ДЖОНА САРДЖЕНТА

История мировой живописи полна драматичных сюжетов. И нередко случалось, когда картина влияла не только на развитие искусства, но и на судьбы своих создателей и героев, изображенных на полотне. Так произошло и со знаменитым «Портретом мадам Икс» американского художника Джона Сарджента, который из-за этой работы чуть не изменил профессию, а его модель, светская львица, дама полусвета, была вынуждена на пару лет уехать из Парижа и жить в провинции.

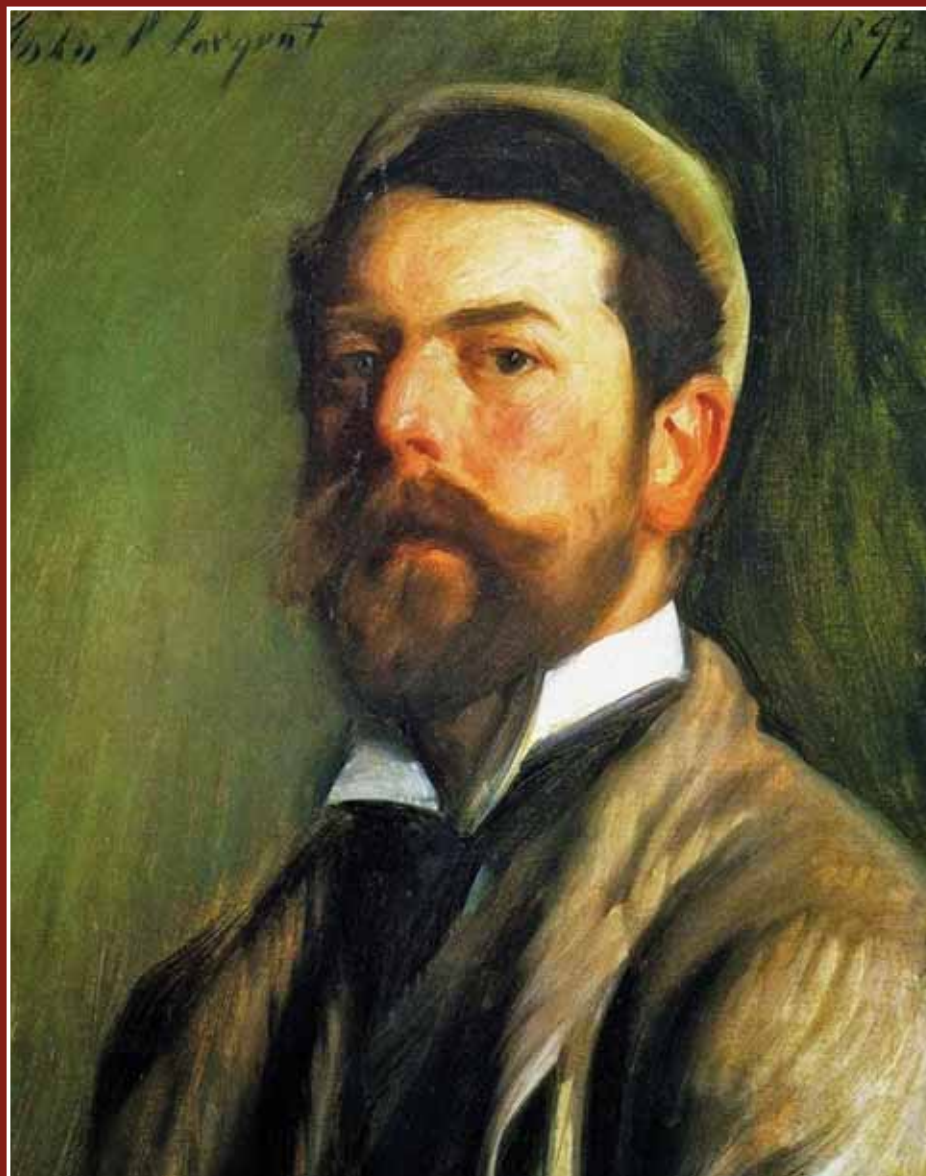
*«Портрет
мадам Икс»
(мадам Готро)*

В 1874 году миссис Сарджент привезла своего 18-летнего сына в Париж. Мистер Сарджент, глазной хирург, работавший в массачусетском госпитале, уйдя с работы, полюбил, как и его жена, путешествовать по Европе, посещать музеи и всяческие достопримечательности. Их сын Джон родился во Флоренции, колыбели Возрождения, и недаром у юноши обнаружились явные таланты к рисованию. А где еще осваивать секреты мастерства, как не в столице искусства — в Париже? В те годы самым модным парижским художником был мсье Шарль Эмиль Дюран, и в его школу стремились попасть все, кто мечтал стать художником. Повела в студию Дюрана своего сына и миссис Сарджент. Джон взял с собой альбом, где были собраны его рисунки. Один из тогдашних учеников Дюрана вспоминал: *«Мы все столпились вокруг. Дюран открыл альбом, и мы были просто поражены зрелостью рисунков американца. Я взглянул на учителя — его брови взлетели вверх, и неожиданно он посмотрел на Сарджента. Потом резко повернулся к его матери и сказал фразу, ставшую потом широко известной: "Он уже многому научился. Придется разучиваться. Потенция выше средней. Принят", — поклонился и вышел из класса».* А Джон был счастлив — он будет учиться у самого Дюрана. Он принят!

Сарджент был милым, обаятельным юношей. Вскоре у него появилось много друзей. Один из его со-

учеников, англичанин Джон Алденвер, писал: *«Познакомился поближе с Джоном Сарджентом. Такого таланта у нас еще не было. Его работы маслом — как у старых мастеров. Он свободно говорит по-французски, по-немецки и по-итальянски. Играет на рояле, как профессионал. Он очень много читает, и у него есть принципы. Благодаря ему атмосфера в нашем ателье как-то изменилась. Вышли из моды лень, волокитство и даже идиотская одежда. Уэйл Лоу, например, любил ходить в рванье и в розовом атласном цилиндре. А Сарджент всегда одет аккуратно — костюм, белоснежная сорочка, галстук. При этом он совершенно не замечает своего воздействия на людей. Начисто лишен тщеславия. Знакомство с такими людьми поднимает дух».*

А между тем Джон делал явные успехи в живописи. Уже в 1877 году его работа была впервые выставлена на Салоне, а через четыре года на очередном Салоне он получил медаль. Почитателями таланта молодого художника стали самые разные люди, и среди них — замечательный писатель Генри Джеймс. *«Вчера видел в салоне картину Джона Сарджента "Пары амброзии" — марокканка в белом одеянии, на фоне белой колонны, прикрыв голову белым покрывалом, вдыхает голубовато-белые пары, идущие из серебристо-белой курильницы. Я не знаю, правдива ли эта картина с точки зрения этнографической и религиозной, но — боже! — как*

*Сарджент.
Автопортрет*

она красива, загадочна, незабываема! Белое волшебство!» — писал он, увидев одну из работ Сарджента.

Но Сардженту хотелось настоящей славы, хотелось, чтобы весь Париж о нем говорил. А для этого нужно было изобразить какую-нибудь известную в Париже красавицу, к примеру, мадам Готро.

Вирджини Готро действительно была настоящей красавицей. Креол-

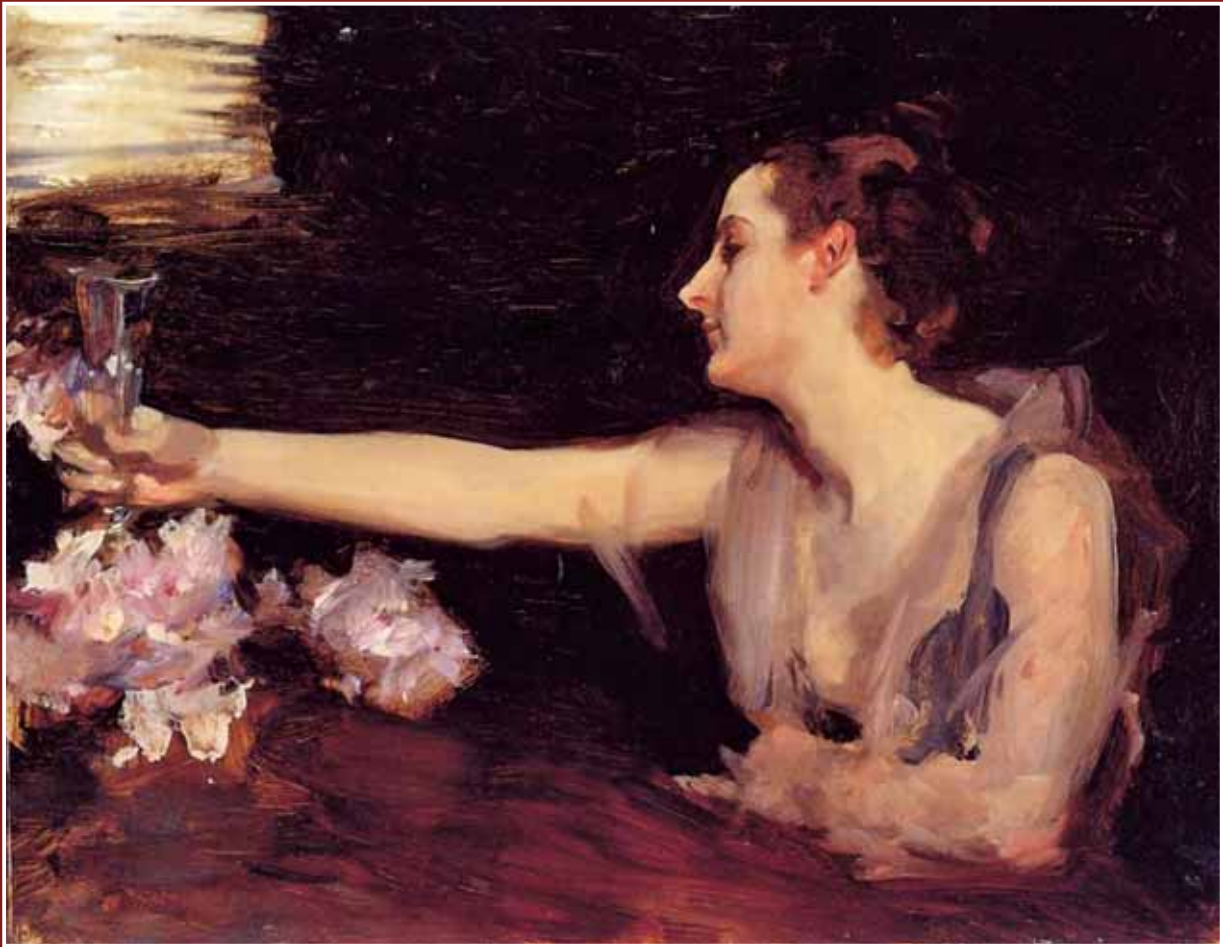
ка, она родилась в 1859 году в Луизиане. Ее жизнь складывалась непросто — рано, от желтой лихорадки, умерла сестра Валентина-Мари, отец во время Гражданской войны в США служил в войсках конфедератов, был командиром зуавов Нового Орлеана и погиб в сражении при Шайло в 1862 году. Через пять лет, вспомнив про свои французские корни, его вдова решила пере-

ехать с дочерью в Париж. Она дала девочке неплохое образование и воспитание. В 18 лет Вирджини превратилась в одну из самых очаровательных девушек французской столицы, и ее красота была замечена. Обладательница яркой, даже вызывающей внешности, этакая Скарлетт О'Хара, героиня знаменитого романа Митчелл «Унесенные ветром», она быстро сделала выгодную партию — вышла замуж за влиятельного в па-

рижском финансовом мире банкира и корабельного магната Пьера Готро, а вскоре родила ему дочь Луизу. Ну а потом, обретя уверенность в завтрашнем дне, пустилась во все тяжкие. Семейный статус несколько не мешал мадам Готро возбуждать в других мужчинах страсть и порой отвечать им взаимностью. Среди ее любовников были самые известные персонажи светской жизни. Неудивительно, что ее внебрачные романы стали одной из излюбленных тем парижских сплетен.

Среди ее пылких поклонников был и известный парижский доктор, основоположник гинекологии Самуэль Поцци, замечательный человек и великолепный врач. Женщины его обожали и часто дарили своим вниманием. (Долгие годы его любовницей была великая актриса Сара Бернар.) В 1881 году Сарджент написал портрет доктора Поцци — роскошный мужчина в красном халате. Надо сказать, что публика портрет не заметила, а критикам он просто не понравился. Бельгийский поэт Эмиль Верхарн писал: *«Красный цвет Сарджента — шумный, он возмущает, кричит, он злой и напыщенный. Во всем этом слишком много стилизации, это искусство, которому недостает содержания, цельности, фундамента. Оно нацелено на то, чтобы шокировать и удивлять, оно театрально, в конце концов, оно утомляет, как в бокале шампанского, наполненного слишком быстро, в нем больше пены, чем золотистого вина».*

Слева:
Доктор Поцци дома

*Мадам Готро,
поднимающая тост*

А другому ценителю искусства Роберу де Монтеские принадлежат такие слова: «...портрет нашего друга Доктора Поцци хранится накрытым, и не без причины — художник почему-то одел его полностью в красное... Вкус — это очень особенная вещь, Мистер Сарджент, очевидно, им не обладает».

Конечно, Сарджента подобные оценки его работ сильно задевали. И тогда он задумал написать нечто поразительное, поистине выдающееся, картину, которая всем покажет,

какой он гений. И он знал — это будет портрет великолепной мадам Готро. «У меня есть огромное желание нарисовать ее портрет. Также у меня есть все основания думать, что она позволит это, поскольку ждет кого-то, кто сможет передать всю ее красоту. Вы могли бы сказать ей, что я человек потрясающего таланта», — говорил он Поцци.

Он попросил доктора организовать встречу с красавицей Вирджини, а после этого все же сумел уговорить ее (это оказалось нелегко!)

*В отпуске,
Норвегия*

Справа:
Уинфред, герцогиня Портленд

согласиться стать его моделью. Художника пригласили в поместье Готро в Бретани, и там Джон сделал 30 рисунков в карандаше, акварели и масле. Вирджини оказалась непослушной и нетерпеливой моделью, она отказывалась сидеть неподвижно, крутилась, меняла положение, вскакивала то и дело, пила шампанское... Но, наконец, работа была закончена, и портрет, на который Сарджент делал ставку, надеясь, что он произведет фурор, был выставлен в 1884 году на парижском Салоне.

Картина называлась «Портрет мадам Х», но, конечно же, все узнали в роскошной даме на портрете Вирджини Готро.

Любители живописи увидели на огромном (234.8x109.86 см) полот-

не Сарджента очаровательную, пленительную, обворожительную молодую женщину. Художнику очень понравилось, как у него это получилось, а вот публика, да и критики тоже, восприняли его работу совсем иначе. В картине, возмутительной, по мнению очень многих, все было слишком эротично — и совершенные линии фигуры, и алебастровая кожа, и шик черного открытого платья, и дерзкая, вызывающая поза, а самое главное, бретелька, игриво соскочившая с плеча. На выставке было множество картин с обнаженной натурой, но, как ни странно, именно этот портрет вполне одетой женщины вызвал сильнейшее неприятие обывателей. Эта возмутительная бретелька воспринималась,

словно открытое приглашение к сексу. У Вирджини и так репутация в свете была весьма сомнительной, но теперь все выглядело так, будто художник вынес тайны дома Готро на всеобщее обозрение! Тут уж действительно все заговорили о Сардженте, но вряд ли он хотел такой славы... Мать Вирджини, мадам де Тернан, явилась в его мастерскую и устроила там настоящий скандал. *«Весь Париж издевается над моей дочерью! Ее репутация разрушена! Вы убили ее, вы просто убили ее!»* — вопила она, забыв о всяческих приличиях. Она требовала снять картину с выставки, убрать ее с глаз долой, но художник наотрез отказался. Слишком много сил и времени он вложил в эту работу. В конце концов Сарджент согласился на некий компромисс — вернул несчастную бретельку на место, ей приличествующее. (Прошло сто лет, и этот портрет, так любимый самим художником, был признан критиками одной из лучших его работ.)

Но это не помогло притушить сплетни, и Вирджини была вынуждена на некоторое время оставить столичную светскую жизнь и, как говорится, уйти в тень. Однако в Париже всегда что-то происходит, и вскоре о скандале с картиной и бретелькой забыли, и мадам Готро смогла снова вернуться в тот мир, который она так любила. Потом красавицу еще не раз писали разные художники. Известны два ее портрета, один кисти Густава Куртуа, а другой — Антонио де ла

Гандеры. (Последний она считала лучшим.) Но все же в истории живописи она осталась благодаря именно Сардженту... Вирджини Готро прожила вполне благополучную жизнь, видно, муж ее был терпелив и многое ей прощал. Она умерла в 1915 году в Каннах, а похоронена в семейной крипте в Сан-Мало, в Бретани.

После истории с портретом мадам Готро Сарджент, совсем недавно

*Сестры
Ачесон*

Справа:

*Кора, графиня
Стаффордская
(Кора Смит)*

вполне себе востребованный парижский портретист, оказался в глубокой опале. Его имя было связано со скандалом, и заказчики больше не шли к нему в мастерскую. Ему пришлось уехать в Лондон, подальше от всей этой шумихи, возникшей вокруг его картины и его самого. На некоторое время он впал в депрессию и даже подумывал, а не бросить

ли ему живопись — второй его страстью всегда была музыка, и тут он тоже обладал несомненным даром. Скрипач Чарлз Лофлер был в восторге от его игры на фортепьяно: «Вы не представляете, каким пианистом он станет! Я заметил, что когда он играет и вдруг берет неверную ноту, она всегда лучше той, что в оригинале. Это признак настоя-

щей, врожденной музыкальности!»
Однако живопись одержала верх над музыкой. *«Пожалуй, я все-таки попробую продолжить здесь свою карьеру художника, хотя англичане считают, что я зверски французский художник»,* — писал он сестре.

В 1889 году Сарджент приехал в США, и тут его настигла настоящая слава — такая, о которой он мечтал

в молодости. Он написал огромное количество портретов современников — тут и простая египтянка, встреченная им на улице, и президенты США Вильсон и Рузвельт, а еще писатели Генри Джеймс и Льюис Стивенсон. Портрет мадам Гутро заказчик по понятным причинам не купил, а потому картина всегда была с Сарджентом. Он по-прежнему

думал, что это — одна из самых главных его работ. Долго — 30 лет! — он никому ее не показывал, и только в 1905 году публика вновь увидела портрет и на сей раз — пришла в восторг. Победительная красота Вирджини Готро не могла оставить равнодушным никого! В 1916 году Сарджент продал картину Метрополитен-музею. *«Я полагаю, что это лучшее, что я создал в жизни»*, — говорил он.

В том же году британское правительство отправило группу художни-

ков во Францию, на фронт. В этой группе был и Сарджент. Ему 60 лет, он уже совсем не молод, но этот утонченный аристократичный художник, поэт «бель эпок», писавший самых красивых женщин своего времени, был уверен, что должен увидеть войну, увидеть настоящую, грубую жизнь. Сарджент стал свидетелем масштабных сражений и газовых атак, узнал, что такое кровь, боль, мужество и страх, что такое грязный окоп и солдатская каша. Теперь он изображал на своих картинах солдат

Отравленные газом

в рваных гимнастерках, изображал смерть, ужас этой страшной бойни, в которой гибли миллионы молодых, полных сил людей... Итогом стало большое полотно «Газ» (1919 г.). Оно так отличалось от всего того, что художник делал раньше! Показанная на выставке Лондонской академии художеств, она была признана картиной года.

Джон Сарджент ушел из жизни 15 апреля 1925 года. Умер, узнав славу, признание, получив все мыслимые и немыслимые звания и награды, став

почетным членом трех университетов — Кембриджского, Оксфордского и Йельского. Умер ночью, в своем лондонском доме. Вдруг отказало сердце. Ему, можно сказать, повезло — он умер без боли, во сне...

А его «Портрет мадам Готро» и сегодня украшает собрание Метрополитен-музея, Вирджини Готро продолжает покорять зрителей своей молодостью и обольстительной красотой. Знаменитому портрету посвящают научные статьи, о нем пишут романы и даже ставят балеты... □

Сергей Мануйлов — премьер балета московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Многие зрители стремятся увидеть его на сцене, ведь этому яркому, талантливому артисту подвластен как классический, так и современный репертуар: Евгений Онегин, Базиль, Мизгирь, принц Ганс в «Щелкунчике», Квазимодо, граф Вронский... И одновременно с этим — блистательные сольные партии в современных балетах Иржи Киллиана, Начо Дуато, Дмитрия Брянцева, Пола Титлора и других.

С 2012 года Сергей еще и прекрасный педагог-хореограф, преподает детям и взрослым. А в жизни он очень скромный, деликатный и доброжелательный, одним словом, человек высокой культуры.

«Больше всего мне нравятся "живые" партии...»

— **Сергей, как вы пришли в балет?**

— Все произошло совершенно случайно. В детстве меня пытались научить играть на скрипке и на флейте, помню, как пришел к учителю, и

он заверил нас с мамой, что, мол, любого выучим. А уже позже все-таки признался, что, увы, не всегда это получается, как, например, со мной. Мой прадед прекрасно играл на фортепиано, мама тоже играла

на первых синтезаторах в нашей стране. В моей семье вообще очень любили и любят музыку. Кстати, флейта сохранилась, и моя маленькая дочка учится на ней играть. Все-таки мама не оставляла свою мечту, чтобы я занимался музыкой, и нашла мне учительницу по фортепиано. Она преподавала в Московском хореографическом училище, и именно она предложила отдать

меня в балет. Поначалу мне все это не нравилось, я даже не хотел идти на третий вступительный тур, в детском возрасте это не очень интересно. В училище я поступил, но учился не очень хорошо, к тому же был тогда маленького роста. Позднее, к концу обучения, на третьем курсе, меня стали замечать преподаватели, а на выпускной экзамен к нам пришел Дмитрий Александро-

вич Брянцев — художественный руководитель Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко — и сразу пригласил в театр. Первый год в театре у меня было немного спектаклей, но мне было интересно работать, я подолгу репетировал, сам оставался и занимался в залах, участвовал в разных конкурсах. Моим первым педагогом в театре был Вадим Сер-

и, уже работая в театре, я всегда приходил к нему за советом. Занимался с Андреем Ивановичем Уваровым — он дал мне совсем другую основу танца, за что я ему очень благодарен.

Это хорошо, когда у тебя есть не один педагог, ты можешь развиваться, стараешься у каждого взять что-то новое. После того как Андрея Ивановича Уварова назначили директо-

геевич Тедеев, он дал мне очень много в профессии, но, увы, рано ушел из жизни. Это случилось за два дня перед моей премьерой, я выступал тогда в главной партии Базиля в «Дон Кихоте»...

В училище моим педагогом был Александр Иванович Бондаренко,

ром балетной труппы, моим педагогом стал Георги Смилевски, с ним очень приятно работается.

— Сергей, а какие минусы есть в вашей профессии?

— Артист балета — очень интересная профессия, самое главное —

это уметь ею жить и получать от нее удовольствие. Много приятных, радостных и даже счастливых моментов получаешь. Но есть, конечно, и неприятности — это травмы и их последствия, период реабилитации. Когда получаешь травму — тебе сразу предлагают операцию, а это значит, что ты выпадаешь из строя на полгода или на год. Для артиста балета — это катастрофа. У меня была травма с коленом, к счастью, удалось найти хорошего лечащего врача.

— Вы — один из самых задействованных артистов в театре. А у вас есть любимые партии в спектаклях?

— Раньше были любимые и менее любимые, а сейчас считаю, что в любой партии можно найти яркие краски, что-то привнести в роль, что-то

убрать. Ты можешь найти нюансы для своих ролей, и сам процесс этот очень захватывает.

Больше всего мне нравятся «живые» партии — это Базиль из «Дон Кихота», Мизгирь из балета «Снегурочка», Джеймс из «Сильфиды». В этом сезоне у меня была премьера — я выходил на сцену в балете «Эсмеральда» в партии Квазимодо. Она мне очень нравится, буквально захватывает актерски! Спектр красок огромен!

— Сергей, а в вашей практике были случаи, когда вам приходилось в срочном порядке учить роль?

— Нужно было срочно ввестись в балет «Майерлинг» в постановке Кеннета Мак Миллана, исполнить главную партию кронпринца Рудольфа, меня вызвало руководство и поставило такую непростую задачу. Художественный руководитель

Лоран Иллер сказал тогда мне, что жизнь как казино, кто не рискует — тот не выигрывает. И я согласился. В пятницу уже спектакль, а у меня при этом еще спектакль сегодня вечером и на следующий день. Плотный график. По шесть-семь часов в день приходилось репетировать, учить роль Рудольфа. Партия очень сложная, много партнерш, игры, мизансцен. День и ночь репетиро-

вал накануне спектакля. Знаете, но я рад, что вышел в этой партии, это был огромный опыт, и это был последний «Майерлинг» — в нашем театре он больше не шел. В основе балета — роман Джорджа Марека «Орлы умирают». Это легендарная, трагическая история жизни и смерти кронпринца Рудольфа и его любовницы в поместье Майерлинг. Либретто написала Джиллиан Фримен — специалист истории династии Габсбургов и распада Австро-Венгерской империи. Музыка Ференца Листа — современника героев балета. Премьера состоялась в 1978 году в Великобритании, а в России — впервые в нашем театре в 2013 году.

— У вас есть партнерши, с которыми любите танцевать?

— Я всех их ношу на руках и со всеми очень приятно работать. Конечно, мне нравится выходить на сцену с женой Александрой Дорофеевой, солисткой нашего театра. Мы станцевали вместе «Щелкунчика» в летних балетных сезонах, «Венский вальс» в хореографии Якобсона. Выступали в Донецке, на фестивале звезд мирового балета с 2008 по 2013 год. С удовольствием вспоминаю то время.

— Вы неоднократно выступали с Московским академическим театром «Гжель» в концертном зале Чайковского, в Международном Доме Музыки, как вам

работалось с этим коллективом?

— Театр «Гжель» — это мировой уровень танцоров. Он был основан народным артистом Владимиром Захаровым в 1988 году к 650-летию исконно русского промысла «Гжель», отсюда его название. В 2003 году было создано на базе театра Московское хореографическое училище при театре танца «Гжель». Училище имеет высокий уровень подготовки, сильный состав. В этом году я выступал с ними в двух гала — в балете «Спящая красавица». Молодцы!

— Вы хотели бы, чтобы ваша дочка продолжила династию?

— Пусть сама решит, когда подрастет, дочке скоро исполнится пять лет, она занимается с трех лет в му-

зыкальной школе Игумнова, учится играть на барабанах, флейте, кастаньетах. Три раза в неделю занимается художественной гимнастикой, четверку получила на соревнованиях — успехи есть. Еще ходит на занятия в школу мюзикла, там детям ставят на сцене спектакли, с декорациями, в костюмах, и они с удовольствием в них участвуют.

— Любите ли вы кино, и какие у вас есть предпочтения?

— Очень люблю классическую французскую комедию с непревзойденным Луи де Фюнесом, нравятся картины с великим Жаном Габеном. Можно смотреть фильмы с их участием великое множество раз и не переставать удивляться и к тому же учиться у этих мастеров. Например, жесты, взгляды, мимика, манера передвижения — все это берешь в свою актерскую копилку, обогащаешься драматически. Недавно я участвовал в анимационном проекте, и мне многое из артистических приемов пригодилось.

— Вы много путешествуете, какие страны больше всего впечатлили?

— Всегда поражает Япония, очень интересная страна, но жить там, мне кажется, сложно, свой менталитет, другие традиции. Помню, как-то мы гастролировали в их провинциальных городках, и пошли поесть, а в заведениях питания были только рис и сырая рыба. В больших горо-

дах, конечно, по-другому, у них нет проблем — всевозможная еда, а в провинции — только традиционная японская кухня. Нравится Италия — прекрасная страна, невероятно красивая!

Не так давно впервые побывал на гастролях в Белоруссии, участвовал в гала, и был очень впечатлен их культурой, чистотой, замечательным Большим театром Белоруссии.

— Когда вы находитесь на сцене и из зала слышите телефонный звонок, как это действует на артиста?

— Звонок всегда отвлекает. Хотелось бы, чтобы зритель на время спектакля отключал телефон. Например, когда артисты выходят на сцену в спектакле «Маленькая смерть» Иржи Киллиана со шпагами в темноте — шесть мужчин, то шпагу каждого нам не видно, а она еще «ходит» — вибрирует, и тут звонит чей-то телефон из зала... Скажу, что ощущение не из приятных, можно поскользнуться... Некоторые изпод полы фотографируют со вспышкой во время спектакля — это тоже артист остро воспринимает.

— Что хотелось бы под конец нашей беседы пожелать зрителю?

— Приходите к нам в театр, зарядитесь яркими положительными эмоциями и красотой! □

Беседовала **Елена Воробьева**

.....

От редакции: Галине Анатольевне Толстой в свое время довелось работать с очень непростыми детьми, столкнуться с трагическими судьбами, и это вылилось в цикл рассказов, один из которых мы предлагаем вашему вниманию. К сожалению, проблема детских домов и усыновления чужих детей по-прежнему остается очень острой. А ответственность усыновителей — это вообще отдельный разговор...

.....

Галина Толстова

У МУРАВЬЕВ ЗИМОЙ СОННЫЕ ГЛАЗА

Красивая, умная, добрая, Алла из всех вариантов распределения выбрала детский дом в 40 километрах от столицы. Странно — уж она-то могла позволить себе более престижное местечко, ведь родители ее — Мария Абрамовна и Иосиф Заманович — были очень известными в столице юристами. Но ни энергичный протест матери, ни более мягкий отца не смогли поколебать решения девушки, и Марии Абрамовне ничего не оставалось, как отправиться вместе с дочерью в эти самые Радошки, чтобы подыскать приличное жилье. Им посоветовали обратиться к Леокадии Львовне Потоцкой («прекрасной полячке», как с легкой иронией называли ее в городке), и она сдала Алле комнату.

Воспитанниками Алочки стали второклассники. Ее напарница, 50-летняя Валентина Михайловна, более двадцати лет проработавшая в детском доме, с сомнением посмотрела на красивую, со вкусом одетую девушку и, покачав головой, предупредила:

— Не вздумай, Аллочка Иосифовна, в них влюбляться.

К чему это было сказано, Алла тогда не поняла. Валентина Михайловна показалась суховатой, строгой и не улыбочивой. Дети, правда, слушались ее беспрекословно. Она не пропускала ни одной мелочи: ни плохо заправ-

ленной кровати, ни положенной не на место вещи, ни непромытой зубной щетки, ни болтовни за обеденным столом. Не говоря уже о более серьезных прегрешениях, за которыми тут же следовало наказание. Не повышая голоса, Валентина Михайловна отводила нарушителя в бытовку и говорила: «Посиди один, подумай о своем поведении». Или лишала мультиков, выставив из игровой комнаты в коридор. Она никогда не гладила их по голове и уж тем более не обнимала. Слово «молодец» и для мальчиков, и для девочек было главной похвалой.

Преисполненная желанием нести разумное, доброе, вечное, Аллочка распахнула душу 29 второклассникам: 16 мальчикам и 13 девочкам.

Слегка насторожившись при встрече, они к концу дня стояли на головах, тысячу раз назвав Аллу Иосифовну по имени, подержав ее за руки, заглянув в глаза, спешно, отталкивая друг друга и обижаясь до слез, рассказали о себе, о своих мечтах, показали заветные открытки и фотографии, потрогали сережки и кулончик. Дым стоял коромыслом. Растерявшаяся Аллочка не представляла, как можно укротить эту орду. На помощь пришла работавшая по соседству Людмила Адамовна. Быстренько навела порядок, надавала кучу добрых и полезных советов. Когда-то она сама через это прошла и хорошо понимала состояние девушки.

Опустошенная, обессиленная Аллочка долго рассказывала вечером Зое, с которой делила комнату у пани Потоцкой, о своем первом рабочем дне.

Потом был второй, третий и так далее...

Мучительную неопытность Алла преодолевала страстным желанием согреть, обласкать, понять, помочь. Дети это чувствовали. Но дым по-прежнему стоял коромыслом, и порядок в комнатах она наводила сама, когда отправляла детей в школу. Так и пошло: у Валентины Михайловны ходили по струнке, у Алочки устраивали «раскардаш». После очередного замечания старшего воспитателя она прямо на глазах у детей расплакалась. Мгновенно притихнув, они окружили ее, начали успокаивать, а некоторые девочки даже всхлипывали в унисон ей. Она отняла руки от лица и... увидела 29 пар сочувствующих глаз, направленных на нее. Тут все дружно кинулись к ней, стараясь прикоснуться, погладить, обнять.

— Вы только не плачьте, Алла Иосифовна!

Едва хватило сил опять не расплакаться. Вечером дети на удивление быстро умылись, улеглись и успокоились. Обходя перед сном комнаты, Аллочка каждого погладила по голове и поцеловала.

— Я не могла по-другому, — сказала она дома Зое таким тоном, будто оправдывалась.

— Ты же живой человек, что чувствовала, то и сделала, — вздохнув, проговорила Зоя.

Вот только Валентина Михайловна Аллочку не одобрила.

— С детьми так нельзя. Кто в жизни с ними нянчиться будет, ты подумала об этом?

Не подумала. Но по-другому не могла. Была уверена: если им недодали тепла близкие, значит, должна она, раз судьба их свела.

А как по-другому? Вот с тем же Носоновичем? Дивный голос. Он даже сидя наказанным в бытовке — поет. Когда Алла первый раз услышала — ушам своим не поверила. Высокий, чистый, ясный голос звенел и бился в темном коридоре. Да, он непоседа и шалун, но ведь Богом-то поцелован. Аллочка решила показать Игоря дальней родственнице, солистке оперного театра. Пока же разучила с ним алябьевского «Соловья», попросив Марину Михайловну, музыкального руководителя, показать верхние ноты. И на всех детдомовских концертах Носонович теперь пел «Соловья», неизменно срывая бурные аплодисменты и детей, и воспитателей.

А что делать с Колбиком? Лопухий, белобрысый живчик больше пяти минут не мог усидеть на месте. Изгнанный из игровой, он расковыривал стенку в коридоре, откручивал все пуговицы на рубашке, до крови сгрызал ногти. Можно до бесконечности наказывать, но толку никакого.. Как-то, обходя перед сном комнаты, Алла обнаружила пустую Колбикову кровать. Притихшие пацаны показали глазами. Оглянувшись, она увидела его на шкафу. Забраться незадачливый верхолаз сумел, а вот спуститься уже не смог. Рассердившись, она в наказание не стала ни гладить, ни целовать его перед сном. Но прямо на выходе из спальни ее перехватил Юрочка Лагирь:

— Алла Иосифовна, только не уходите. Там Колбик сильно плачет.

Сердце сжалось, когда увидела, как захлебывается Колбик. И Алла поняла, почему они замирают, когда она заходит вечером в комнаты.

— Только бы не прошла мимо, только бы не забыла меня...

Оказалось, страшней наказания для них нет.

А Юрочка Лагирь? Самый спокойный, жалостливый, такой худенький. Да, буквы у него до сих пор налезают одна на другую, образуя арабскую вязь, таблица умножения никак не укладывается в голове. Его можно посадить на стул и через два часа найти в той же позе, но если кто-то плачет, он всегда оказывается рядом, вытирает слезы, гладит по волосам, нашептывает что-то успокаивающее. Его раз в месяц навещает бабушка, худенькая, с большими руками и с вечными слезами в глазах. Она привозит моченые яблоки, какие-то булочки, горстку карамелек. Сидя у бабушки на коленях, Юрочка грызет яблоко, прижимается к бабушкиному лицу и считает себя самым счастливым на свете. А все остальные, по очереди, якобы отпросившись в туалет, пробегают мимо, отчаянно завидуя и страдая.

Обычно после таких посещений дети становились неуправляемыми. И неважно — девочки, мальчики... Драка следовала за дракой. Визжали, царапались, кричали, плевались.

В бытовку вбежала Маша Самойлова, яркая, крупная, сильная, она, как боб среди горошин.

— Алла Иосифовна, скорей! Там на Красовскую нашло!

Люба Красовская, бледненькая, худенькая, с громадными серыми глазами, тонкими чертами лица, прямыми светлыми волосами, запомнилась Алле сразу. Застенчивая улыбка, чуткость, деликатность, тонкая наблюдательность вызывали нежность. Заглянув в глаза, Люба или начинала тоже грустить, или тихонько расцветала. И вот на нее что-то «нашло». С этим Алла еще не сталкивалась.

В комнате все было разбросано, кровать взрыта, стулья перевернуты, везде клочки бумаги. Испуганные девочки жались к своим кроватям. Сидя на полу в углу, Люба, оскалившись, выла, тупо, монотонно, раскачиваясь из стороны в сторону. Платье порвано, волосы взлохмачены...

— У нее бывает, — объяснила Маша, которая была спокойней всех.

— Беги за доктором! — Алла присела перед девочкой.

Тоска и боль изливались из серых глаз. Протянутую руку Люба резко оттолкнула.

Наконец пришел детдомовский «Айболит» Александр Яковлевич, принес с собой лекарство. Доктору Любочка подчинилась. Он уложил ее на быстро поправленную девочками кровать, заставил проглотить таблетку и стал что-то тихо говорить девочке.

«На Красовскую опять нашло», — перешептывались в коридоре. Но никто этому не удивлялся. А воспитательнице впору было самой пить успокоительное.

— Что с ней? — спросила Алла у доктора.

— А что вы хотите? — покачал он головой. — У нее на глазах мать несколько раз вешалась, сейчас в «психушке», а у девочки кроме нее никого нет.

— Как же ей помочь?

— Семья нужна, любовь, ласка и терпение — больше ничего.

Не знал Александр Яковлевич, что его совсем простая фраза едва не проросла поступком, чуть не перевернувшим жизнь нескольких людей.

Следующую смену Алла ждала с волнением — как там Люба?

Люба была как обычно. Мягкая, грустная улыбка, распахнутые серые глаза, тихие слова:

— А вы сегодня очень красивая!

Душа задрожала.

А потом случилось вот что.

Во время прогулки девочки подобрали котенка, отнесли на конюшню, попросили конюха не выбрасывать. А через несколько дней на руках и шее у всех появились пятна.

— Вот мурзы непутевые, — быстро выяснив причину, ругалась медсестра.

Два раза в день Эмма Ефимовна стала «мазать болячки». Проверили весь детдом, и только у Аллы Иосифовны обнаружился лишай.

Родители, поначалу надеявшиеся, что блажь с дочери соскочит быстро, пришли в ужас. Они еще не знали, что ждет впереди.

Аллочка месяц пролежала в больнице. С Зоей, которая часто навещала ее, разговор в основном крутился вокруг детей и неизменно выходил на Любу. Заподозрив непраздный интерес, Зоя попыталась вызвать Аллу на откровенность, но та откровенничать не стала.

Первой, кого увидела Алла, выйдя после больницы на работу, была Люба — она стояла на входе и ждала ее. Дрожали губы, сжимались-разжимались кулачки, сияли глаза, но подошла к Алле только вместе со всеми. А вечером, когда Алла, как всегда обходила комнаты, Люба обняла ее за шею и прошептала на ухо:

— А вы знаете, что у муравьев зимой сонные глаза?

— Знаю, — кивнула Алла.

Это стало последней каплей. Алла объявила всем, что хочет удочерить Любу.

А вскоре Любу отправили в пульмонологический центр в столице — у девочки не проходил сухой кашель. Алла навещала ее, приносила гостинцы и игрушки, все девочки тогда были увлечены маленькими куклами-голышами, пупсиками, и Люба тоже.

У ничего не подозревающих родителей Алла окольными путями выведала, какие документы нужны для удочерения, начала обдумывать свой план.

Через месяц Любочку выписали с неутешительным диагнозом — были серьезные проблемы с легкими, требовалось длительное лечение в специализированном санатории.

Из клиники Алла забрала Любу не утром, как положено, а вечером и привезла к себе домой. Родители при девочке не посмели бы ничего выяснять, на то и был расчет.

Оробевшая Любочка, стесняясь чужих людей, остановилась у порога, напуганная великолепием красивой квартиры.

Мария Абрамовна схватилась за сердце, Иосиф Заманович растерянно улыбался и хмыкал. А Аллочка первым делом наполнила ванну и усадила

страшно смущающуюся девочку в душистую пену. Любочка еще больше распахнула свои и так огромные глазищи и только несмело улыбалась, ничего не понимая. За все время она только прошептала «здравствуйте».

После ванны, укутанная в Аллочкину одежду, девочка оказалась на кухне. И здесь она молча вертела головой, напряженно следя за тем, что делает Алла, и заговорила только тогда, когда увидела, как заваривается чай.

— А зачем вы эти черные козявки заливаете водой?

Алла сразу поняла, что Любочка, как и все детдомовцы, не знает, что чай надо заваривать. Для них он всегда готовый на столах.

Она не покидала девочку ни на секунду, понимая, что родители при ребенке не станут задавать неудобные вопросы.

— Мама, все потом, поговорим потом, не волнуйся, — остановила взглянувшую на кухню мать.

Спать Любочку уложила с собой. Уставшая от новых впечатлений и переживаний, девочка уснула сразу, крепко двумя руками схватив Аллину руку. А Алла не спала. Ее потряхивало оттого, что она задумала, от ожидаемой схватки с родителями, а главное — удастся ли задуманное? А если нет? Что тогда будет с этим сероглазым мотыльком?

А этот мотылек едва переступив на следующий день порог детдома, голосом, какого Алла даже не подозревала, сообщил, захлебываясь от восторга:

— Ребята, я была у Аллы Иосифовны!

Разговор с родителями, наконец, состоялся, но это был разговор слепого с глухим. Неопишуемый родительский ужас и ее яростная решимость столкнулись лоб в лоб.

Ночью дежурившая с Аллой Зоя проснулась от непонятного звука, он шел со стороны Аллочкиной кровати. Она быстро вскочила, включила свет. Аллу бил страшный озноб, даже кровать дрожала. Зоя укутала ее и крепко прижала к себе, уже догадываясь о причине. Потом принесла горячий чай, выслушала Аллу, но была страшно растеряна, не зная, что говорить в ответ и что делать.

Подобные приступы стали повторяться после каждой поездки домой, а однажды Алла вообще не приехала в детский дом. А Зое позвонила Мария Абрамовна:

— Зоя, Аллочка в больнице — приезжай, — коротко сказала она и бросила трубку.

Алла оказалась в психиатрической клинике. Не в той страшной, с железными дверями и решетками, а больше напоминающей пансионат. Палата, скорее, походила на гостиничный номер, к тому же было свободное посещение родственников и знакомых. Через неделю, освободившись от де-

журства, Зоя навестила Аллу. Та выглядела неплохо, была даже какой-то мягкой и милой, много рассказывала о приятном молодом докторе, о гипнозе, об ароматерапии, о музыкальной комнате. Предупрежденная Зоя ничего не стала говорить о детях, читала стихи Ахматовой из случайно купленного крошечного сборника, рассказала, как всем коллективом в очередной раз слушали Верди, о том, что собирается на концерт Михаила Плетнева, жаль, пока без Алочки.

В клинике Алла провела два с лишним месяца. За это время Мария Абрамовна и Иосиф Заманович нашли ей «правильного» жениха. Борис был старше Алочки на десять лет. Инженер по образованию, работал фотокорреспондентом в республиканской газете. Знакомство состоялось еще в клинике. Жених и повел себя правильно — он внимательно слушал, многое понимал и принимал — Аллочке с ним было спокойно, и она окончательно смирилась с действительностью.

Вскоре состоялась свадьба, и Аллочка уволилась из детского дома. Забирать документы ездила вместе с Борисом.

Второклассники прыгали и визжали вокруг нее, но Любочки среди них не было. Валентина Михайловна объяснила, что ее полтора месяца назад отправили в специальную лесную школу-санаторий.

Алла подняла на нее грустные, полные боли глаза и прошептала:

— Я никогда больше не буду работать с детьми.

Когда у Аллы с Борисом родилась дочь, она назвала девочку Любочкой... □

Евгения Гордиенко

200 басен из жизни

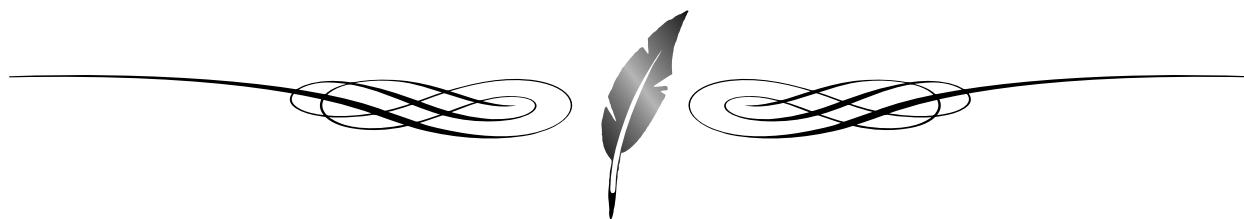
ИВАНА КРЫЛОВА

Все портреты и памятники русскому баснописцу Ивану Андреевичу Крылову наводят на мысль о том, что человек этот был чрезвычайно невоздержан в еде. Сохранившиеся воспоминания современников сообщают, что был он еще и весьма неряш-

лив и рассеян, мог, например, положить в карман сюртука ночной чепец вместо платка и вытащить его на светском приеме. Однако мало кто знает, что Крылов был человеком умным, интеллигентным (хотя этого слова тогда еще не существовало в том смысле, который мы вкладываем в него теперь) и образованным.

Чтобы узнать об этом, нужно лишь заглянуть чуть дальше, за черту портретов и краткой биографии в учебниках литературы.

Иван Андреевич родился в феврале 1769 года в Москве. Отец его был бедным офицером, не имевшим ни денег, ни чинов, хотя и проявил небывалое мужество при подавлении пугачевского восстания.

Выйдя в отставку, он обосновался в Твери вместе с женой и двумя сыновьями. Служил теперь председателем магистрата, но эта звучная должность почти не давала дохода, так что после смерти отца в 1778 году семейство оказалось в плачевном положении.

В наследство старшему сыну, которому на тот момент исполнилось лишь 9 лет, остался сундук с книгами, что хоть как-то скрасило жизнь мальчика — от отца он перенял любовь к чтению. К тому же ему было позволено присутствовать на уроках французского языка, которому учили соседских детей. Так, не имея возможности получить систематическое образование, Крылов все же получал знания, что много важнее.

Жить семье было практически не на что, и Ивана вскоре приняли на работу подканцеляристом (самая младшая из возможных должностей) в губернский магистрат Твери, где раньше служил отец. Жалованье было крохотным, но позволяло хотя бы не умереть с голоду.

Спустя пять лет мать с сыновьями переехала в Петербург, где стала хлопотать о пенсии и об устройстве судьбы своих детей. В столице Ивану досталась должность уже немного солиднее тверской — он стал приказным служителем в казенной палате.

Поскольку Иван занимался в основном самообразованием, он продолжил это и в Санкт-Петербурге, где возможностей, конечно, было гораздо больше. Он много читал, самостоятельно учился играть на музыкальных инструментах. Впервые зайти «в литературу» он попробовал в 15-летнем возрасте, причем со странного крыльца — через написа-

ние либретто для комической оперы «Кофейница». Опыт этот едва ли можно назвать удачным, однако автор проявил себя знатоком народного языка, так как постоянно «толкался» среди людей на ярмарках и увеселениях. Предметом сатиры тут было увлечение новыми модами, что менялись постоянно. (Стоит отметить, что и сейчас Ивану Андреевичу было бы над чем посмеяться).

Молодого человека влекло к искусству, а в столице приобщиться к нему имелись все возможности. К тому времени в Петербурге появился общедоступный театр, где Крылов стал часто бывать. Он познакомился с артистами и увлекся театральной деятельностью. На службе он теперь появлялся изредка, а вскоре и оставил ее, решив посвятить себя театру. С литературной, разумеется, стороны.

Поначалу ничего не получалось. Первая его трагедия «Филомела» вышла, по воспоминаниям современников, ходульной и подражательной. Крылов и сам, скорее всего, это понимал, поэтому продолжал работать над словом и написал несколько комедий. Они тоже были далеки от идеала, однако прогресс был налицо.

Уже после публикации нескольких произведений Крылов обратился к тому жанру, по которому его знаем мы, — к басням. Первые его опыты были напечатаны без подписи в журнале «Утренние часы» в 1788 году. На тот момент автору исполнилось девятнадцать лет. Назывались первые басни «Стыдливый игрок», «Судьба

игроков» и «Новопожалованный осел». Одобрения критиков эти работы не снискали, так как в них было много едкости, сарказма, но мастерства как такового не хватало.

Не сильно продвинувшись на писательской ниве, Крылов обратился к издательскому делу — начал издавать журнал «Почта духов». Однако выходить этому журналу суждено было меньше года. Крылова это несколько не остановило, и он, найдя единомышленников, создал другое издание — «Зритель». Затем — «Санкт-Петербургский Меркурий». Пользуясь своим положением издателя, он печатал в журналах и собственные произведения.

В 1797 году Крылов встретился в Москве с князем Голицыным и уехал к нему в имение, чтобы обучать детей, быть секретарем и заниматься другими весьма прозаическими вещами. К этому времени Иван Андреевич расширил свое образование, знал уже и итальянский язык и весьма сносно играл на скрипке.

Затем еще на некоторое время его следы теряются, так как пару лет о Крылове ничего слышно не было. Говорили, что он любил играть в карты и выиграл где-то крупную сумму денег, после чего предпочел какое-то время не появляться в столицах.

Вообще, количество слухов о жизни Ивана Андреевича Крылова столь велико, что начинаешь поневоле задумываться об истинном значении слова «басня» в его жизни. Баснями часто называются у нас придуман-

ные истории, неправдоподобный вымысел. Что из этих историй правда, а что — нет, уже едва ли можно выяснить...

Возвращение свое в 1805 году Крылов начал с весьма талантливых переводов лафонтеновских басен (вспомнилось благотворительное изучение французского языка) «Дуб и трость», «Разборчивая невеста», «Старик и трое молодых». Переводы были напечатаны в «Московском зрителе» и получили весьма лестные отзывы.

Андреевич стал баснописцем, каким мы его знаем.

В 1825 году в Париже граф Григорий Орлов опубликовал басни Крылова в двух томах — на русском, французском и итальянском языках. Так появилось первое русскоязычное издание басен.

Вероятно, ради поиска новых образов и вдохновения Крылов решил вернуться... на службу. Сначала — в монетный департамент, затем — в Императорскую публичную библиотеку, где он проработал до 1841 го-

Молодого Ивана влекло к искусству, а в столице приобщиться к нему имелись все возможности. К тому времени в Петербурге появился общедоступный театр, где Крылов стал часто бывать. На службе теперь он появлялся изредка, а вскоре совсем оставил ее, решив полностью посвятить себя театру. С литературной, разумеется, стороны

Разностороннее развитие Ивана Андреевича проявилось и в том, что ему захотелось попробовать себя в режиссуре. Так, он поставил в Петербурге комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам», высмеивающие любовь русских ко всему французскому. Публике пьесы пришлись по душе, и у Крылова начался настоящий творческий взлет.

Через несколько лет, в 1809 году, у него вышел сборник из 23 произведений. Книга пользовалась популярностью, и с этого момента Иван

да, оставив службу всего лишь за 3 года до смерти.

И внешне Иван Андреевич постепенно превратился в известного нам героя. Стал благодушен, сдержан, не любил ссор, зато любил долгие степенные обеды.

Слава баснописца сделала его известным на всю страну, и со временем поддерживать этот ореол уже не было необходимости.

В 1838 году общественность пышно отметила 50-летие его творческой деятельности.

За этот период он написал более 200 басен. Многие из них известны каждому, кто учился в школе. В них обличаются людские пороки, русская действительность. Некоторые — просто стихотворные анекдоты. Они понятны всем и каждому. Что уж говорить, если мы и сегодня, желая описать что-нибудь иносказательно, чаще всего пользуемся крыловскими выражениями. При жизни Ивана Андреевича было издано около 80 000 экземпляров сборников басен, что

скрепя сердце, все же согласились на брак и написали жениху в Петербург.

Однако он ответил, что у него нет денег на дорогу, и попросил привезти Анну к нему. Такое положение дел уж точно никого не устроило, и свадьба не состоялась.

Впоследствии о личной жизни Крылова ходило много слухов. Говорили, что его любят именитые дамы, балерины, княгини и даже сама императрица. И это, несмотря на его всегдашнюю неряшливость. Так, он

После публикации нескольких своих произведений Крылов обратился к жанру, по которому мы его и знаем — к басне. Первые его басни были напечатаны, когда их автору исполнилось девятнадцать лет. А всего им было написано около 200 басен, и со временем слава баснописца сделала его известным на всю страну

сравнимо лишь с тиражами Пушкина и Гоголя.

Если с творческой стороны жизни у Ивана Андреевича все было в порядке, то с личной наладилось не сразу.

Когда ему было 22 года, он встретил девушку по имени Анна, дочь приходского священника. Молодые люди полюбили друг друга, но родители девушки были против такого брака, так как жених казался им (и небезосновательно) человеком бедным.

Крылов уехал, а Анна так сильно тосковала по нему, что родители,

явился к Марии Федоровне в дырявом сапоге, да еще и чихнул, целуя ей руку. Но все это были лишь слухи.

Официально женат Иван Андреевич Крылов никогда не был и детей не имел. Зато всю жизнь трепетно заботился о младшем брате Льве, которому, по сути, заменил отца. (Тот и в письмах часто называл его «тятенькой»).

Впрочем, современники утверждали, что гражданская жена у баснописца все же была — его домработница Феня. Жениться на ней он, по понятным причинам, не мог, но со-

держал ее хорошо. У Фени родилась дочь, которую назвали Сашей. Говорили, что это дочь Крылова, потому что Иван Андреевич много общался с девушкой, а впоследствии — с ее мужем и детьми. Даже свое имущество он оставил именно этой семье. Дело тут в родственных связях или просто в том, что это были самые близкие Крылову люди, неизвестно.

В 1844 году Крылова не стало. По злым слухам, умер он от обжорства. На самом же деле причиной смерти стало двустороннее воспаление легких, которое и сгубило немолодого

уже писателя. Когда он был при смерти, возле его кровати находились Саша и ее семья.

Иван Андреевич Крылов был похоронен 13 ноября 1844 года на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Одним из несущих гроб мужчин был сам граф Орлов. В день похорон друзья и знакомые Крылова вместе с приглашением получили по экземпляру изданных им басен, на заглавном листе которых под траурной каймой было напечатано: «Приношение на память об Иване Андреевиче, по его желанию». □

Саша-музыкант

Всем бы по ходу так везло, как Саше. У него были крутые родители. Папа — доктор биологических наук, преподававший в МГУ, мама — известная пианистка, духовная гордость страны. Саше, можно сказать, повезло еще раз, когда выяснилось, что у него абсолютный слух.

К черному маминому роялю заказали круглый стульчик на винте, потный дядя-курьер привез и наладил устройство, и мальчика Сашу «навечно прикрепили к музыке».

— И, раз, и два, и три, — сказала мама и начала музыкальный отсчет жизни.

Она поначалу сама учила сына, и Саша стал быстро делать успехи. Восьми лет, пойдя в обычную школу, он уже вполне прилично играл Гайдна, Моцарта, Бетховена. Первые два давались ему легко, а Бетховен никак не шел, Саша его не понимал, не чувствовал, не хотел — начинал разучивать, запутывался, капризничал и бросал. «Мой сын — тонкий романтический мальчик, — думала мама. — И бог с ним, с Бетховеном, когда-нибудь, потом, когда сын повзрослеет, он вернется к гению».

Знала бы она, как окажется права!

Саша был невелик ростом, еще мило картавил на букву «р», но тонкие пальчики на клавиатуре держал идеально. «Вундер», говорили о нем в школе, чистый юный вундеркинд, гордость всей школы. Родители радовались, но одна была у папы беда: его любимая биология оказалась невостребованной. Жизнь клеток, жуков и слонов совсем не интересовала маленького Сашу. Папа обижался на него, хотя успехи сына, пусть и в музыке, несколько скрашивали обиду. Все же мальчик участвовал в конкурсах, получал призы и даже записал на радио CD как великий юный талант международного значения. Ничего, говорил себе терпеливый папа, вырастет сын и поймет, что биология есть главная наука человека.

Но не только музыкой одарила природа Сашу. Чтение и планшет он освоил в четыре года, математику и английский успешно начал в пять. Он был «сработан» из добротных родительских материалов, скрепленных любовью. Ай! — ахали учителя, — всем бы детям так, как наш Саша Угольков!

Но музыка все равно оставалась для мальчика главной. По улице с сухим и заманчивым треском гоняли скейты и шуршали велосипеды, с футбольной площадки доносились ребячьи вопли, голуби целовались на подоконнике за стеклом, но Саша был прикован к гаммам. Мама объясняла ему, что это самое важное в жизни, и он ей верил.

В дополнение к старому мамину роялю в доме, как в сказке, появилась профессиональная белая «Ямаха», мальчику Саше сшили черный костюм, он концертировал по стране, выезжал за рубеж, и детская слава его росла.

Так продолжалось до двенадцати лет.

А потом пришла обычная осень.

Осень, время тоски и переоценок, зачем ты приходишь, зачем морочишь людям голову, зачем убиваешь таланты?

Дождливым днем Саша, как всегда, подошел к инструменту и вдруг почувствовал, что не хочет играть. Такое бывало с ним и раньше, но, едва откидывалась крышка фортепьяно, и пальцы касались холода клавиш, как плохое настроение отступало. Вот и на этот раз он откинул белую крышку и тронул пальцами клавиатуру.

Тикали часы. Стояли ноты на пюпитре. За окном рвался осенний ветер, и стучали капли. Желание играть не возвращалось.

Саша побегал и попрыгал по комнате, умылся, почистил зубы, съел яблоко и снова посмотрел на недавних друзей своих — на белые и черные клавиши. И прислушался к себе.

Душа молчала, белая «Ямаха» вызывала отвращение. И какой-то голос внутри него твердил ему, что музыка — не его дело на земле.

Это было странно и непонятно. Вчера договорился с мамой, что с утра разучит Шуберта, чтобы после обеда пройти его еще раз под маминым надзором. Что теперь он скажет ей?

Саша заставил себя сесть за инструмент и выучил пьесу наизусть, повторяя завитушки Шуберта раз за разом. Увы, от пустой барабанной зубрежки музыка не возникала.

Дети бывают двух сортов. Одни стремятся повторять удачный родительский опыт и след в след ступают их путем. Другие родительский опыт не принимают, отталкиваются от него и набивают драгоценные собственные шишки. Ваня был из вторых, но родители долго не могли в это поверить.

Вечером состоялся разговор с мамой, и Саша честно ей сказал, что почему-то начал охладевать к музыке. Мудрая мама его успокоила. Так бывает, сказала она, и это должно пройти. Музыка, сын, сказала она, не уловима и самостоятельна, она — мыслящий дух вселенной, ее законы неизвестны людям, но она обязательно вернется к тебе, когда почувствует, что снова тебе нужна.

Знала бы мама, как, в конце концов, окажется права!

Но в тот раз Саша снова ей поверил. Он очень старался, садился за «Ямаху», заставлял себя играть, но звуки были мертвы, музыка не возвращалась.

Мама переживала случившееся, как личную беду, зато терпеливый папа, притворно вздыхая по поводу музыки, слегка приободрился: произошедшее с сыном ученый биолог рассматривал как шаг в сторону своей науки — а куда же, спрашивается, еще? Разве биология не есть главная наука человека? От наивного детства, через вундеркиндство и музыку — к биологии, сын идет правильной дорогой, думал папа.

И в школе все шло привычным образом, Саша оставался отличником, «ботаном» и учительской гордостью. Читал толстые книги, все чаще интересовался политикой, но никогда не задумывался о том, чем может кончиться для него такой интерес.

Четырнадцать — рубеж, в четырнадцать «проклевывается» первая борода, и детству конец. В четырнадцать просыпается тело, в четырнадцать жутко хочется влюбиться.

В четырнадцать стало ясно, что романтичный Саша заметно выше нормы растолстел, ничего из одежды на него не лезло, а есть хотелось всегда. Встревоженный папа потащил сына к врачам, врачи просмотрели анализы, протерли глубокомысленные очки и развели в стороны ухоженными медицинскими руками. Рекомендация была общей: парню надо срочно заняться спортом.

Спорт? Спорт — это прекрасно! Саша усмехнулся, Саша иронично хмыкнул. Он обожал спорт на экране телевизора и под пальцами компа, но сам к спорту отношения не имел, с чего начать свой спорт, даже не представлял и прекрасную идею был готов, как водится, задвинуть на дальнюю полку памяти и забыть. Но папа-биолог оказался настойчив.

И тут еще такой, переехавший судьбу случай. Два старинных открытых корта чудом сохранились за новенькой хоккейной коробкой: хоккей был в широком народном тренде, теннис тоже был в тренде, но в более узком, народ не ласкал теннис всенародной хоккейной любовью.

Зимой корты безнадежно и, казалось, навечно засыпало снегом, весной оранжевый песок все-таки обнажался, и на нем объявлялись стройные

энтузиасты; навешивались сетки, летели зеленые мячи, и начиналась не очень народная, но очень азартная игра.

Ее он выделил сразу среди других девчонок, тренировавшихся на корте в разноцветных платяцах, с ракетками в руках и придиричивым тренером. Что было в ней особенного, отличавшего ее среди других теннисисток, сказать трудно, Саша и сам бы не сказал. Разве что она сильнее других была по мячу и громче всех смеялась, когда промахивалась? Наверное, скорее всего. Смех ее порхал в воздухе легкой бабочкой и сразу запомнился музыкальному Саше. Он влюбился как Ромео. Его музыкой, его Гайдном и Моцартом, его Шубертом и Шопеном стала Вика. Он сел за инструмент, а сам думал о теннисе.

Теперь его утренний прогулочный путь с пуделем Джоем проходил мимо кортов. Он прикинул глазами к сетке, ограждавшей рыжие площадки, находил глазами проворную девушку и подолгу наблюдал за ее тренировкой, за ее ловкостью и красотой.

Сказать первые слова любимой девушке всегда трудно, но Саша заставил себя. Дождался конца тренировки и по ходу непринужденно пригласил девушку в «Макдональдс». Самое интересное, что Вика так же непринужденно согласилась.

Они ели картошку, пили колу, хохотали от души, и было классно.

Вика была на полгода старше Саши, к тому же оказалась очень деликатной, ни разу не позволила себе намекнуть на излишние Сашины габариты, но он сам чувствовал, что шансов у него — ноль...

Будучи человеком дела, он немедленно подсел на спорт.

Началось с приобретенного доктором наук квартирного велотренажера. Черненький блестящий велик пришелся Саше по вкусу, он крутил педали, потел, глотал пыль и думал о Вике. За велотренажером последовал футбол во дворе, бассейн, фитнес, карате и, конечно, теннис. Вика сама учила увальня Сашу правильно держать ракетку, делать правильные удары и быстро отметила его успехи. Талантливый человек талантлив во всем.

Прошло полгода. Белая «Ямаха» по-прежнему стояла в комнате, но Саша редко подходил к ней, мечтая о Вике, он чаще обращался к смартфону. Слышать ее голос, ее смех, болтать с ней вдоволь и обо всем было удовольствием, намного превышавшим звуки музыки. А видеться лично удавалось не так часто, как раньше: Вика тренировалась на других, знаменитых кортах, даже ездила за границу, профессиональный спорт убивал все ее время.

Между тем от регулярных занятий спортом Саша значительно похудел и окреп. Школьные дружки зауважали его, особенно после драки с восьмиклассником Шлыковым, которому он выбил зуб. Это было круто! Дело,

конечно, не в зубе, отлетевшем копеечкой на лоснившийся паркет, а в том, что сын колбасного предпринимателя Сашка Шлыков был заносчив и нагл, наезжал на слабых и топтал их. Это взрослые уважают силу, а подростки больше уважают справедливость. Саша дрался за справедливость и заслужил уважение. В классе сидеть с ним рядом стало честью.

К его шестнадцатому дню рождения Вика как раз вернулась из Испании, где тренировалась в теннисной академии. Встретились, как обычно, в «Маке» и быстро убедились в том, что разлука несколько не повлияла на их отношение друг к другу. Любовь продолжала цвести пышным цветом. Отметим этот день вдвоем, в ее квартире на Песчаной улице, где на подоконнике жмурился полосатый кот, а родители до ночи торговали на рынке.

Тут и произошло то, к чему они все это время шли... А потом, когда все закончилось, она с улыбкой проговорила: «Это было круто! Теперь ты — мой муж!» Круто, подумал Саша и кивнул.

К семнадцати Саша уже полностью определился для себя. «Ямаха» и музыка — редко, по настроению, а политика интересовала его постоянно. Родители в ночных беседах смирились с тем, что сын не станет ни музыкантом, ни биологом, зато станет политиком, и такая мысль примирила их с действительностью. У Саши для этого были все возможности. Он по-прежнему хорошо учился, много читал, был умен, силен и крепок, и... у него была женщина. Правда, сам он чувствовал, что чего-то главного в жизни ему все-таки недостает.

— В университет? — спросил папа, когда Саша окончил школу. Папе казалось, он заранее знает ответ на вопрос, но ему было важно, что скажет сын.

— Да, конечно, — кивнул Саша, хотя уже знал, что университет сейчас не то, что его волнует, но говорить об этом с родителями не стал.

Зато с Викой можно было говорить обо всем, она понимала его с полуслова. Папа-биолог и мама музыкант уже давно знали о Вике, не препятствовали сыну и его ночным отсутствиям, более того, папа-биолог в глубине души радовался такой сыновней «репетиции большой жизни» и, как биолог, ученый и родитель, с замиранием и надеждой ждал известия о продолжении рода.

Наступил день, который оба запомнили навсегда.

В тот день под пение птиц и цветение зелени Вика впервые сказала «да», и это не было скоропалительным решением, это было серьезно. Она оставила теннис, несмотря на крики придирчивого тренера, считавшего ее перспективной. Ей было жаль родителей, пропадавших на рынке, жаль тенниса и жаль тренера, ее совершенно не волновала политика, но она уже не мыслила себя без Саши.

В начале июня они встретились на Казанском вокзале. За спиной у каждого висел рюкзачок.

— В поход? — спросил Сашу таксист.

— В поход, — ответил он и не соврал.

Поезд всю ночь шел под проливным дождем, и это была добрая примета, как сказал Саша. Вика лежала на нижней полке, он — на верхней. Свесившись вниз, он пожимал ее протянутые к нему руки, и это было выше всяких слов.

В Ростове-на-Дону вышли на перрон. «Прощай, Россия!» — тихо проговорил Саша. «До свидания!» — добавила Вика, и они крепко обняли друг друга и поцеловались.

Границу пересекли ночью — куда идти, Саша знал еще в Москве. К вечеру уже были в Донецке и сразу отправились в военкомат. Просьба была единственной: определить их в одну часть.

Все следующее утро они звонили родителям, успокаивали их, как могли, говорили, что уехали на юг, и почти не врали, поскольку Донецк, по отношению к Москве, действительно находится на юге.

Штаб части располагался в бывшем шахтерском доме культуры, кабинет начштаба — сразу за сценой зрительного зала.

Начштаба, невысокий кадыкастый мужчина в камуфляже лет сорока, сидел за столом на фоне флага и пил чай из высокой кружки.

— Москвичи? — переспросил он. — Слыхали, слыхали. А на кой ляд пожаловали сюда?

— Хочу заниматься реальной политикой, — ответил Саша. — Вот мои документы.

— Ответ толковый, — хмыкнул начштаба. — Лучше не придумай. Да вы садитесь, садитесь, товарищи. Москвичей уважаем, сами, как говорится, почти оттуда...

Пока он, перекатывая кадык, просматривал бумаги, Саша оглядел комнату и чуть не ахнул от удивления. Это не была белая «Ямаха», это не был легендарный «Стейнвей», это была всего лишь черненькая «Эстония», вполне добротный еще инструмент исторического советского прошлого. Сразу же вспомнилась его московская квартира, белая «Ямаха», концерты, залы, аплодисменты и музыка, которая вдруг снова зазвучала в душе и попросилась на волю. Саша зажмурился, проверил себя — он не ошибся, его музыка вернулась. Так случилось здесь и сейчас, и никто не поймет, почему. Никто никогда не узнает тайной жизни музыки.

— Ну что же, — объявил начштаба. — Вас, юноша, как спортсмена, качка и вообще, определяем в разведроту, а вас, девушка, — в ту же роту санинструктором. Возражений нет?

Саша и Вика переглянулись.

— Возражений нет. Супер! — сказал Саша. — А играет? — спросил он, указывая глазами на инструмент.

— Последний концерт на Первомайские был, — ответил начштаба. — А вы что, владеете?

Саша тотчас подошел к роялю, придвинул табурет и откинул крышку.

Музыка уже дрожала в его пальцах, и он, вспомнив маму и выдержав паузу, как настоящий артист, мягко опустил руки на клавиши.

Негромкие звуки нарушили тишину. Они возникали, казалось, из ничего, вернее из того, что совсем не подходило гармонии: из серенького утра, из разводов на треснутых окнах, из бумаг на рояле, из протертых половиц под ногами, из общего, не сопутствующего искусству, военного запустения. Саша взял несколько аккордов, и музыка зазвучала свободно и не-удержимо.

Он начал с Шуберта, но быстро убедился в том, что Шуберт здесь не звучит. Перешел на Шопена — снова не то. Попробовал Рахманинова — Сергей Васильевич был ближе к моменту, но в «десятку» не попадал и он...

Начштаба замер от восхищения, поджав губу, перекатывал кадык и слушал.

Саша на мгновение задумался.

Какой-то внутренний навигатор неожиданно вывел его совсем на другую музыку. Он и сам не понял, что произошло. Но снова тронул клавиатуру, и... зазвучал Бетховен. Слушанная-переслушанная, навязшая в ушах, надоевшая всем «Апассионата», которую он играл тысячу лет назад, которую не любил и бросал... как она теперь оказалась к месту! Бетховен будоражил и звал к мужеству, его гордые аккорды преодолевали смерть. Бетховен не сдавался, Бетховен воевал и побеждал. Он был нужен тем, кто хотел идти до конца. Вот, оказывается, в чем его смысл, понял Саша, смысл, который так долго был ему недоступен, вот, оказывается, где и как надо его играть! А еще его удивляли собственные пальцы. Они были послушны, гибки и упруги, будто только вчера он сидел за роялем шесть часов подряд, как делал когда-то, когда, как сумасшедший, занимался музыкой и готовился к концертам. Пальцы подчинились торжественности момента и были готовы неумолимо служить музыке.

Вика не двигалась. Она и раньше слышала его игру, но так, как он играл сегодня, такого слышать не приходилось.

Саша не извлекал звуки, он говорил с Викторией, с начштаба и со всем миром на том единственном общем языке, что отличает человека от всех прочих земных существ и делает его человеком. На языке непонятого,

таинственного, вселенского происхождения, но таком понятном каждому и везде.

Бетховен оборвался внезапно, как залп.

Но тишина не наступила. Собравшиеся в штабе люди, потихоньку заполнившие кабинет во время игры, громко аплодировали Саше. Он поклонился и подумал о том, что эти аплодисменты дороже любого концерта.

— После такой музыки, — сказал начштаба, — воевать не хочется. Хочется побеждать.

— Я готов, — сказал Саша.

— Мы готовы, — поправила его Вика и встала рядом с ним.

...Сашу полюбили в части за отзывчивый нрав, а также за открывшийся в нем дар воевать. Начальство присвоило ему позывной «Пианист». Он быстро освоил гитару и в свободное время радовал бойцов песнями Цоя, Галича и Высоцкого. Но главным в молодом солдате оставался высокий солдатский талант. «Пианист» запросто и без жалоб переносил тяготы холодов, сырых окопов и обстрелов, однажды ему пришлось пролежать полдня в засаде, чтобы захватить в плен офицера противника. Офицер был огромен, пузат, и поначалу отбросил Сашу как пушинку, но он вовремя вспомнил занятия боксом и тренера Сергея Петровича Кузьмина. «Не думайте, бокс — это вам не драка, — учил молодняк Сергей Петрович, — Бокс — это техничное обыгрывание: зайди сопернику сбоку на сайд-степе и так врежь ему по «дыне», чтобы тот улетел ногами вперед!..» Саша поступил по Кузьмину. Два боковых в голову превратили офицера в послушный мешок, и главной задачей стало дотащить эту огромную тушу до своих. Он справился. Его наградили орденом, который он никогда не снимал с бушлата.

И Вика преуспела по своей части. Остановить кровь, перевязать, наложить шины и вытащить бойца в безопасное место — все могли ее сильные спортивные руки. Бойцы ее любили, между собой называли Викулей.

Вечерами они оставались одни в каморке, выделенной для них командиром. Усталость бросала их друг к другу. Становилось легче, и оба заметили, что, чем тяжелее бывало днем, тем острее и нежнее бывало ночью. А потом они вспоминали Москву, свою жизнь, родителей и никогда ни о чем не жалели. Потому что была молодость, любовь, а еще потому, что оба понимали, что не просто бросают мяч через сетку и не просто порхают пальцами по клавишам, но делают важное, общее и большое дело. Саша занимался реальной политикой, а Вика любила его не только за то, что он ею занимался.

Начальство устроило им свадьбу. Оно понимало, что свадьба нужна не только им двоим, но и всем остальным бойцам, как напоминание о пре-

красной мирной жизни, которая существует где-то совсем недалеко, за которую они бьются и к которой обязательно вернуться.

Свадьба получилась не шумной, но душевной. Саша играл на гитаре, а бойцы ему охотно подпевали. «За молодых!» — провозгласил командир, и под крики «Горько!», под заветный долгий поцелуй в сторону противника запустили ракету «Земля-земля»!

А через два месяца Сашу убили. Шальной снаряд погубил сразу двух бойцов, снаряду было все равно: молодожен ли перед ним или пожилой казак с Кубани.

В последний путь Сашу провожали бойцы его роты, тихая Вика и начштаба.

— Спасибо ему, — сказал начштаба, — за музыку и службу. Мы его никогда не забудем. Пусть знают те, на той стороне, что наш ответ за нашего «Пианиста» будет один: месть.

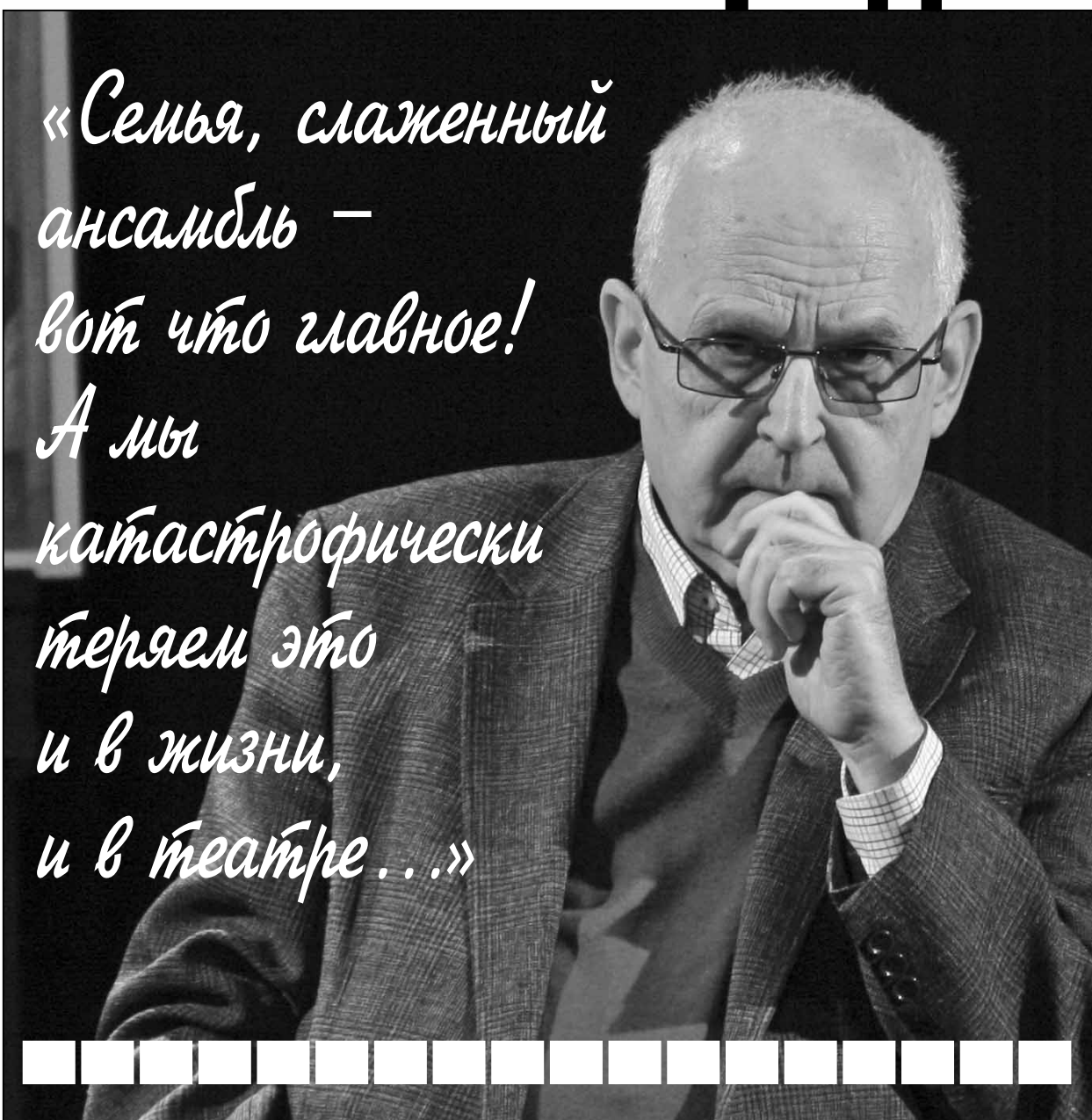
Через какое-то время Вика вернулась в Москву и сразу пришла к его родителям. Они увидели ее впервые, увидели урну в ее руках и заплакали. Мама-пианист, духовная гордость страны, и папа-биолог, считавший свою науку высшей наукой жизни. Выпили за упокой, помянули сына и мужа, и Вика все им рассказала. Рассказала и о том, как он прекрасно играл бойцам на гитаре и как незадолго до гибели полюбил Бетховена. Мама и папа снова заплакали.

Они заплакали в третий раз, когда Вика перед уходом сообщила, что беременна, что у нее будет двойня, и что их с Сашей дети обязательно будут играть Бетховена... □

Российским академическим молодежным театром без малого 40 лет руководит жизнерадостный человек — Алексей Владимирович Бородин, вечный искатель всего нового и талантливого, режиссер, педагог, рачительный хозяин, генератор идей — все, как говорится, «в одном флаконе». Ему удалось по нынешним временам почти невозможное — создать театр-семью, театр-дом. Говорит: так и задумывалось...

Алексей Бородин

«Семья, слаженный ансамбль — вот что главное! А мы катастрофически теряем это и в жизни, и в театре...»

— Алексей Владимирович, вы ведь мечтали стать актером. Но не стали. Передумали? Не рискнули?

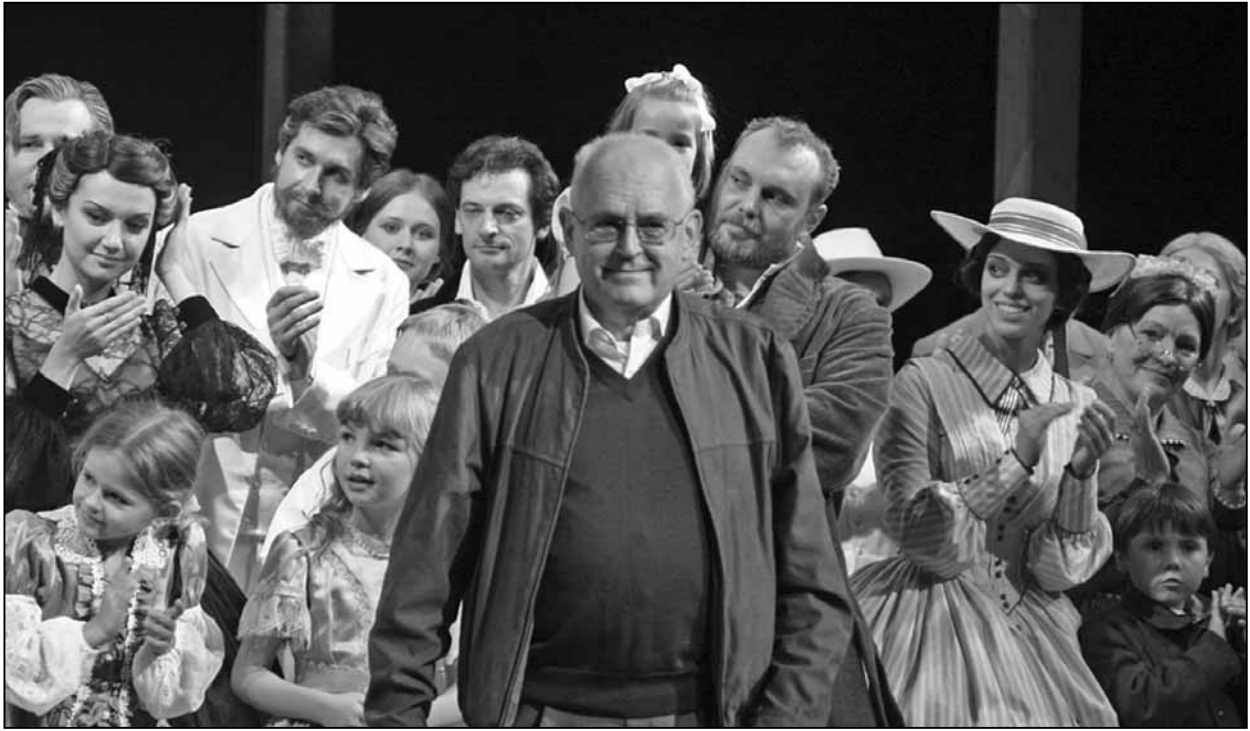
— Мечта действительно была, хотя в нашей семье никто отношения к театру не имел. Только дед по маминной линии, аптекарь, был страстным актером-любителем, но он умер еще до моего рождения. И желание это во мне было настолько сильно, что даже если бы меня предупредили, что я всю жизнь буду стоять на сцене с алебардой и только, я бы согласился. Однако актером не стал. Хотя после школы поступал в ГИТИС именно на «актерский», но провалился. Попытался поступить на «режиссерский», и опять с первого раза не поступил. Тогда курс набирала Мария Осиповна Кнебель, легендарная личность. Я храню ее книгу, которую она мне через много лет подписала так: «Вы один из тех, кто по моей вине не учился у меня, но вы мой настоящий ученик». А тогда, провалившись в очередной раз, я устроился в Театр кукол рабочим сцены. В сентябре был набор на театроведческий факультет, я не понимал, что это такое, но пошел сдавать экзамены. И поступил, можно сказать, «дуриком». А через три года меня приняли на режиссерский факультет, на курс Юрия Завадского.

— Вы родились в Китае в семье русских эмигрантов и до 13 лет жили в Шанхае. Почему родители решили перебраться в Россию?

— Наша жизнь в Китае для меня и моих трех младших сестер была связана с Россией совершенно. В семье культивировалось все русское — язык, книги... Мои родители входили в «Общество граждан СССР в Шанхае». Многие русские жили в Китае давно-давно, оказались там еще до революции, как мои бабушка с дедушкой по материнской линии. Они родом из Забайкалья, участвовали в строительстве КВЖД, а потом революция отрезала их от родины. Мама родилась уже там, в Китае. А отец учился в Чехии, в 20-е годы уехал в Америку, оттуда — в Китай. И вот они вместе со многими другими русскими стали просить дать им советское гражданство и позволить уехать в СССР. Это началось, насколько помню, во время Великой Отечественной войны на волне невероятного патриотического подъема.

— Что еще вы помните о том времени? С каким кругом людей общались ваши родители?

— В Шанхае существовала большая русская колония, которая возникла еще до китайской революции 1949 года. Вообще Шанхай — город огромный и многонациональный, в нем кроме нашей колонии были еще английская, американская и французская конфессии. Мы учились в русской школе. Посещали уже упомянутый мною клуб, в котором проходила большая часть нашей детской жизни. В клубе работали русские рестораны, спортивные секции, раз-

нообразные кружки, проходили концерты — шла полноценная клубная жизнь...

В 1954 году мы вернулись на родину, в СССР. Тогда уже все разъезжались кто куда — в Европу, в Америку, в Канаду, особенно много русских уехало в Австралию. Дело в том, что в Китае началась национализация, у многих русских там был бизнес, люди понимали, что дальнейшего развития не будет, поэтому пускались в путь. Мой отец владел большим лакокрасочным заводом, создал его своим умом, своим трудом из маленькой мастерской. Он тоже осознавал бесперспективность дальнейшего там пребывания. Возможно, папа поехал бы куда-нибудь на Запад, но мама настояла на России. Она очень хотела, чтобы дети росли на родной земле, говорили на родном языке. Мы, я и сестры, были так

воспитаны, что мечтали о Советском Союзе как о земле обетованной. Это даже нельзя назвать патриотизмом, это было что-то большее. Мама ведь в России не была никогда, тем не менее, слово «родина» было для нее главным. К счастью, мы поехали в СССР, когда в стране уже прекратились репрессии. Те, кто уехал в 1949-м, все попали в лагеря. Мне было лет семь — помню, мы провожали белый пароход, на котором они уплывали на родину, такие счастливые! А их сразу пересаживали на поезд — и прямиком в лагеря. Многие так и сгнули. Я это знаю по рассказам родителей.

— И как же вас встретила родина?

— Помню, каким невероятным счастьем было для нас известие, что нам разрешается переехать в СССР.

К новой жизни отправилась вся наша большая семья — родители, бабушка и мы, четверо детей. Ехали на поезде, с целым вагоном вещей. Нам еще повезло, что мы получили визу, позволяющую жить где пожелаем, а многие поехали на освоение целины — в Казахстан, куда-то еще, и эти люди прошли, конечно, через большие трудности. Помню, переехали мы границу Маньчжурии и оказались на первой советской станции со странным названием «Отпор». И там впервые увидели пьяного человека, валяющегося на улице. Это было впечатление! Следующее — пустые магазины, на чьих полках только алкогольные напитки и табачные изделия. А еще изумили банные дни — мужской и женский — в общественных банях. Такие вот реалии... Конечно, для мамы и отца все это стало большой неожиданностью. Нам-то, детям, было просто интересно. Родители, разумеется, понимали, что тот образ жизни советских людей — как в «Кубанских казаках», который культивировался в русской колонии, далек от реальности, что на родине их ждет что-то другое, но что это будет до такой степени «другое»!.. Отец пошел работать простым инженером на завод. Родители купили в подмосковном Пушкино полдома с садом. В Китае у нас было семь слуг, а тут все большое хозяйство вели сами — мама, бабушка, папа. Каждую неделю — обязательная генеральная уборка и натирка полов. И ни разу я не слы-

шал, чтобы наши старшие говорили о том, что они недовольны, что жалеют о переезде, что родина их разочаровала. Они имели мужество принимать жизнь такой, какой она складывалась, не жалуясь ни на что. Так — значит, так, главное — оставаться собой. И такое отношение к себе и своей судьбе они передали мне и сестрам.

— Вы говорили в одном интервью, что дух семьи очень для вас важен...

— Понимаете, наша семья была очень дружной, может быть, поэтому идея «семейственности» для меня на самом деле одна из важнейших. Я и в театрах, которыми руководил, стремился создать дух семьи — чтобы было радостно, легко, неформально. Из своего детского опыта я вынес: семья — это, в первую очередь, та среда, в которой человек развивается совершенно естественно, не натужно, и уже в юности мечтал, что когда-нибудь создам театр, живущий именно по таким законам. Мечта осуществилась в Кирове, в ТЮЗе, куда я уехал работать после окончания ГИТИСа. Так уж вышло, что тогда мне в Москве приткнуться было некуда.

— А что, были конкретные причины?

— Еще студентом я поставил в Смоленске «Два товарища», и меня записали в «формалисты» и «антисоветчики». Вышла статья замминистра в журнале «Театральная жизнь», сняли директора театра, сняли главного

режиссера... Я, слава Богу, тогда не подломился. Понял, что не хочу пристраиваться, льстить кому-то, пробиваться. Плюнул на столичную карьеру, взял и уехал работать в глубинку, в Киров — и сейчас понимаю, что это был правильный поступок. Я очень благодарен провинции. Там я делал то, что считал нужным. А самое главное — сохранил себя.

Червинский, Юра Щекочихин... Юра привел с собой журналистскую братию. И все мы стали одной семьей. Такое было время: спектакль запрещают, а счастью нет предела, потому что ты уверен, что прав, и что в этой правоте не одинок. Никакой подавленности не чувствовали. Собирались, что-то под гитару пели. Компания! То, чего сейчас не хватает. Я сво-

— После Кирова вы приняли руководство столичным театром, театром со своими традициями и амбициями. Трудно пришлось?

— Это было время хорошего крепкого застоя — официоз чувствовался во всем. Требовалось распахнуть окна, чтобы свежий ветер подул, чтобы вернулась в театр молодость. И все задуманное мы осуществили. Помогли драматурги — Саша Александров, Леша Казанцев, Александр

им артистам говорю: «Мы должны так быть вместе на сцене, чтобы из зала нам позавидовали — мол, получается же у кого-то!» Ансамбль, семья — вот что главное! А мы теряем это катастрофически и в театре, и в жизни...

— В чем еще, кроме «духа семьи», секрет успеха РАМТа, ведь зал у вас всегда полный, каждая премьера бурно обсуждается?

— Чтобы добиться успеха, нужно все время вкалывать. Всем, не толь-

ко мне. Это как грядка, которой нет конца. И надо постоянно думать. И не допускать самодовольства. И братья только за то, что находит отклик в душе. Если меня и трех-четырех моих единомышленников объединяет какая-то идея, то мы и всех остальных увлечем. А это уже залог того, что и зритель не останется равнодушным. Знаете, большая ошибка — смотреть на зрителя свысока. Во всяком случае, мне нужен такой человек в зале, который не глупее

меня. А рассчитывать на это я могу, только если нигде и никогда не допущу фальши, не опущу планку. Когда живешь с такой установкой, работаешь на полную катушку и всегда знаешь, куда двигаться. Как только театр перестает жить этой сильной энергетической жизнью, он моментально останавливается. А как только останавливается — летит вниз, других вариантов нет. Надо плыть. Я и плыву, потому что боюсь утонуть.

— Вот вы сказали «не допускать самодовольства». Чем оно может помешать успеху?

— Я заметил, как только человек начинает ощущать: о, у меня все замечательно, тут же с ним случается что-то неприятное. Жизнь однажды преподавала мне серьезный урок. Я только окончил ГИТИС, и мои педагоги во главе с Юрием Александровичем Завадским взяли меня (в качестве помощника) на свой курс, очень сильный курс, на нем учились люди и постарше меня, тогда 27-летнего. Помню, иду я по лестнице на третий этаж к этим «своим студентам» и думаю: а я ничего, я большой молодец! Так вот большего провала, чем это занятие, у меня в жизни не было. А до этого получалось нормально. Так что не нужно быть самоуверенным и самодовольным.

— Вы — профессор ГИТИСа. Ваш выпуск 97-го года журналисты назвали «звездным». На этом курсе учились Чулпан Хаматова, Николай Рощин, Михаил Полищаймако, Иван Волков, Ирина Низина... Как вы разглядели среди сотен абитуриентов будущих «звезд»?

— Талантливые люди видны сразу. У них особая энергетика. Помню, вошла тоненькая, юная Чулпан Хаматова — и я сразу такой «вздрог» ощутил. Читала, кажется, «Маленького принца»... Знаете, приемные экзамены — страшное дело для тех, кто набирает курс. На первых турах еще

ничего, потому что ясно, у кого есть способности, у кого нет. А на последних турах, когда из 60 одаренных нужно выбрать 30, это очень трудно. Но с Чулпан все было ясно сразу. Понимаете, она очень одарена не только как актриса. Я всегда говорю своим студентам: «Вы приехали в Москву, где столько музеев, театров, концертных залов — обогащайтесь!» К сожалению, нередко человек проживает всю жизнь в Москве и остается при этом провинциалом. А Чулпан, приехавшая из Казани, очень быстро стала столичным человеком. У нее дар брать самое лучшее, впитывать. Личность! И такие «вздрог» при встрече с молодыми у меня и сейчас случаются. Другое дело, что происходит с талантливым человеком дальше.

— Вы как-то сказали: жизнь — невероятно интересная штука, она всегда преподносит сюрпризы. Можете привести пример?

— Это верно: никогда не знаешь, что тебя ждет. Вот меня однажды позвали ставить спектакль в Исландию, в Рейкьявик. Три месяца я там репетировал «Отцы и дети». И открыл страну, которая оказалась моей. Исландия произвела на меня сильнейшее впечатление. Природа суровая, лава, океан, воздух, черный песок. Люди необыкновенные. Внешне спокойные, а внутри — вулканы. Изумительная страна! А после Исландии я совершил еще одно важнейшее для себя открытие — драматурга Тома Стоппарда. Это произошло лет две-

надцать назад, когда мне в руки попала его пьеса «Берег утопии». Спектакль этот шел в РАМТе больше десяти лет. Потом был «Rock'n'roll», и вот только что я поставил его пьесу «Проблема», до сих пор нахожусь внутри нее...

— Я помню, какой был зрительский интерес к спектаклю «Берег утопии», который состоял из трех частей и шел более 10 часов! При этом пьеса-то очень серьезная... Кстати, для вас утопия — это что?

— Это то, что не сможет сбыться никогда. А мы все равно мечтаем и идем к нему, так уж устроен человек, и я в том числе. В этом драматизм жизни, но в этом и энергия жизни. А что мы без нее? Вот у нас есть спектакль «Алые паруса» — он как раз про это: про то, что знаешь, что ко-

рабль не приплывет, все равно ждешь. Каждый день бегаешь на маяк — и ждешь. Если этого нет, иссякает та энергия, благодаря которой мы и живем, — вот ведь что удивительно. При этом надо быть готовым к тому, что никогда не будет так, как тебе хочется, что тебя будут и обижать, и предавать. И корабль не приплывет. Но это ничего, куда страшнее его не ждать, не иметь мечты. И это совсем не то же самое, что иллюзия. Вот от иллюзий надо освободиться, потому что в них можно пробыть всю жизнь. Избавляться от них очень трудно, по себе знаю. Но... пусть иллюзии утрачиваются, а утопии остаются! Противоречие? Может быть. Но я считаю, что противоречия — это и есть жизнь... □

Беседовала **Марина Бойкова**

В ТУПИКЕ

В самый конец ноября 1917 года, почти месяц назад, восставшие массы пролетариата взяли в Петрограде власть в свои тяжелые мозолистые руки. Поздним промозглым вечером на углу Мытнинской и 3-й Рождественской улиц подле костра, разведенного прямо на тротуаре из остатков разбитой во время погромов буржуйской мебели, грелась разношерстная компания. Трое бравых балтийских моряков, трое полупьяных, заросших недельной щетиной пехотинцев, всего пару месяцев назад доблестно дезертировавших прямо с фронта и со скуки примкнувших к повстанцам, да молодой парнишка — рабочий с Путиловского завода. Вытянув поближе к огню замерзшие руки, они вели промеж собой неторопливый разговор.

— А что, — поинтересовался пожилой солдат, которого все звали Силычем, подбрасывая в пламя сломанную ножку разбитого прикладом винтовки орехового ночного столика, сработанного французскими мастерами в стиле ампир еще в начале XIX века, у веселого матроса Федора, — правду говорят, что теперича все общее?

— Ага! — радостно кивнул Федор, почесывая правой рукой давно не бритый кадык и отдергивая под бушлатом грязную тельняшку. — Все перешло народу! И земля, и заводы, и фабрики! В общем, все наше теперь! Народное!

— И выкуп за землю не надо платить? — вытянул шею солдат с рябым лицом.

— Деревня! — прищурился один глаз, презрительно посмотрел на рябого Пахома Федор. — Тебе же русским языком сказано: без всякого выкупа.

— А чего мы тогда тут сидим? — встрял в разговор третий солдат лет двадцати пяти, откликнувшись на Еремея. — Раз новая власть нам, крестьянам, землю дает без всякого выкупа, то надо идти и брать ее! Пока другие не поделили!

— Ну, ты точно деревня! — Краснолицый матрос с маузером в деревянной кобуре на правом боку вскинул вверх правую бровь. — Власть захватить мало! Ее же еще и удержать надо!

— Точно, Семен! — дружески хлопнул по плечу человека с маузером матрос Егор. — Разъясни пехоте, что почему! А то они, погляжу, уже курс на свою деревню прокладывают!

— Вы, мужики, сколько уже в Петрограде? — спросил Семен.

— Почитай, второй месяц! — за всех ответил Силыч, прикуривая от догорающего раритета свернутую «козью ножку». — А что?

— А что? — передразнил его хозяин маузера. — А то, что «Декрет о земле» давно можно было прочесть!

— Так мы ж неграмотные!

— Все, что ли?

— Все! Нам товарищи из полкового комитета что-то такое читали на митинге. Но вот, мил человек, толком, с расстановкой, никто разъяснить не смог, как оно дальше-то будет. Вот ты, матрос, на корабле служишь, грамотный, значит! Вот ты и объясни нам, пням деревенским, что значит — «все общее»! Бабы тоже, выходит, общие теперича станут, или как?

— Да, товарищ Семен, и мне интересно, как это фабрики и заводы будут общими? Без хозяев, что ли? — попросил тонким голосом щуплый подросток лет шестнадцати в заячем треухе, засаленной телогрейке, подпоясанной вышарканным отцовским ремнем, и заткнутым за него стареньким револьвером.

— А ты кто таков будешь? — удивленно посмотрел на паренька Семен, задвигая на затылок бескозырку с надписью «Стремительный».

— Я — Павел Носов, ученик слесаря с Путиловского, придан вам для усиления патруля от Красной гвардии Нарвской заставы.

— Да-а-а уж! Нашли, кем усилить! — ухмыльнулся солдат Еремей, ломая об колено изящную этажерку красного дерева.

— А вы, дяденьки, не смотрите, что я такой невзрачный! Я на самом деле ох какой шустрый! Я еще в марте нашим путиловским рабочим помогал оружие у полиции отбирать! Вот этот пистоль лично у городского отнял, на углу Седьмой роты и Измайловского! — В подтверждение пра-

воты своих слов Павел ловко выхватил из-за пояса тяжелый револьвер и крепко сжал потертую рукоятку, случайно упершись коротким стволом в полог распахнутой серой шинели Еремея.

— Но-но! Не балуй! — двумя пальцами отвел пистолет в сторону солдат. — Пистоль, хм! Это, брат, револьвер системы «наган», в нем семь зарядов. Осторожней с оружием-то! — Еремей машинально бросил взгляд на свою винтовку с примкнутым четырехгранным штыком, прислоненную к стене ближайшего жилого дома.

— Ладно, не горячись! — улыбнулся Семен, обнажая желтые от табака зубы. — Ты какого года рождения?

— 1901-го, мне уже шестнадцать в мае стукнуло!

— О! Большой уж! Пойдешь к нам?

— Куда? В матросы? — Глаза мальчика вспыхнули радостным блеском.

— В матросы! Нам такие резвые ребята вот как нужны! — провел широкой ладонью по шее матрос. — Сделаем из тебя славного разведчика! Правильно, братва?

— А что? Парень, кажись, смысленый, — поддержал друга беззаботный Федор. — Я из тебя, брат, такого разведчика сделаю! Ого-го!

— А на корабль возьмете?

— А то!

— Ты, матрос, давай не уводи разговор в сторону! Сказывай, что дальше с нами будет? — напомнил Семену Силыч. — Бабы общие будут?

— Насчет баб не скажу, там, в декрете, про это не написано! А что земля переходит к вам без всякого выкупа — это да! Верно!

— А фабрики? — встрепнулся Павлик, засовывая наган обратно за пояс.

— Фабрики и заводы теперь принадлежат трудящимся. Всех буржуев и фабрикантов надо ставить к стенке!

— Всех? — беспокойно переспросил рябой Пахом.

— Всех! — твердо проговорил Семен. — Мы власть захватили, теперь ее надо распространить на другие города России-матушки и удержать, а если повезет, то раздуть и мировой пожар революции! Чтоб гидра контрреволюции не подняла свою нахальную, поганую голову.

— А что такое гидра? — разинул рот Еремей.

— Гидра? — замялся Семен, поглядывая на матросов.

— Гидра — эта такая падла, уничтожающая пролетариат! — пришел ему на помощь Егор. — Вы что, с луны свалились? Что-то у вас, погляжу, с политической грамотностью пробелы, вы что, агитаторов не слушаете?

— Да слушаем мы ентых агитаторов, — с некоторой досадой возразил Силыч. — Но народу много на митинг собирается, почитай, ничего и не слышать.

— Да, а что слышать, то непонятно! — поддакнул старшему Еремей.

— Конфуз, братва, получается! — нахмурил лоб Семен. — И что, ни разу в патруль по городу не заступали?

— Да мы в Гатчине живем. Нас туда отправили. Мы, это, после того как Зимний взяли, два дня пили! Там этого вина в подвалах видимо-невидимо оказалось! Комиссары пришли, днища у бочек повыбивали, так там целая река винища через дорогу прямо в Неву утекала. Вон Пахом встал на карачки и, пока не наклюкался, не ушел!

— Что, прямо так с мостовой и хлебал, как собака? — поморщился Федор.

— Так там все хлебали! — развел руками солдат. — Мы еще и в котелки и в чайник набрали. А после нас в Гатчину отправили. Почти месяц там сидели, агитаторов слушали, только ни черта не поняли. А сегодня вот в патруль снарядили.

— Ясно! — улыбнулся Федор. — Попили, значит, из запасов Его Императорского Величества? Тьфу! Будь он не ладен! Да, а мы в тот день телеграф брали!

— Ага! — добродушно ощерился Пахом. — Если б не комиссары, до сих пор бы гуляли!

— Это, товарищи, нет у вас революционной сознательности! — встал во весь рост, выпятив вперед могучую грудь, Егор. — Не о пьянстве надо думать, а об искоренении всех буржуев и мировой революции. Чтоб во всем мире мы контру на кол посадили! Пьянство — есть пережиток капитализма! Нужно прекращать эти старорежимные замашки! Вы, я вижу, уже где-то успели клюкнуть, да?

— Так это, товарищи пролетарские матросы, — встал с жалобно скрипнувшего под его мощным телом венского стула, лишённого спинки, Силыч, — на Руси завсегда пили! Горе — пьют! Радость — опять пьют! Скажем, праздник какой — милости просим, гости дорогие, откушайте водочки! Что ж новая власть супротив водки?

— Новая власть не супротив водки, она не терпит пьянства! — зло рубанул пудовым кулаком воздух Егор и вдруг, разводя руками, перевел разговор на другую тему: — Теперича все тут наше! Все народное! А мы и есть народ! Наша задача — вычислять буржуев и уничтожать их! Ясно?

— Ясно. Так получается, нам землю дали, а взять мы ее не можем?

— Слушай, Силыч, ты вот уже жизнь прожил, войну прошел, а рассуждаешь как гимназистка! Советская власть от своих слов не отказывается!

Если она землю дала, то так и будет! На веки вечные! — покачал головой Семен.

— Значит, как всех буржуев истребим, раздуем пожар мировой революции, так и домой можно ехать?

— Тогда — да! С превеликим удовольствием, товарищи крестьяне! Эх, ты, пехота! Держись нас! Не пропадешь!

— Дядя Семен, так вы меня к себе на корабль берете? — радостно захолопал глазенками Павлик.

— Ну, брат! Слово революционного балтийца! Утром сменится с патруля и поговорим с твоим командиром. Кто там у вас за старшего?

— Дядя Яша Чебыкин, токарь.

— Полундра! — вдруг заорал Семен, пропустив последние слова мальчика мимо ушей. — Кто-то крадется в темноте!

— Где? Где? — повскакали со своих мест остальные.

— Вон гад по Третьей Рождественской от Дегтярной сюда чешет! Сейчас, кажись, в стену вжался! А ну, стой! — Матрос привычно выхватил маузер и взвел курок.

— А я ничего не вижу, — прищурившись, всматривался в непролазную темную уличную даль Силыч. — Пустая улица! Тебе показалось!

— Мне никогда не кажется! — зычно рявкнул балтиец. — Федор и Силыч — за мной, остальные на месте! Рассредоточиться! Смотреть в оба! Если что — бейте на поражение!

— Дядя Семен, а мне можно с вами? — жалобно протянул Павлик.

— Ну, валяй! — смерив паренька быстрым взглядом, разрешил Семен.

Короткими перебежками он со своей группой, растянувшись по улице цепью, бросился к предполагаемому противнику. Остальные патрульные, похватав винтовки, растворились в темноте, заняв позицию для стрельбы с колена. Во влажном воздухе явственно прозвучало клацанье взводимых затворов.

— Хоть убей, не видно ни зги! Что он там углядел? — шепнул не переставшему улыбаться Федору напряженно всматривавшийся в даль Силыч.

— Эх, старина, Семен — лучший впередсмотрящий на всей Балтике! Он за десять миль в пятибалльный шторм все, что прямо по курсу, видит чуть не до мельчайших подробностей!

— Кто-кто он лучший?

— Тихо вы там! — погрозил им волосатым кулачищем Семен. — Тут он! Затаился, контра! Я его нутром чую!

— Почему сразу контра? — шепотом спросил мальчик.

— А кто еще так поздно по улице станет шархаться и прижиматься к темным стенам домов? Только лютые враги революции!

— Может, человек просто заблудился? Меня вон раз батька послал на Выборгскую сторону к своему приятелю, Ивану Емельяновичу, денег одолжить, так я тоже с непривычки заблудился! Там ух какой район страшный и запутанный! Это я Нарвскую заставу как своих пять пальцев знаю, а

— А ну, стоять! Бах! — неожиданно сорвался с места Семен, не дослушав Павлика, и побежал к пятиэтажному мрачному дому, безликой массой нависшему над улицей, стреляя по пути из маузера вверх. — Стой! Стой, кому говорят!

Теперь уже и остальные участники погони узрели, как от безжизненной, черной от ночных сумерек стены одного из домов отделилась кособокая тень и, пробежав несколько шагов, неожиданно юркнула в попавшуюся на пути подворотню.

— Ушел! — остановился Силыч, пытаясь унять расшалившееся дыхание.

— Не уйдет! Я этот район хорошо изучил! Мы уж тут десятый раз за месяц, наверное, патрулируем! Там тупик. Аккуратней, тут во дворах дровяников много, может где-то в них схорониться и первым огонь открыть. Федя, держи подворотню на мушке! Силыч и Павлик, вы слева обходите, я справа! Там еще два двора!

Пригибаясь и держа оружие наизготовку, патрульные, осторожно ступая по чавкающей под ногами подмерзшей грязи, прошли два пустых двора. И всюду тишина. Где-то на пятом этаже чуть приоткрылась темная штора и тут же быстро задернулась. Третий двор заканчивался глухой стеной — типичный питерский двор-колодец.

— Господа, я сдаюсь! Прошу вас, пожалуйста, не стреляйте! — приподнялась из-за полуистлевшего, осевшего на один бок сарая хорошо различимая фигура мужчины с вытянутыми над головой руками.

— Ну-ка, глянем, что ты за гусь такой! — произнес Семен, наводя неяркий свет карманного фонарика на лицо незнакомца.

Тусклый ржавый свет выхватил из темноты не очень высокого роста, но довольно плотного мужчину лет сорока с «академической» бородкой. Под добротным коверкотовым пальто с новым бобровым воротником угадывалось чуть наметившееся брюшко. Из-под модной пыжиковой шапки, сбившейся на затылок, градом лил липкий пот, застилавший пунцовое лицо. «Пыжик» тяжело дышал и пытался трясущимися пухлыми руками расстегнуть верхнюю одежду.

— Ого! Буржуй! — восхищенно цокнул языком Силыч. — Самый натуральный! Ишь какое брюхо отъел! — Он слегка ткнул мужчину в живот штыком.

— Господа, прошу вас! Не надо!

— Чего не надо? Ты кто такой? — надвинулся на краснолицего матрос. — Почему убежал?

— Я испугался, простите, подумал, что вы бандиты! — начал торопливо объяснять задержанный.

— Ты что, гнида, революционных матросов доблестного Балтийского флота от бандитов не мог отличить? — продолжал наступать на него Семен.

— Да буржуй он! Знамо дело! — снова слегка кольнул в живот «пыжика» Силыч. — Что нам с ним теперь делать?

— В Смольный надо его доставить! — подытожил балтиец.

— У-у-у! — протянул пехотинец, — в Смольный! Там его вдобавок надо сдать, кому следует! Да он еще по дороге десять раз убежит! Семен, давай шлепнем его, и дело с концом! Что, разве не видно, что он буржуй?

— Господа, я не буржуй! Я всего лишь скромный таксидермист! Сотрудник Его Императорского Величества Зоологического музея!

— О! — еще раз ткнул штыком человека редкой профессии крестьянский сын. — Его Величества! Величества, господин хороший, давно кончились! Ешо в марте! Триста лет падлы кровь народную пили! Теперича все! Наше время пришло!

— Как же забыть? Триста четыре года династия Романовых как-никак Россией правила!

— Забудь про Романовых! Вот, а на триста пятом мы ее уконтрапу-пили, династию-то! Гы-гы-гы! И Временное правительство тоже! Мы теперича власть! А ты это, как тебя? Такси.... Язви его в душу! Мтрис! Контра ты! Верно гутарю, товарищи?! Кончать его надо, братцы! Ишь, гад, Романовых вспомнил! Точно контра! Чего его в Смольный-то везти? Он за....

— Погодите, — судорожно полез во внутренний карман мужчина. — Я не контра! Господа!

— Да что ты заладил: господа, господа! — взвился матрос. — Мы тебе не господа!

— Хорошо, товарищи! Граждане революционеры! Я таксидермист, изготавливаю чучела животных! Исключительно для научных целей! Вот мои документы!

— А ну, Павлик, посвети! — попросил Семен, разворачивая протянутую липкой, трясущейся от животного страха рукой кусок цветного картона. — Силыч, а ты смотри, чтоб не убег!

— От меня не убеget! Я в прошлом годе восемь австрияков конвоировал, так двое дали деру. Я их штыком всех и заколол.

— Прямо всех восьмерых? — Таксидермист открыл рот и принялся жадно хватать холодный терпкий воздух, пропитанный запахом расположенной поблизости разлагающейся помойки.

— Всех! — спокойно сообщил Силыч и нежно пощекотал острием штыка через распахнутое пальто работника Зоологического музея. — Я что, за ними гоняться должен? У нас в деревне барин был, так тот бабочек все разных собирал и на иголки их накалывал. Мне говорит: «Силыч, ежели увидишь необычный экземпляр, то неси сразу мне! Если стоящая вещь — дам три рубля!».

— И ч-ч-т-т-о? — через силу спросил «пыжик»

— А ничего! Я принесу, а он ее раз иголкой! Тык в спину, и на стенку! Много у него их было! Жуть сколько! Цельных полдома в бабочках! Я когда на фронте германца или там, скажем, австрияка на штык насаживал, то барина нашего сразу же вспоминал! Хи-хи!

— Да-с! Странные у вас ассоциации!

— Чего? — ткнул его штыком в правое подреберье Силыч, проделав в темно-синем коверкотовом костюме маленькую четырехугольную дырочку. — Щас вот тебе в печень садану, будешь дразниться, контра!

— Я и не думал вас дразнить или злить! Пожалуйста, товарищи, отпустите меня! Товарищ матрос, вы прочитали мои документы?

— Тихо! — не глядя на пойманного интеллигента, буркнул Семен. — Зо-о-ло-ги-че-ско-го, — по слогам прочитал он и обрадовался: — А! Зоологического!

— Товарищ, вы ниже читайте! Там мои фамилия и имя!

— Стой! Куда? — Силыч опять поднял штык. — Не трепыхайся, падла! Без тебя разберутся!

— Милостивый государь, вы не могли бы меня больше не колоть своим страшным ружьем? Знаете, очень уж больно!

— Это тебе не ружье, дура, а самая что ни на есть винтовка-трехлинейка! Мтрисч чертов!

— Хорошо, пускай трехлинейка! Отпустите меня домой! Я живу в двух кварталах отсюда! У меня там, в квартире находятся больная жена и трое детей! Я два дня не был дома! Выполнял срочный заказ заместителя директора! Транспорт никакой по городу не ходит, извозчики все куда-то разбежались! По телефону не дозвониться! Полагаю, мои близкие все это время не спят, волнуются! Прошу вас, отпустите! Я пешком прошел почти через весь Петроград от самой Стрелки! Всюду стреляют, грабят! Кошмар! У меня больная жена и маленькие дети!

— Как жалостливо сейчас нам тут поешь, буржуй! А ну, стой смирно и не трепыхайся! А то, может, твои барчуки больше папку и не увидят!

— Полундра! Ха-ха-ха! — раздался громкий хохот, и к ним присоединился вечно веселый Федор. — Ну, что вы тут застряли?

— Да вот контру поймали! Убегал! — за всех ответил Павлик.

— Я не убегал, я испугался! — начал заметно нервничать таксидермист. — У меня документы в полном порядке. Я живу рядом: угол Пятой Рождественской и Мытнинской.

— Ну-ка, Федя, — обратился Семен к товарищу, — прочти ты! Ни черта не пойму, что написано!

— Маингот Иван Францевич, — бойко выпалил матросик, взяв в руки удостоверение таксидермиста. — Сотрудник Его Императорского Величества Зоологического музея! Таксидермист! Ну, и чего?

— Ишь как шпаришь! — с восхищением посмотрел на приятеля Семен. — А у меня как одна буква перед глазами встала, так все время и стоит. Не могу сдвинуться с места, хошь убей! Что будем с этим чудиком делать? Его надо в Смольный доставить! А у нас приказ патрулировать улицы!

— А давай, Павлик его отведет. Павлик, ты сможешь его в Смольный доставить? — переключился Федя на ученика слесаря.

— Товарищ Федор, я этот район не очень хорошо знаю!

— Ну, а еще питерский парень! А где Смольный, штаб мировой революции, располагается — не знаешь! Эх, ты! А еще разведчик!

— Почему? Я знаю, где Смольный, даже был там не один раз! Но днем! Ночью могу заблудиться! Давайте лучше доведем его до дома, заодно и проверим, правду говорит или нет? Может, он и не буржуй вовсе? Может, правда, чучела делает? У нас в трактире на Нарвской заставе есть внутри чучела уток! Как живые!

— В такой шубе и шапке — и не буржуй? — криво ухмыльнулся Силыч. — И вы меня еще будете революционной бдительности учить? Да у него на роже минимум гимназия нарисована.

— А что, гимназии одни буржуи оканчивают? Ваш Ленин, между прочим, тоже гимназию в свое время окончил! — не удержавшись, встрял в разговор таксидермист.

Сильный и хлесткий удар неожиданно сбил Ивана Францевича с ног. Богатая меховая шапка покатила в сторону, а на пальто непрерывной стружкой стала сочиться алая кровь из разбитого носа.

— Ты, гнида, на Владимира Ильича ничего такого не смеешь говорить! — продолжал сжимать пудовые кулаки Семен. — Ленин — он сила! Он — вождь!

— А что, по-вашему, вождь не мог учиться в гимназии? — придерживая рукой фонтанирующий нос, повторил Маингот и попытался приподняться с колен.

Балтиец вновь замахнулся на него свинцовым кулаком.

— Погодите, граждане! — вжал в плечи голову несчастный Иван Францевич. — Я буду молчать! Хотите, я вам отдам шубу, шапку, часы, портмоне? Все, что у меня есть! Только, ради Христа, ради революции, отпустите меня домой! Право слово, меня ждут жена, дети! — быстро затараторил он. — Боже мой! Я, уважаемый человек, известный ученый, валяюсь в вонючей и ужасной грязи в каких-то нескольких жалких метрах от собственной парадной только за то, что имел несчастье получить в свое время должное образование. Граждане, у меня с собой еще есть два николаевских червонца! Желаете? Только отпустите к детям, ради Христа!

— Ах ты, контра! Балтийца купить надумал? Бога приплел! — грубо схватил за грудки несчастного таксидермиста могучий Семен. — Нам твое буржуйское барахло и даром не надо! Все! Пошел вперед, двигай, давай, на улицу! — Матрос отпустил одежду Маингота и, не оглядываясь, первым направился к выходу из тупика. Рядом вышагивал Федор, держа винтовку с примкнутым штыком за плечом. Сзади семенил задумавшийся Павлик. Матросы вышли из подворотни и помахали руками людям, столпившимся у яркого костра в конце квартала. С той стороны слышались зычные крики:

— Братва, ну, вы где там застряли? Давай все сюда!

— Пошли, Сема! Эй, Силыч, ну, ты где? — выкрикнул матрос.

— Тут я! — тихо вышел из подворотни крестьянин в серой шинели, тщательно вытирая грязной тряпкой четырехгранный штык.

— А этот... так-си-дер-мист... — презрительно процедил сквозь зубы Федя, — он где?

— Там. Попытался бежать, я его и заколол, как бабочку! Кхе — кхе!

— Ты ж его точно в сердце ударил! — приподняв теплый труп, удивился Семен, осветив фонариком маленькую аккуратную квадратную дырочку под левым соском Ивана Францевича. — И почему он раздетый? В одном исподнем валяется?

— Так это, — замялся Силыч, — он мне одежду свою сам отдал. Подарил, значит! У нас же все общее теперича!

— Он тебе одежду, а ты его штыком? — задумчиво почесал нос Семен.

— Так он это, бежать надумал! Бдительность мою пытался усыпить.

— И зачем тебе его одежда? Напялишь на себя и станешь точно, как тот буржуй ходить по Петрограду?! Тогда тебя свои же и грохнут!

— Зачем? Я на сало утром на рынке сменяю!

— Знаю твое сало! Опять на самогон сменяешь, и станете жрать без меры! Тьфу! — зло сплюнул под ноги Силычу Семен.

— Да хрен с этим буржуем! Что ты к Силычу прицепился? — примирительно хлопнул по плечу приятеля Федя. — Подумаешь, одним буржуем больше, одним меньше! Правильно сделал! Главное — тихо! Обывателей по округе не разбудил! У него еще и фамилия немецкая. Может, он немецкий шпион?

— Тем более, если шпион, то надо было в Смольный доставить!

— Сема, я тебя умоляю! Позавчера трех таких вот рябчиков в расход пустили, и ничего! Сколько мы их уже покروшили? А сколько еще покрошим? Не надо буржуев жалеть!

— Да, а товарищ Максимов ругался, что к нему тогда задержанных контриков не привели!

— Дался тебе этот Максимов! Кто такой этот Максимов? Сейчас вот пойдем на Невский — там столько буржуйских квартир! — пару обысков проведем, и твой Максимов нам слова не скажет! Еще благодарность объявит!

— Так это не наш район патрулирования!

— Да и ладно! Там ребята с «Грозного» сегодня дежурят, свои парни! Там Коля Борода, Иван Тополь, мы с ними телеграф брали! Айда!

Павлик стоял в стороне и наблюдал, как Силыч вынес из тупика на улицу одежду убитого им таксидермиста и, сложив ботинки, шапку, костюм вовнутрь пальто, бережно завернул добычу, перевязав все неизвестно откуда-то взявшимся шпагатом. Неожиданно мальчику захотелось выхватить из-за пояса револьвер и разрядить в широкую крестьянскую спину весь барабан, до последнего патрона. Он уже потянулся к холодной рукоятке, как его окликнул Семен:

— Павлик, чего там остановился? Айда к нам! Сейчас перекусим, там у нас сухой паек имеется, и пойдем дальше контру уничтожать. Ты не устал?

— Нет, — грустно ответил подросток.

— Ну, наш вождь Владимир Ильич Ленин говорит, что революцию в белых перчатках не делают! — потрепал его по выбившимся из-под трех уха вихрам матрос.

— А этого такси... как его... обязательно нужно было убивать, дядя Семен? Вдруг у него и правда больная жена и дети маленькие дома ждут?

— Мальчик, если мы хоть раз дадим слабину, то нас сомнут. У нас немало врагов, как внутренних, так и внешних, и они нас точно жалеть не станут! Пойми это! Если ты хочешь стать настоящим моряком-балтийцем, оплотом революции, то нужно это девчачье слюнтяйство от себя гнать как можно дальше! — И Семен грозно потряс тяжелым маузером, показывая, как надо гнать.

— Что-то мне уже расхотелось быть моряком-балтийцем, — подумал мальчик, а вслух произнес: — Я все уяснил, товарищ Семен.

P.S. Матрос Семен прошел всю Гражданскую войну в европейской части страны, закончив ее в 1920 году в Крыму. А по возвращении, в марте 1921 года, поддержал восставших в Кронштадте матросов-балтийцев. Войска под предводительством Тухачевского утопили остров Котлин и его жителей в реках горячей крови. Семена так и опознали по любимому маузеру, что он до самой смерти не выпускал из своих сильных рук. Больше тридцати пулевых и осколочных ранений насчитали позже на могучем теле. А чтобы вырвать из рук обожаемое им оружие, пришлось отрезать два пальца.

Силыч уехал к себе в деревню, в Тамбовскую губернию, где в июне 1921 года присоединился к знаменитому крестьянскому восстанию, подавленному тем же Тухачевским. Смерть принял он, как и любил: от штыка. Наглотавшись хлорпикрина, распыленного Красной армией в тамбовских лесах при помощи химических снарядов, ополоумевший, задыхающийся Силыч выполз из чащи на проселочную дорогу. Тут его и пригвоздил, словно бабочку, к толстому дубу четырехгранным штыком прославленной «трехлинейки» губастый молодой боец в «буденовке» с большой красной звездой.

Судьба остальных персонажей канула в лету. А историю эту поведал мне Павлик, уже ставший к этому времени Павлом Николаевичем, уважаемым пенсионером союзного значения. Незадолго до празднования 100-летия Октябрьской революции ветеран решил поведать мне про тот переворот без прикрас. Что из этого вышло? Судить вам. □

Алла Зубкова

МАЭСТРО ВАГНЕР

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ВЗЛЕТОВ И ПАДЕНИЙ

По мощи таланта его сравнивали с Бетховеном и Микеланджело. Его боготворили такие музыканты, как Григ, Брюкнер, Рихард Штраус, Малер. Творчество композитора оказало огромное влияние на Томаса Манна, Пруста, Ромена Роллана и многих других писателей. В наши дни о великом композиторе снято несколько художественных фильмов, а самые известные мастера экрана используют его темы в своих блокбастерах, как, к примеру, Френсис Ф. Коппола в «Апокалипсисе сегодня» и Ларс фон Триер в «Меланхолии».

Жизнь Рихарда Вагнера полна необычных взлетов и падений, страстных увлечений и периодов безграничного отчаяния. Приходилось преодолевать неисчислимые препятствия для продвижения своих новаторских идей. В конце концов он дождался триумфа, который не выпадал на долю других музыкантов-творцов. Увы, в своих воззрениях этот гениальный художник не сумел избежать серьезных заблуждений и ошибок, а некоторые его взгляды носили откровенно реакционный характер. И все-таки в истории музыки он остался в числе избранных гениев, чей вклад в мировую культуру имеет непреходящую ценность.

Рихард Вагнер появился на свет 22 мая 1813 года в Лейпциге. Его отец, полицейский чиновник, умер спустя полгода после рождения сына. Рихард рос в артистическом мире — талантливый актер, писатель и живописец Людвиг Гейер стал его отчимом. Есть определенные основания считать, что именно Гейер, друг семьи Вагнеров, был настоящим отцом будущего композитора. Во всяком случае, сам Рихард, скорее всего, считал именно так. Гейер перевез семью в Дрезден, где служил в придворном королевском театре. Он нежно заботился о детях (их было семеро), но Рихард явно был его любимцем. У ребенка рано проявились художественные склонности. К сожалению, Гейер умер в 1821 году, когда мальчику исполнилось всего 8 лет. Старшая сестра определила его в гимназию. Мальчик очень любил читать, и так увлекся Шекспиром, что даже начал сочинять

кровавую трагедию, которую, однако, не смог довести до конца, так как все действующие лица (в количестве 41 человека) оказались убитыми еще до последнего действия.

Через какое-то время Рихард с матерью и сестрами вернулся в Лейпциг. И здесь в нем стал пробуждаться интерес к музыке. Пятнадцати лет от роду он впервые услышал Бетховена. Потрясающее впечатление произвела на него музыка к «Эгмонту». Он упивался мелодиями «Волшебного стрелка» Вебера. Он решил брать уроки игры на фортепиано, но его успехи были весьма скромны. А через два года Рихард под руководством кантора собора св. Фомы, где некогда служил Бах, приступил к серьезному изучению гармонии и контрапункта. Эти занятия были основательными и интенсивными. Впрочем, сочинения этих лет — соната, несколько увертюров, симфония — свидетельствуют о том, что студентом он был

способным, но звезд с неба не хватал. В двадцать лет он написал свою первую, довольно слабую оперу «Феи». Попытка поставить ее в Лейпциге успеха не имела, но Вагнер уже почувствовал себя человеком театра.

В 1834 году он переехал в Магдебург, где получил должность второго дирижера. На следующий сезон его уже повысили — он стал первым капельмейстером и одновременно завершил новую оперу «Запрет на любовь» по комедии Шекспира «Мера за меру». Увы, она была исполнена в Магдебурге всего один-единственный раз, так как театр обанкротился и был закрыт. За два года пребывания в Магдебурге Вагнер осно-

вательно влез в долги и сумел увлечь самую красивую актрису труппы Вильгельмину (Минну) Планер. Они вместе переехали в Кенигсберг, где оба получили ангажемент. В конце 1836 года их нежные отношения были скреплены узами законного брака.

Минна была первой страстью Вагнера. Он вел себя бурно, она — более сдержанно. Нельзя сказать, что Минна не любила Рихарда, но, восхищаясь неоспоримым талантом обожавшего ее композитора, она совершенно неспособна была понять его высокие честолюбивые замыслы. Тем более что сама особой музыкальностью не отличалась, а работа в театре (вскоре ею брошенная) бы-

ла для нее лишь способом заработать на жизнь. Их семейный союз пережил немало испытаний. И они начались едва ли не с первых недель совместной жизни. Вагнер был деспотичен и капризен, как примадонна, ревнив, словно шекспировский мавр. Уже через полгода, не выдержав треволнений столь бурного супружества, Минна бежала к своим родителям в Дрезден. Ваг-

стью, приступив к сочинению героической оперы «Риенци». Либретто написал сам по недавно вышедшему в свет одноименному роману Бульвера-Литтона. Впрочем, удалось написать лишь два акта оперы.

В Риге Рихард опять влез в долги — иначе с ним теперь и не бывало. Он просто не в состоянии был отказывать себе в чем-либо и, не задумываясь, брал в долг, пока кредит

М

атериальное положение Вагнера в пятидесятые годы было катастрофичным. Заработков не хватало, приходилось экономить на всем, чего он терпеть не мог. Но, несмотря ни на что, Вагнер продолжал с удвоенной энергией работать над своим величайшим творением — тетралогией «Кольцо нибелунга»

нер бросил все и ринулся в погону за ней.

После примирения Минна согласилась отправиться с Вагнером в Ригу, куда он получил приглашение на должность дирижера в оперном театре. Вагнер надеялся, что сумеет устроить жизнь Минны так, что сможет уйти из театра и избавиться от всех тревог и волнений, неизбежных в театральном быту. Однако взаимные обиды и недоразумения не прекратились, и Минна снова уехала, а Рихард один отправился в Ригу, находившуюся под короной Российской империи.

Успешную работу в театре он сочетал с композиторской деятельно-

ему был открыт. А тут, как назло, не только местные, но и прежние кредиторы из Магдебурга и Кенигсберга зашевелились и подали на него в суд. Вагнер решил бежать из Риги. Куда? В Париж, разумеется. Лишь там, как он был уверен, композитора его дарования мог занять подобающее положение. Однако для побега нужны были средства. Вагнер и Минна с помощью друзей тайно распродали все свое имущество. Границу перешли ночью, по тропам контрабандистов, подвергаясь опасности быть обнаруженными и схваченными казачьими патрулями. После этого на неудобных фурах по скверным дорогам много дней

Мина Вагнер, первая жена

добирались до небольшого портового городка Пилау. Из Пилау Вагнер с женой должен был на паруснике отплыть в Лондон. Чтобы не быть замеченными портовой охраной, к кораблю пришлось подплыть в сумерках. Сначала с невероятным трудом подтянули наверх на палубу огромного ньюфаундленда Роббера, с которым Вагнер никак не желал расстаться. Потом поднялись сами и спрятались в глубине трюма, опасаясь, как бы чиновники, осматривающие судно перед отплытием, не заметили их. Балтику штормило, переезд оказался не из легких. Однако бушующее море и знаменитая легенда о вечном скитальце — Летучем голландце, услышанная от ма-

тросов, возбудили пылкое романтическое воображение композитора: тогда у него и зародилась мысль написать оперу «Летучий голландец». В голове даже звучала уже мелодия хора матросов.

В конце августа 1839 года Вагнеры высадились на севере Франции близ Булони, а в октябре добрались до столицы. Париж Виктора Гюго, Бальзака, Дюма, Шопена, Гейне, Листа — обернулся для Вагнера голлой пустыней. Идеалист-фантазер, он строил воздушные замки, не понимая, что в этом огромном городе никому еще не известному музыканту практически невозможно надеяться на скорый успех. Даже рекомендательное письмо знаменитого в то время немецкого композитора Мейербера, живущего во Франции, не помогло. Чтобы свести концы с концами, Вагнер брался за самую неблагоприятную работу: он делал переложения опер, аранжировал пьесы для всевозможных инструментов, сочинил 14 попури на темы популярных оперных мелодий для «Школы игры на корнет-а-пистоне» и прочее. Все, что можно, он отнес в ломбард. В таких условиях прокормить своего любимца, гигантского ньюфаундленда, было очень сложно, и в один прекрасный день Роббер исчез. Сам ли сбежал или его похитили, так и осталось неизвестным.

Нищий и голодный (четыре недели ему пришлось провести в долговой тюрьме), Вагнер, тем не менее, продолжал много и упорно работать. В начале 1840 года он написал увер-

тью к «Фаусту», а к осени завершил оперу «Риенци». К этому времени был готов и план либретто к «Летучему голландцу», текст и музыку которого он закончил в августе — сентябре 1841 года.

В Париже произошла первая встреча Вагнера с Ференцем Листом. Но это мимолетное знакомство еще не привело к сближению двух гениальных музыкантов, дружба которых стала впоследствии од-

ной из ярких страниц творческой жизни каждого из них.

В 1842 году, потеряв надежду обрести славу в Париже, Вагнер покинул столицу Франции и отправился в Дрезден. В октябре в местном оперном театре состоялась премьера его оперы «Риенци». Зал был заполнен до отказа. Опера длилась необычайно долго — 6 часов. Вагнер с трепетом ожидал, что в середине спектакля публика начнет рас-

ходиться, но ничего подобного не произошло. Было уже далеко за полночь, когда композитор вместе с артистами вышел кланяться в ответ на многочисленные вызовы зрителей. В одну ночь он стал знаменит. Следствием необычайного успеха «Риенци» стало приглашение Вагнера на должность придворного капельмейстера Дрезденского королевского оперного театра.

В начале января 1843 года состоялась премьера «Летучего голландца». Успех по сравнению с «Риенци» был довольно скромным. Тем не менее, именно это произведение с полным правом можно назвать рубежным в творчестве композитора. В нем он уже встал на путь оперного реформатора. Не развлекать публику пышным зрелищем и легкодоступной музыкой стало его целью, а создание серьезного произведения, полного глубокого смысла, драмы — целостной и монолитной. Примерно в это время в Берлине произошла вторая встреча Вагнера с Листом. Уже через несколько лет Лист станет не только другом Вагнера, но и его покровителем, горячим пропагандистом его творчества, человеком, помогавшим Вагнеру морально и материально в трудные минуты жизни.

Весной 1845 года Вагнер завершил партитуру своего нового сочинения «Тангейзер», красивой средневековой легенде о грешнике, в руке которого, вопреки проклятью Римского Папы, в знак Божьего прощения зацвел посох. «Тангейзер» сыграл зна-

чительную роль в закреплении нового стиля и принципов драматургии Вагнера. Премьера состоялась осенью 1845 года. Успех оперы поначалу не был столь непосредственным и зажигательным, как успех «Риенци», но он возрастал от спектакля к спектаклю, и вскоре она стала столь же репертуарной, как и «Риенци».

Сразу же после премьеры «Тангейзера» Вагнер приступил к работе над новой оперой — «Лоэнгрин».

Конец пребывания Вагнера в Дрездене был связан с его деятельностью во время восстания 1849 года. О своем участии в революции сам он позднее писал, как об ошибке, изображая свое поведение как некий необдуманый шаг, заблуждение. Между тем, в дни восстания Рихард был весьма активен. Он составил прокламацию, обращенную к саксонской армии и направленную против прусских войск. Восстание было жестоко подавлено королевскими саксонскими войсками. К ее участникам и вдохновителям были применены беспощадные меры.

Вагнеру удалось скрыться от преследований полиции. Он сумел перебраться в Веймар к Листу. По совету Ференца, было решено, что Рихард отправиться в Париж. Через Баварию он перебрался в Швейцарию и на некоторое время остановился в Цюрихе, который позднее стал его многолетним пристанищем.

В начале мая 1849 года он уже был в Париже. Увы, этот приезд в «столицу мира», как и первый, его надежд не оправдал. Так ничего и не добившись, он вернулся в Цюрих,

привезя с собой почти готовую партитуру новой оперы. В «Лоэнгрине», как ранее в «Тангейзере», Вагнер соединил содержание различных средневековых легенд, в которых шла речь о рыцарях Грааля, поборников справедливости, непобедимых в борьбе со злом. Очень поэтична музыка оперы, в которой, по словам П.И. Чайковского, «царство света, правды и красоты» получило совершенное воплощение. «Лоэнгрин» — громадный шаг Вагнера к оперной реформе. Симфонизм, как ведущая тенденция музыкального мышления зрелого Вагнера, вступил в свои права. Благодаря усилиям Листа опера была поставлена в Веймаре в 1850 году. Успех был впечатляющим. Вскоре на спектакль уже невозможно было достать билеты.

Через какое-то время к Вагнеру в Цюрихе присоединилась Минна. Необычайно хозяйственная, она довольно быстро устроила им скромное, но уютное гнездышко. Однако в глазах энергичного, полного жизненных сил композитора утомленная, преждевременно увядшая супруга потеряла свою былую привлекательность. Вагнер явно созрел для новых любовных увлечений, и они были уже не за горами. Пока же перед ним стояла насущная проблема — на какие средства жить. Он решил ее со свойственной ему радикальностью — больше он никогда не будет зарабатывать на хлеб музыкой, его дело — создавать непреходящие ценности, и пусть мир позаботится о том, чтобы у него был

не только хлеб насущный, но и все мыслимые удобства, которые все больше становились его слабостью. Для этого, как он полагал, необходимо было найти государя, преданного искусству, либо меценатов, способных идти на жертвы ради безбедного существования гения. Что ж, план Вагнера был не столь уж утопичен, как могло показаться на первый взгляд. А быть может, ему просто повезло. Как бы то ни было, но одна богатая англичанка, миссис Тейлор, с которой он познакомился еще в Дрездене, обещала ежегодно переводить ему сумму в три тысячи франков. Однако тут в события вмешалась сама судьба. В Вагнера влюбилась дочь миссис Тейлор, Джесси, которая была замужем за очень состоятельным виноторговцем по фамилии Лоссо. По приглашению Джесси, Вагнер провел в их доме в Бордо три недели, непрерывно музицируя с хозяйкой, превосходной пианисткой. Вернувшись домой, он сообщил Минне о своем решении расстаться с нею, а Джесси предложил бежать с ним в Грецию или Малую Азию, чтобы начать там новую жизнь, подальше от испорченного европейского мира. Джесси была готова принять его предложение. Миссис Тейлор, почуяв неладное, сделала все, чтобы вразумить дочь, а виноторговец, узнав об этом плане композитора, поклялся убить подлого соблазнителя. К счастью, свою угрозу он так и не осуществил. Разочарованному Вагнеру пришлось вернуться к Минне и заключить с ней перемирие.

Зато пенсии миссис Тейлор он, увы, лишился навсегда.

Материальное положение Вагнера в пятидесятые годы было катастрофичным. Заработков не хватало, приходилось экономить на всем, а этого он терпеть не мог.

И все-таки, несмотря ни на что, Вагнер продолжал работать с удвоенной энергией, в первую очередь, над своим величайшим творением — тетралогией «Кольцо нибелунга» («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов»). Работа над

текстом была завершена в ноябре 1852 года. Тем не менее, композитор все еще продолжал сомневаться, чувствуя неуверенность перед лицом столь колоссального замысла. Однако в ноябре 1853 года он, наконец, приступил к написанию музыки. Лихорадочно работая, Вагнер за десять недель закончил клавир «Золота Рейна», а спустя пять месяцев была готова и партитура. Затем он создал «Валькирию» и приступил к сочинению «Зигфрида». Работа над оперой шла довольно медленно,

а в 1858 году он вообще решил отложить завершение этого произведения. Тому были причины личного свойства. Вагнер влюбился в Матильду Везендонк, жену своего друга и покровителя Отто Везендонка. Она была молода, красива и талантлива. И Матильда полюбила Вагнера, но не могла ни бросить мужа, ни изменить ему. Неудовлетворенная страсть нашла свое выражение в музыке — его новой опере «Тристан и Изольда» — этой гигантской вокально-симфонической поэме о губительной силе всепоглощающей страсти. Увы, Вагнер был вынужден прекратить платонические отношения с Матильдой, после того как Минна перехватила одно из любовных писем мужа и устроила ему скандал. Не довольствуясь яростными нападками на мужа, она ворвалась в дом Матильды и устроила ей грубую сцену. Вагнеру и Минне пришлось покинуть уютный домик, который Везендонки предоставили в их распоряжение. Увы, подобно своему «Летучему голландцу», Рихард был обречен на вечные скитания.

В начале 1862 года он поселился в городке Бибрихе, неподалеку от Майнца, и в последний раз решил попробовать жить вместе с Минной. Но из этого ничего не вышло, скандал следовал за скандалом, и супруги окончательно расстались. Минна уехала в Дрезден. Вагнер обещал выплачивать ей тысячу талеров в год и, насколько мог, выполнял это обязательство.

Матильда Везендонк

Весной 1863 года состоялись гастрольные концерты Вагнера в Петербурге и Москве. У русской публики они имели ошеломляющий успех, выступления вызвали и широкие отклики в прессе. Прежде всего, многих поразило то, что Вагнер, дирижируя, стоял лицом к оркестру и спиной к публике, что не было принято в то время. Композитор покидал Россию с чувством морального удовлетворения. Кроме того, он заработал приличную сумму денег и теперь мог расплатиться с долгами и помочь Минне.

Увы, период относительного благополучия длился очень недолго. Вагнер снова стал несостоятельным должником. На этот раз положение было настолько безвыходное, что композитор даже подумывал о са-

Козима Вагнер (Лист), вторая жена

моубийстве. И все-таки надежда не оставляла его. Всегда в критические моменты жизни к нему приходила помощь — быть может, она придет и теперь? И он не ошибся. Но то, что произошло в этот раз, было невероятно и превосходило самые смелые его мечты. Молодой король баварский, Людвиг II, только что вступивший на престол, написал композитору, что он восхищен его творчеством и литературными трудами, которые тщательно изучал, и с нетерпением ждет обожаемого маэстро в своей Мюнхенской резиденции. К письму был приложен портрет монарха и драгоценный перстень. Бездомный беглец, преследуемый кредиторами и затравленный враждебной критикой, вдруг вмиг оказался на вершине благополучия. Король, приняв Вагнера в своем дворце, назвал его

своим учителем и заявил, что сделает все, дабы гениальный композитор был полностью вознагражден за все перенесенные невзгоды и лишения. Вагнер, в самом деле, приобрел неограниченное влияние на короля, который именовал его не иначе, как «возлюбленным другом». Рихард без зазрения совести пользовался в своих целях королевскими милостями, за четыре года, с 1864 по 1867-й, он истратил четверть миллиона из личной шкатулки короля. При этом характер его не стал ни мягче, ни терпимее. Вагнер полагал, что политики и министры ни на что не пригодны, если не считают нужным с должным рвением проводить в жизнь его планы, и не считал нужным скрывать свое мнение. Дружба с королем, влияние Вагнера на него не только в художественных, но и в государственно-политических вопросах — все это возбуждало страсти многочисленных завистников. Вагнер интриговал даже против премьер-министра, и это не сошло ему с рук. Последний вручил королю адрес с четырьмя тысячами подписей, где утверждалось, что деятельность композитора представляет опасность для внутреннего мира в стране. Людвигу пришлось уступить и передать своему другу просьбу покинуть Мюнхен на несколько месяцев. Оскорбленный и уничтоженный, маэстро вновь начал искать убежище. Впрочем, он сохранил свою независимость, поскольку мог распоряжаться значительными средствами, получая весьма солидное жалование, и по-

селится на вилле Трибшен близ Фирвальдштетского озера недалеко от Люцерна.

Дочь Листа Козиму Вагнер впервые увидел, когда та была еще девочкой. Тогда он произвел на нее большое впечатление. Шло время. Козима выросла. По желанию отца она вышла замуж за его ученика, талантливого пианиста и дирижера Ганса фон Бюлова, но настоящей любви между ними не было. Между тем, достаточно частые встречи с

Вагнером, обаяние его гения, его одиночество, страдания — все это усиливало тяготение к нему Козимы и ее желание скрасить его жизнь. Разница в возрасте почти в двадцать пять лет не останавливала ни композитора, ни молодую женщину.

В 1864 году Козима с двумя своими дочерьми гостила у Вагнера в Мюнхене, а родившуюся весной следующего года третью дочь Козимы Изольду Вагнер признал своим ребенком. Позже Козима с детьми

окончательно переехала к Вагнеру. Бюлов, всегда преклонявшийся перед гением композитора, глубоко переживал эти события. Не меньше был обижен на своего друга и Ференц Лист. Их отношения пресеклись на многие годы. Вскоре Козима родила композитору вторую дочь — Еву,

вперед и последняя часть тетралогии — «Гибель богов», партитура ее была готова к ноябрю 1874 года. Но Вагнеру этого было мало. Одновременно с работой над «Гибелью богов» он приступил к осуществлению давнишней мечты — строительству театра, предназначенного ис-

С

емилетие, проведенное Вагнером в Трибшене, — самая мирная и счастливая пора его жизни. Он жил в прелестном уголке Германии, с ним рядом была любимая женщина, дети. Продвигалась вперед и последняя часть тетралогии — «Гибель богов». Одновременно с этим он приступил к осуществлению давнишней мечты — строительству театра, предназначенного исключительно для исполнения собственных произведений

а затем сына — Зигфрида. В 1866 году от болезни сердца скончалась Минна, а в 1870, после расторжения брака с Бюловым, Козима и Вагнер официально стали мужем и женой.

Семилетие, проведенное Вагнером в Трибшене — самая мирная и счастливая пора его жизни. Он жил в прелестном уголке Германии, с ним рядом была любимая женщина, дети. Опера «Нюрнбергские мейстерзингеры» явилась первым плодом этого незабываемого времени. Чувствуя в себе беспредельные силы, Вагнер взялся за продолжение работы над монументальным творением всей своей жизни: он, наконец, завершил «Кольцо нибелунга». Продвигалась

ключительно для исполнения собственных произведений. Случай уникальный, не имеющий аналогов в истории оперного искусства. Ценой невероятных усилий ему удалось осуществить задуманное. В августе 1876 года в небольшом городке Байрейт близ Нюрнберга циклом «Кольца нибелунга» открылся новый театр. Оперный фестиваль прошел с блеском. На нем присутствовали многие выдающиеся музыканты, в том числе и помирившийся с Вагнером Лист. Правда, после этого театр закрылся, и лишь через шесть лет в мае 1882 года его двери открылись для показа в рамках второго фестиваля последней оперы Вагнера «Персифаль».

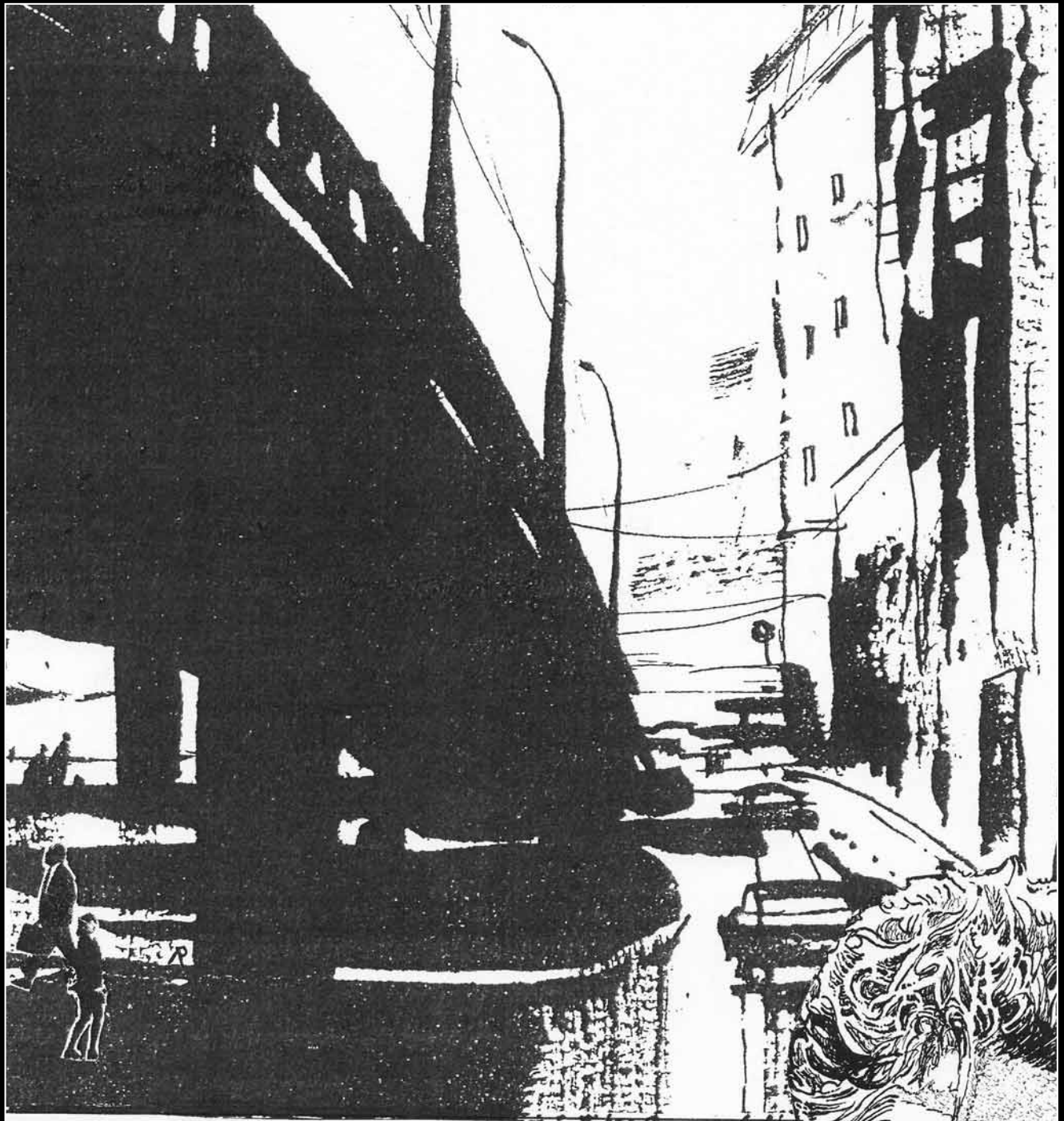
Композитор был по-прежнему полон сил, хотя изредка его все же беспокоили сердечные припадки, которые быстро проходили. Но в феврале 1884 года во время работы в своем кабинете у него внезапно начался сильнейший сердечный приступ. Он позвонил в колокольчик и крикнул: «Жену и доктора!» Когда родные вбежали в кабинет, уже началась агония. Слуги стали снимать с него одежду, и на пол упали часы, подаренные Козимой. Вагнер успел только произнести: «Мои часы...» Это были его последние слова.

Тело Вагнера было перевезено специальным поездом в Байреит. Под звуки траурного марша из

«Гибели богов» великий композитор нашел вечное упокоевание в парке своей виллы «Ванфрид».

Через три с половиной года в Байреит на очередной фестиваль приехал Ференц Лист. Простудившись в дороге, он, несмотря на свое недомогание, посетил спектакль, но после этого слег, а через несколько дней скончался. Могила Листа находится в саду виллы «Ванфрид» подле могилы Вагнера. Так два великих друга — музыканта после смерти оказались рядом на вечные времена.

После смерти Вагнера фестивалями в Байрейте руководила сначала Козима, а затем его сын и внуки, а в наши дни две праправнучки. □

МОЯ ШОКОЛАДНАЯ БЭБИ

Глава седьмая

Сытов сидел на кухне и давился вареным яйцом. Он даже чай заварил не черный, а зеленый, чтобы получить негатива на полную катушку. Он всю ночь терзал телефон, пытаясь дозвониться до Катьки, но никто не брал трубку, даже тот размалеванный урод, плохо играющий женщину.

Идти туда не имело смысла. Раз трубку никто не берет, значит, дома никого нет — логично рассудил Сытов.

Он доел одно яйцо и начал чистить второе. Скорлупа отделялась с кусками белка, и это страшно раздражало Сытова. В конце концов он психанул и кинул недочищенное яйцо в раковину. Оно громко шмякнулось о нержавейку, треснуло и совсем потеряло съедобный вид.

Это не утро. Это конец жизни какой-то.

На шум в кухню вошла Лика. На ней было что-то безумно розовое, прозрачное и чрезвычайно соблазнительное.

— Не понимаю, зачем швыряться яйцами, — сонно проговорила она и налила себе кофе. — Там в холодильнике есть булочки, шоколад и копченая колбаса. Я купила.

— Ты?!! — Сытов захлебнулся зеленым чаем и закашлялся.

Окончание. Начало в №9–10.

Заставить Лику купить булочки, шоколад и копченую колбасу можно было только под угрозой расстрела.

— Да, Кит, я решила к тебе подмазаться, — похлопала она его по спине. — Через твой капризный желудок. Что, не очень оригинально?

— Спасибо. Но я все-таки хочу похудеть.

— Хочешь, вместе поедем булочки с шоколадом и колбасой, Кит?

— Нет. Такой жертвы я не приму.

Они молча позавтракали.

— Я на работу. — Лика встала и сложила посуду в мойку.

Сытов взял телефонную трубку и набрал уже заученную комбинацию цифр. Какое-то время послушав длинные гудки, нажал на отбой.

— Кому ты все время звонишь?

— Не скажу.

— Чтобы не врать?

— Да.

— А я знаю! Ты звонишь своей темнокожей девчонке. Скорее всего, это так, потому что весь дом болтает, что старичка в нашем подъезде убила какая-то негритянка по имени Катерина, которая всегда ходила только в красных платьях. Но ее вроде отпустили, потому что...

— Не знал, что ты собираешь сплетни!

— Я не собираю сплетни, Кит, я сопоставляю факты. Почему ты мрачнее тучи? У тебя ничего не получилось с этим красным платьем? Ты не узнал, что хотел? Ты не знаешь, как помочь этой Катерине? Зашел в тупик? Расскажи, Кит! — Она опять уселась за стол и уставилась на него карими глазами с выражением умной собаки.

— Черт бы подрал твою проницательность! — Сытов грохнул чашку с чаем о стол. Он так и не осилил это жутко полезное зеленое пойло с запахом банного веника и садовых клопов. — Да, я зашел в тупик! Красные тряпки у мадам Павловой украла ее домработница по имени Алла Травкина. Травкина испарилась со своего постоянного места жительства, якобы переехав к любовнику. А любовник у нас, кстати, очень подозрительный тип! Вполне даже тянет на гнусного убийцу. Но! Он не имеет ни имени, ни адреса, ни... даже внешности! У него есть только дурацкая кличка «Робинзон» и татуировка на среднем пальце — крест.

— Кит! Это уже многое!

— И что ты предлагаешь с этим делать?

— Что-что! Робинзон — не самое избитое прозвище. Если когда-то, где-то он засветился в криминале, его должны знать! Сиди дома, я тебе перезвоню. — Она встала и ушла в спальню, где, судя по звукам, стала переодеваться.

— У тебя что, есть доступ к оперативной информации? — почувствовав себя уязвленным, крикнул Сытов.

— Один очень крутой криминальный авторитет водит свою подружку в мои салоны на массаж и прочие процедуры! Пожалуй, я бы предложила ей годовой бесплатный абонемент за...

— Кто он?!! — Сытов в два прыжка очутился в спальне и затряс жену за плечи. — Кто?! Ты с ним спишь?!

— Ты спятил, Кит! — Лика вывернулась из его рук и плюхнулась на кровать. На ней были голубенькие брючки и шлепки на шпильке. — Я с ним не сплю, не ем и даже не пью. Я его практически не вижу. Но вполне могу попросить об одной услуге. Кажется, тебе нужно завязывать с диетой, а то с мозгами у тебя стало не очень...

— А у тебя — очень!

— Тебе нужно лопать побольше жиров и углеводов, Кит. Будешь толстым, добрым и умным.

Сытов промолчал. Наверное, он и впрямь выглядел дураком, но он очень привык за последнюю неделю идти на поводу своим импульсам и говорить то, что первым приходит на ум.

— Сиди дома, я позвоню в течение дня. — Лика натянула голубой пиджачок, потрясающе выгодно подчеркивающий фигуру, и направилась к дверям. — Кит! — крикнула она из прихожей.

— Что?

— Говорят, эта негритянка очень красивая!

— Это правда!

— Кит!

— Ну что?

— А когда ты спасешь ее, и она с благодарностью простит тебе все, что между вами когда-то произошло, ты... уйдешь от меня?

— Не знаю.

А он, и правда, не знал, что сделает, если Катька простит его.

Сытов закрыл глаза и представил себе ее новую: дерзкую, взрослую и потрясающе красивую — в красном платье, на красном «мустанге».

Наверное, на животе у нее шрам.

Наверное, она стала жестче, умнее, циничнее.

Он примет ее любую.

Что-то там Март говорил о ней, вроде бы она любит обрабатывать богатеньких старичков? Эх, если бы он только знал, что Катька имеет на это право! И это право — добиваться любыми путями своей выгоды, любой ценой выживать — дал ей он, Сытов, когда бросил умирать на сухой осенней траве.

Нет, конечно, он знал, как поведет себя, если Катька его простит. Он бросит свою жизнь к ее темным ногам, и пусть она распоряжается ею, как хочет. Лику придется с этим смириться.

Сытов не заметил, как заснул. Все-таки он совершенно не умел находиться в отпуске.

Его разбудил телефонный звонок. Он проснулся и с ужасом понял, что уже вечер. Телефон продолжал назойливо пиликать.

— Алло! — крикнул он в трубку.

— Кит! Ты что там, с беговой дорожки не слезаешь? — удивилась Лика его сбившемуся дыханию.

— Я спал. Ты меня разбудила.

— Я все узнала, Кит!

— Что?

— Про этого твоего Робинзона!

— Говори!

— Только один человек может носить такую кличку — Алексей Викторович Антонов. В криминальном мире он хорошо известен как волк-одиночка, потому и получил такое прозвище — Робинзон. Одно время он занимался тем, что ездил по городам, открывал фирмы-однодневки, собирал с населения взносы под якобы строящиеся квартиры и в последний момент исчезал вместе с деньгами. Естественно, он бегал, менял адреса, паспорта, имена, но пару раз все же попался на своих аферах и сидел, но недолго, выходил по амнистии. Сейчас он осел в Москве, чем живет, неизвестно, где — тоже неизвестно, но иногда появляется в клубе «Графские развалины», играет в рулетку. У него действительно татуировка на среднем пальце, и у него действительно очень неприметная, незапоминающаяся внешность!

И тут Сытова словно кувалдой по голове огрели. Или это называется правильным словом — «озарение»? Он подскочил с кровати, головой влетел в абажур торшера, потеряв равновесие, рухнул опять на кровать и взвыл от собственной тупости, тупости, тупости!

— Кит, что за шум? — заорала трубка Ликиным голосом. — Эй! Я тебе помогла? Это стоило мне двух годовых абонементов в мои салоны! Еще немножко таких расследований, и я разорюсь!

— Идиот! — сам себе сказал Сытов.

Он жил этим столько лет, он столько раз прокручивал ситуацию, поломавшую его жизнь чувством вины, и вдруг, когда услышал слова, рефреном звучавшие в его голове годами, — забыл их!

«А никакой! — сказала тринадцать лет назад в Волинчиково Попелыха, когда он решил расспросить ее про родственника, приехавшего к бабе Шуре. — Никакой! Щурится только все время».

«Да, приходил мужик, лет тридцать пять, — сказала тогда продавщица в сельском магазине, — невзрачный такой, и татуировка у него на пальце была, распятие вроде...»

«Среднестатистический, — сказала девица в общаге, описывая этого Робинзона. — Внешне — говно, а не мужик. Подслеповатенький, щурится всегда. Татуировка у него на среднем пальце — крест!»

Таких совпадений быть не может.

— Кит! — кричал телефонная трубка. — Где ты?

— Извини, — пробормотал Сытов в трубку и нажал на отбой.

Теперь у него есть с чем идти к Катьке. И с чем идти к Марту. Пусть Март работает, расследует, какая связь между тем шабашником Лешей, нагрянувшим к его бабке новоявленным родственником, и этим Алексеем Викторовичем Антоновым. Так и быть, чтобы спасти Катьку, он расскажет Марту ту давнюю историю. Так и быть, понесет наказание, если таковое ему полагается.

Он схватил телефон и снова набрал Катерину. Ему снова никто не ответил.

Сытов натянул джинсы и выбрал почему-то яркую, гавайскую рубашку, которую как-то привезла ему Лика из отпуска, чтобы разнообразить его консервативный гардероб.

Одевшись, опять схватил телефон и набрал домашний номер Марта, который знал еще с детства. Опять послышались гудки, буравящие мозг, и опять никакого ответа.

Сытов заметался по комнате. Что делать? Куда бежать? Сидеть дома с таким «открытием» он не мог. Нужно подумать, какой шаг будет верным.

Он побежал на кухню, открыл холодильник, нашел там палку копченой колбасы, отмахнул здоровый кусок и попеременно стал с наслаждением откусывать то от него, то от огромной сдобной булки. Запил трапезу глотком коньяка прямо из бутылки и утер рот рукой широким, размашистым жестом. С каких это пор он не стесняет себя ни в словах, ни в жестах?..

Колбаса с булкой сделали свое дело: он принял твердое решение.

Сейчас он поедет к Катьке. Даже если ее нет дома, он сядет под дверь и будет сидеть до тех пор, пока она не придет. Переодетому гаду в парике, который вертится вокруг нее, он набьет морду. Такая сволочь не может быть его соперником. Интересно, откуда тот знает, что он — Сытов? Ведь спросил же он: «Сытов?» Значит, Катька рассказывала ему про свою давнюю любовь. Значит, Катька помнит его, а может, даже еще и любит? Она увидит его, узнает, что он для нее сделал за эти дни и... простит. Она поцелует его своими теплыми, по-негритянски пухлыми губами, и они поженятся. И нарожают темнокожих детей. И он уйдет с опостылевшего телевидения и устроится... в Большой театр! Рабочим сцены. Катька теперь богатая — проживут!!!

Никита нацепил ботинки и выскочил за дверь. Где-то в глубине квартиры надрывался телефон. Наверное, Лика пыталась до него дозвониться.

Голова болела так, что в глазах то вспыхивали, то гасли яркие пятна странных конфигураций. Иногда пятен было сразу несколько, и они складывались в причудливые картинки, подобные тем, которые Март рассматривал в детстве, крутя перед глазом игрушку «Калейдоскоп».

Голова начала болеть в то похмельное утро, когда он очнулся после устроенного Сытовым «праздника детства», и продолжала болеть уже двое суток, не сдаваясь ни таблеткам аспирина, ни холодным компрессам, ни массажу, который делала мать, приговаривая:

— В нашей семье алкоголиков не было! И разгильдяев в нашей семье тоже не было!

Март каждый раз открывал рот, чтобы возразить, что старший следователь прокуратуры не может быть ни алкоголиком, ни разгильдяем, но каждый раз закрывал его, так ничего и не сказав. Он понимал: будь он хоть генеральным прокурором, для матушки он был и останется непутевым сыночком, выбравшим неправильный вуз.

День он провел на работе, так и не сдвинувшись с места в этом дрянном пригожинском деле. Март вызвал к себе и долго пытал охранника элитного дома, где проживал теперь Сытов. Как мог человек в красном беспрепятственно проникнуть в дом?! Охранник бычился, хмурился и бурчал:

— Я в который раз говорю, не спрашивал я у Катерины Ивановны пропуск никогда! Во-первых, ее ни с кем не спутаешь, она... негра, и ходит все время в красном, во-вторых, стеснялась она и, проходя мимо меня, как-то сжималась вся, видно, неудобно ей было, что к такому пожилому человеку бегают. Вот я лишний раз ее и не смущал! Мне за корректность тоже платят. А тут вижу — идет, шляпой лицо прикрывает. Удивился, что не на машине, но пропустил ее. Вот и все. Вина моя есть, но небольшая.

— Войти-то тот тип в красном, вошел, а вышел как? Видел?

— Не видел, — в сотый раз отвечал охранник.

— Значит, он где-то переоделся, краску с себя темную смыл, тряпки куда-то запрятал и спокойненько вышел?! — терял терпение Март.

— Никто чужой в тот день не заходил и не выходил, на камере это прекрасно видно, — терял терпение и охранник.

— Значит, что, кто-то «свой»? Чушь! Весь дом опрошен, все приличные люди, у всех отличные алиби! Чушь! И потом, куда могли деться эти красные тряпки? Шляпу за батарею в подъезде не заткнешь!

— Да, блин, гражданин начальник, если в мусоропровод шмотки засунуть, никто и не найдет! Машина вечером приедет и заберет! Никто ничего и не заметит!

— Да, не заметит, — вынужден был согласиться Март. — А ты что, предлагаешь мне по помойкам Москвы самому побегать, шляпу поискать?

— Не, блин, не предлагаю, — испугался охранник. — Отпускайте меня! Я и так чуть работы из-за этого убийства не лишился, штраф за невнимательность заплатил! Отпускайте, начальник! Кто еще за такие деньги туда работать сутки через двое пойдет?

— Такие же уроды и пойдут, — буркнул Март и подмахнул ему пропуск.

Голова пульсировала острой болью, перед глазами из ярких вспышек складывался причудливый калейдоскоп.

«Ничего не получается, — подумал он. — Я маленький, ничтожный человек! Мой удел — халявный торт и архивная девица в жилетке. Вот пойду сегодня в архив и назначу ей свидание на своей коммунальной кухне. Такая придет! Это тебе не Катерина Ивановна. Ну что ж, как там говорится — «Богу богово, а кесарю кесарево»?

В архив Март, конечно, не пошел. Приехал домой, взял в аптечке копеечный аспирин и пошел на кухню, где на подоконнике стояла заветная трехлитровая банка с желтой жидкостью, которую бабка Валька загадочно называла «гриб». Март очень любил этот сладкий напиток, и в детстве частенько отпивал прямо из банки, не спросив разрешения у бабки. Он и сейчас воровато оглянулся и плеснул себе в чашечку этой вкуснятины. Запил таблетку, вернулся в комнату и включил телевизор. Включил, пощелкал каналами и с раздражением выключил.

Голова продолжала болеть. Он прилег на древний диванчик и положил на лицо подушку с глупым, вышитым попугаем на наволочке.

Как он ненавидел свою жизнь! Этот «гриб» в банке, этот «висяк» с красными шмотками, эту подушку с какаду, пахнущую старым жилищем и плесенью. А особенно он ненавидел звук ключа, поворачивающегося в замке комнаты. Этот звук означал — мама пришла.

Вот и сейчас, вместо того чтобы задремать, он напряженно ждет, когда же она появится. Март откинул подушку и вскочил. Нет, так больше жить нельзя! Он пойдет сейчас... к Катерине Ивановне! Припрет ее к стенке вопросами, на которые она не сможет ответить, пригрозит ей тюрьмой и намекнет, что только он сможет ее спасти. Она испугается, и ей ничего не останется, как полностью положиться на него. Март уговорит ее, и не просто уговорит, он докажет, что им необходимо быть вместе.

И тогда эта жизнь кончится.

Он оделся, обулся и через длинный, скучный коридор вышел из прошлой жизни.

В комнате трещал телефон, но он решил, что больше здесь не живет.

Катерина проснулась, открыла глаза, не обнаружила на потолке привычных облаков и птиц и все вспомнила. За окном уже были сумерки, значит, она проспала весь день.

Где-то далеко трещал телефон, он и раньше трещал, она слышала это сквозь сон. Катя встала, начала искать трубку, спустилась вниз по лестнице и обнаружила, что телефон звонит в спальне. Если ей не изменяла память, и если это был не дурной сон, то спальню она заперла, а ключ выбросила с шестнадцатого этажа. Катерина подергала дверь — так и есть. Замок на двери стоял просто отличный, ничем не отжать. Пойти поискать ключ?

Она натянула на себя сарафан, надела тапочки и вышла в подъезд. В конце концов в спальне остался не только телефон, там еще и шкаф-купе, а в нем все ее вещи. Она не стала запирасть входную дверь на ключ, только прикрыла, потому что какому грабителю придет на ум грабить пентхауз на шестнадцатом этаже, когда лифт не работает?!

Она понеслась вниз, перескакивая через ступеньки.

— Эй, Катя! — крикнула Верка из своей будки, но Катерина отмахнулась от нее и, выскочив на улицу, поплелась в маленький скверик, где в траве мог затеряться ключ. Села на корточки и, шаря по мокрой траве руками, медленно стала продвигаться вперед.

— Эй, Катя, чего ищем? — раздалось вдруг за спиной.

Катерина подняла голову и увидела Майкла, сидевшего неподалеку на лавочке.

— Ты?! — удивилась она. — А где твой взрослый наставник?

— Какой наставник? — Майкл старательно расширил глаза, изобразив удивление.

— Который зовется Мариной, который якобы подтягивает тебя по математике, для которого ты выполняешь какие-то поручения и которому звонишь на мой мобильный телефон, сообщая о каких-то «срочных» делах! Где?! Я все знаю, Майкл! Учти, тебе уже пятнадцать, и уголовная ответственность уже наступила!

— За что?! — От возмущения Майкл даже вскочил со скамейки. — За что, тетя Катя? — Ни разу в жизни он не называл ее «тетей». Майкл добавил плаксивости к голосу и продолжил: — Маринка со мной таблицу умножения учит! Я ее с третьего класса никак запомнить не могу, а у нее... эта, как ее... «методика»! А позвонил я только затем, что бабка меня утром в квартире случайно закрыла, а сама до вечера умотала. А у Маринки ключ имеется, как у... гувернантки! Вот я и попросил ее побыстрее приехать, открыть и ключ мне отдать. Кому охота летом в квартире париться? И потом, вдруг пожар, а я закрыт?

Майкл так отчаянно возмущался, что Катерина засомневалась в своей правоте.

— «Методика», говоришь? Сколько будет трижды восемь?

— Восемьдесят три, — не моргнув, отрапортовал Майкл.

— Два тебе с минусом, — отрезала Катя. Она и сама не помнила, сколько будет трижды восемь, но точно знала, что не восемьдесят три. — Знаешь, чем отличается человек от обезьяны? Умением складно врать! Твоя история глупая. Когда мы с Мат... Мариной приехали, она не кинулась открывать твою дверь, а просто взяла мою машину и уехала!

— Кать, а что ты там ищешь? — Майкл не умел врать, зато знал, как увести разговор в другое русло.

Ключа нигде не было. Катерина встала, отряхнула от земли руки и пошла в подъезд.

— И не смей больше кланчить у меня деньги! — не оборачиваясь, крикнула она.

— А я не кланчу, я взимаю, — огрызнулся Майкл.

— Эй, Кать, ты чего как угорелая в тапках носишься? — заорала в подъезде Верка и грудью преградила ей дорогу. — К тебе гость, кажись!

— Какой еще гость?

Меньше всего Катерине хотелось беседовать сейчас с Веркой и принимать гостей.

— Да мужик какой-то! Сказал, что наверх ему. Я допросить не успела, он быстро в лифт скакнул.

— А что, лифт работает? — удивилась Катя.

— А чего ему не работать? У нас приличный дом, и я тут не просто так сижу.

— Да уж, не просто так, — хмыкнула Катя и направилась к лифту.

Поднявшись на свой этаж, она огляделась, но никого не увидела. А так как ее квартира на площадке была одна, то Катерина решила, что Верка насчет гостя ошиблась.

Она толкнула незапертую дверь и шагнула в темный коридор, который показался ей недружелюбным и незнакомо пахнущим. Катерина закрыла дверь на замок и нащупала выключатель. Точечные светильники вспыхнули под потолком, освещая знакомое, обжитое пространство. Она увидела себя в зеркале, растрепанную, заполошную, со сползшей с плеча лямкой сарафана, и показала отражению язык. Отражение ответило тем же, только вместо веселой рожицы отдалось злобной гримасой. Она вздохнула, пригладила волосы, поправила сарафанную лямку и пошла на второй этаж, в гостиную.

Короткий кожаный диванчик еще хранил следы ее тела. Катерина плюхнулась на него и первый раз в жизни пожалела, что у нее нет телевизора.

Ну, прихоть такая с ней приключилась, когда она обставляла квартиру! Побоялась, что включит как-нибудь одиноким вечером голубой экран, а там — ее разлюбимый Сытов. «Все равно разобью», — подумала тогда

Катя и купила себе самый навороченный музыкальный центр. А потом еще один. Первый она поставила в спальню, второй в гостиную, и была весьма довольна организацией своего досуга.

Она взяла пульт и включила своего музыкального дружка, который помогал ей и в радостях, и в горестях. Музыка обрушилась со всех сторон, как Ниагарский водопад — мощно и отрезвляюще.

Все-таки нужно позвонить в милицию. Или не нужно? Телефон заперт в спальне, но ведь есть же еще и мобильный.

Она откинулась на мягкую спинку, стала закидывать руки за голову и вдруг поняла, что сзади нее кто-то есть.

Этот кто-то незнакомо пахнет, нечисто, прерывисто дышит, и ничего хорошего ждать от него нельзя. Она успела проклясть себя за то, что поставила диван не к стенке, а посреди комнаты, как это сейчас модно, и почувствовала, как остановилось дыхание, перестало биться сердце, а голова стремительно дернулась в повороте назад. Но ее, эту бедную голову, что-то остановило. Перед глазами стремительно пролетела петля, царапнула нос и затянулась на шее удавкой. Дышать стало трудно, потом невозможно, а мерзкий хрип показался чужим, потому что она, Катерина Ивановна, хрипеть так не могла.

«Пока!» — мысленно сказала Катя белому свету и даже порадовалась, что умрет под любимые «Времена года». Но удавка вдруг чуть ослабла, она судорожно хлебнула воздуха и услышала гадкий шепот, который, перекрывая аккорды Вивальди, спросил:

— Ну что, Катерина Ивановна, со здравым смыслом у вас беда? Двери не запираем? Никого не боимся?

Мозг подкинул Катерине идею, что это тот самый гость, которого не успела допросить Верка.

— Ты кто? — прошептала она. Согласные давались с большим трудом, чем гласные. — Вор?! Очень глупо. Тебя видело полподъезда!

— Одна толстая тетка — не полподъезда, — возразил голос. — И потом, разве грабители обращаются к жертвам по имени-отчеству?

— Вроде не обращаются, впрочем, меня никогда не грабили, и я не знаю подробностей. — Она попыталась разжать петлю руками, но та предупреждающе затянулась, снова перекрыв кислород.

— Я не вор. Я пришел забрать то, что по праву принадлежит мне. Я пришел взять свое!

— Забирай, что хочешь, и проваливай, — Катерина вдруг обнаружила, что вполне сносно может говорить с перетянутым горлом.

— Что хочешь! — заорал в голос «гость». — Что хочешь! Ты думаешь, я пришел за пачкой долларов, которую ты прячешь в белье, или за бэушной бытовой техникой?!

— Мне трудно думать в таком положении, — ответила Катя, тихо радуясь тому, что он вступил в переговоры, и не спешит ее задушить.

— Дай руку, — миролюбиво попросил «гость», будто чашку чая предложил выпить.

Выбора у нее не было, и она послушно протянула руку. Щелкнуло кольцо наручника, он потянул ее с дивана к стене, и второе кольцо защелкнул на трубе отопления. Катерина без сил опустилась на пол.

«Не очень оригинально», — подумала она, представив себя со стороны, прикованной к батарее, потом подняла глаза и уставилась на своего незванного «гостя».

Неколоритный оказался злодейчик.

Быть задушенной этим дядькой, похожим на замухрышистого бухгалтера не процветающего госучреждения, было бы обидно. Средний рост, средний вес, лицо, лишенное красок, глазки без выражения и окраски, даже волосы не имели цвета. Только руки... В сильных узловатых руках он сжимал резиновый шнур, а на среднем пальце правой руки красовалось филигранно исполненное распятие.

Все оказалось просто. Все встало на свои места. Катерина почему-то испытала облегчение.

— Вы — Леша? — спросила она.

Он уселся напротив нее на диван и стал постукивать резиновой петлей о подлокотник.

«Вжик-вжик, — говорила петля. — Вжик-вжик».

В углу за диваном валялся какой-то потрепанный рюкзачок, наверное, оттуда он доставал свои страшные инструменты.

— Я — Леша, — кивнул «бухгалтер» и поправился: — В том числе — Леша. Вам не кажется странным, что я пытаюсь представиться?

— А вам не кажется странным, что я знаю, как вас зовут? — Катерина плохо себе представляла, зачем затеяла перепалку, наверное, чтобы просто потянуть время.

— Нет, — усмехнулся он. — Наверное, вы тоже зря не теряли время. Жаль, что я дал вам эту возможность.

Катерине вдруг пришла мысль, что, если Мат-Мат вернется, как обещал, то не сможет попасть в квартиру — она забрала у него ключи.

— Отдайте мне то, что вам не принадлежит, и я подумаю, сохранить ли вам жизнь.

Катерина сделала над собой усилие, чтобы подумать. Чтобы очень хорошо подумать. Единственное, что ей не принадлежало в этой квартире — это драгоценности, которые лежали на комод в спальне в кожаном мешочке. Вернее, они, конечно, ей принадлежали, но знали об этом только она и Мат-Мат.

Этот Леша откуда-то знал, кто такой Бурабон, этот Леша знал про украденные у Пригожиных украшения и пытал бабу Шуру, где они могут быть спрятаны. Этот Леша стрелял в Мартина и в нее, и, скорее всего, этот же Леша и есть мужик, который переоделся в красные шмотки и намазался темным гримом, чтобы подозрение в убийстве бедного Роберта пало на нее.

Этот Леша — убийца. Все. Больше на ум ничего не шло. Нет! Откуда он может знать, что украшения найдены и находятся у нее?!!

— Я не знаю, о чем идет речь. — Катерина сыграла искренность, но он не поверил.

— Ну, тогда вы зря признались, что знаете мое имя.

Он был до невозможности прав. А еще — пока ему не известно, где цацки, у нее есть возможность пожить, пусть и прикованной к батарее.

— А кто же вы, как не Леша! — постаралась весело рассмеяться Катя. Нужно использовать еще один шансик и потянуть время. — Мои коллеги частенько пользуются услугами фирмы «Агентство развлечений»! Розыгрыши, приколы, понимаете?! Они нанимают «киллеров», заказывают инсценировки убийств, грабежей, обысков, сцены супружеских измен и прочие будоражающие нервы события. Это очень весело! Масса острых ощущений. Всех уже разыграли, а меня нет. Ходят слухи, что самого клевого «убийцу» в агентстве зовут Леша. Он дорого стоит и отлично работает. Так вы — Леша?!

Что-то в его блеклых глазах мелькнуло такое, и Катерина подумала — все, конец. Она не умерла тогда в жухлой сырой траве, так умрет сейчас в своей роскошной квартире.

— Черномазая шлюха! — презрительно проговорил «бухгалтер». «Вжик-вжик», подтвердила петля, а Вивальди захлебнулся надрывными скрипками. — Не ври мне! Агентство, розыгрыши, приколы... чушь! Говори, где брюлики! Или мне разгромить квартиру?

— Что?!

Он подошел к ней и хлестнул резиновым шлангом по щеке. Катя дернулась, но повторила:

— Что?!

И тогда он начал громить квартиру.

Вывернул нутро серванта, смахнув на пол гору посуды. Из рюкзака достал нож и начал резать кожаные подушки дивана. Потом вспорол кресло.

Катерина зажмурилась.

Вивальди гремел, надрывались скрипки, и все это смахивало на сцену из фильма ужасов.

Если отдать ему драгоценности, убьет он ее или нет?

Проверять не хотелось.

«Мат-Мат!» — мысленно позвала Катерина. «Мат-Мат!» — как молитву повторила она.

А когда открыла глаза, в гостиной никого не было. Грохот раздавался внизу, со стороны кухни.

Черт ее дернул купить квартиру на такой верхотуре! Соседей ни сбоку, ни сверху, а нижние летом всегда уезжают на дачу. Катерина подергала руку — наручник был не игрушечный. Свободной рукой она не смогла дотянуться даже до пульта, чтобы выключить эту музыку. Она так мечтала о квартире, где пустого пространства будет больше, чем мебели, и теперь у нее под рукой только это пространство. Ничего подходящего ни для самообороны, ни для ... В фильмах в последнюю секунду страдающей героине всегда приходит на ум спасительное решение.

«Мат-Мат!» — только это и приходило на ум.

Грохот на кухне усилился. Потом на мгновение все затихло, и раздались приближающиеся шаги. Он возник со стороны лестницы — убийца без особых примет.

— Почему спальня закрыта? — спросил «бухгалтер» и сильно прищурился. — Где ключ? — Затем подошел к ней и снова хлестнул по щеке резиновым шлангом-удавкой.

«Вжик», — равнодушно отозвалась петля и отлично сделала свое дело: кожа на щеке лопнула, и теплая струйка крови потекла вниз, к подбородку, на шею.

И тут в дверь позвонили.

Этот звонок означал или спасение, или смерть...

Сытов не стал даже пытаться вызвать лифт.

Он кивнул толстой бабе в «аквариуме» как старой знакомой и обреченно потопал по лестнице на верхний этаж.

— Худеем? — крикнула та вдогонку, но Сытов не удостоил ее ответом, боясь снова ввязаться в подробности ее трудной лифтерской жизни.

На седьмом этаже он сделал передышку.

И на десятом присел на ступеньку.

Тринадцатый встретил его тусклой лампочкой и он, не стесняясь, встал на четвереньки.

До шестнадцатого дополз, помогая себе руками, как обезьяна.

Из-за заветной двери слышалась музыка. Играло что-то до боли знакомое, но Сытов не мог вспомнить, что. Он встал на ноги, придерживаясь за стенку, перебирая руками, добрался до кнопки звонка и припечатал эту кнопку с остервенением, будто вся его жизнь зависела от того, насколько громко он позвонит.

Музыка за дверью все играла и играла, будоража никудышную память. Что это? Чайковский? Моцарт? Шопен? Дверь никто не открывал. От охва-

тившей его досады Сытов пнул ее ногой. Потом еще раз, и еще. Но ничего не произошло. Никто не вылетел с воплями: «Что за козел?»

Он уже был готов к чему угодно, поэтому не будет больше ловить ворон, не даст себя ударить, не позволит закрыть перед носом дверь. Никита развернулся к двери спиной и начал равномерно и сильно долбить упругую обивку ногой.

Дверь лифта внезапно открылась, и на площадку вышел Март Маркович Карманов.

Сытов замер с занесенной для удара ногой.

— Ты?! — спросили хором они друг друга. — Ты?!

И помолчали, переваривая увиденное.

— А что, лифт работает? — отмер первым Сытов.

— А чего бы ему не работать? — удивился Март. — Дом вроде не старый...

— Вот и езжай на нем вниз, — посоветовал Никита, продолжив свое важное дело — бить в дверь ногой.

— Не понял, — нахмурился Март. — Что здесь происходит?

— Пришел к любимой женщине, а она не открывает. Слушает Верди, — пояснил Сытов.

— Вообще-то это моя любимая женщина, — еще больше нахмурил свое детское личико Март. — И моя подследственная!

— Забудь, что она подследственная. У меня есть доказательства, что она невиновна.

— У те-бя?! — по слогам спросил Март.

— Езжай в свою прокуратуру, — попросил его Сытов, продолжая бить дверь ногой. — У меня очень личное дело, мне с ней поговорить надо. А потом мы приедем к тебе на... допрос.

И тут Март сделал совершенно невероятную вещь. Он высоко подпрыгнул и, залепив Сытову звонкую пощечину, пискнул:

— Ты для этого тогда меня напоил?! Чтобы выпытать адрес Катерины Ивановны?!

Сытова били на этом месте уже второй раз. Он встал покрепче обеими ногами, приподнял Марта за обшлага джинсовой курточки и потряс. От души потряс, словно попытался вытрясти из него все мысли о Катерине Ивановне.

Март молчал, и голова у него тряслась, как у тряпичной куклы. Это было жалкое зрелище, и Сытов сжалился наконец: поставил его на ноги, одернул на нем джинсовочку и тихо сказал:

— Катька — это мое. Я ее знаю сто лет, и ты не представляешь, как много в жизни у меня связано с ней. Ты абсолютно здесь ни при чем! И поил я тебя от души. Знаешь, что-то в этой квартире не так! Я стучу уже пять

минут, музыка гремит, и никто не открывает. Что советует в таких случаях правосудие?..

«Правосудие» с вызовом посмотрело на Сытова, по-своему одернуло воротничок на курточке и со всего маха долбануло маленькой ножкой в дверь.

— Ясно, — пробормотал Сытов, — правосудие, как все! — и снова нажал на звонок. Дверь по-прежнему не открывалась, и он, достав мобильный и набирая набивший оскомину Катькин номер, произнес: — Слушай, я начинаю беспокоиться. Уже почти сутки никто не отвечает на мои звонки! И эта музыка... этот Верди...

— Гайдн, Никита. Это Гайдн! Тебе ли не знать! Все это действительно странно. Дай сюда. — Март забрал у Сытова телефон и послушал длинные гудки. — Черт! Сутки, говоришь?

Он вдруг разбежался и ударил в дверь плечом. Сытов, одобрительно кивнув, отстранил его, рассудив, что с его цыплячьим весом заниматься этим делом бессмысленно, и сам вписался в дверь стокилограммовой тушей. Дверь и не думала поддаваться, но он решил, что доведет это дело до конца.

Музыка вдруг стихла, и через пару секунд голос диктора новостной радиопрограммы произнес: «Московское время двадцать два часа».

Сытов опять разбежался. Второму его удару дверь поддалась на удивление легко. Кто-то открыл замок за секунду до того, как плечо коснулось обивки. Никита влетел в коридор, ударился о зеркало, висевшее на противоположной стене, и оно пошло перед глазами паутиной знакомых трещин.

«Дурная примета», — подумал он, и тут голова его взорвалась. «Меня убили, — была последняя мысль. — Наконец-то меня убили!»

Звонок трещал и трещал, а струйка крови стекала на подбородок и капала на красный сарафан. Оставалась маленькая надежда спастись. Оставался маленький шанс, что ей все это снится.

Сейчас она проснется, пересчитает птичек на потолке, потом облака, потом попросит у Мат-Мата кофе и, хохоча, расскажет свой жуткий сон.

Звонок замолчал, послышались глухие удары в дверь.

Злодейчик стоял посреди гостиной, и в его глазах метнулось беспокойство. Метнулось и пропало — зря Катерина надеялась, что его здравый смысл победит, что он быстренько отстегнет ее от батареи, спрячет удавку в рюкзак, и, улыбнувшись, сообщит, что он все-таки тот самый Леша — лучший киллер из «Агентства развлечений».

— Кто это? — спросил он и снова сильно прищурился.

— Не знаю. — Катя вытерла кровь свободной рукой. — Может, соседка за солью, а может... моя домработница вернулась.

— Это тот переодетый урод, который гонялся за мной с пукалкой по проспекту? — засмеялся злодейчик. — Я сразу его раскусил! Он все время

бил себя по карманам в поисках сигарет! Ногти на ногах покрасил, а по карманам хлопает! Разве бабы так делают?

Удары внизу усилились.

— Это Мат-Мат, — сказала Катерина — больше самой себе. — Он просто так не уйдет.

— Где ключ от спальни? — Он подошел к ней и снова хлестнул по щеке.

— Вы мне не поверите, — слизнула она кровь с губ, — но ключ я выбросила в окно. У меня личная драма, и я решила, что в спальню больше не зайду. Я не знаю, какие брюлики вы тут ищете, но дверь ломать не советую. Впрочем, ломайте, тот, кто стучится, быстрее придет мне на помощь.

— Не знаешь, о каких брюликах я говорю? — Он подошел к ней, разжал ее руку и содрал с пальца золотую ящерицу. — Вот она! А еще у нее были сестрички-сережки! А еще...

Вивальди вдруг стих, диск закончился. Он схватил пульт, неумело потыкал кнопки, настроил на какую-то новостную волну, усмехнулся, видимо, что-то решив про себя, вытащил из рюкзака пистолет и пошел вниз.

— Мат-Мат! — заорала Катя. — У него пистолет!

Или ей показалось, что заорала, а на самом деле всего лишь прошептала?

Выстрела не последовало, зато раздался сильный грохот и звук падающего тела.

Катерина закрыла глаза и услышала шаги на лестнице.

— Да к вам гости косяками прут! — воскликнул веселый голос «бухгалтера». — Вот уж не ожидал, Катерина Ивановна!

Катерина открыла глаза и увидела, как злодейчик вводит в гостиную тщедушного человечка, заломив ему руки назад. В человечке Катя признала... Марта Марковича Карманова.

— Ой! — прошептала она и дернулась на своем наручнике, как рыба на леске. — Ой-ей-ей! — добавила почти радостно, потому что погибать вместе со следователем было гораздо приятней, чем в одиночку.

— А там еще один в коридоре лежит, — сказал «бухгалтер». — Здоровенный такой, как медведь! Я его по башке пистолетом треснул. Может, он и помер, но я его связал на всякий случай.

«Здоровенный, значит, не Мат-Мат», — с облегчением подумала Катерина.

Март Маркович выглядел очень испуганным. Сопротивляться он и не думал. Злодейчик подвел его к стулу в стиле модерн с гнутой металлической спинкой, усадил и, свободной рукой выдернув из портьеры длинный шелковый шнур, очень быстро и очень ловко примотал следователя к стулу.

Катерине вдруг стало обидно до слез. Вместо героя-спасителя судьба подкинула ей тщедушного, трусливого следака, который никогда не дер-

жал оружия в своих тонких пальчиках, который умел только задавать дурацкие вопросы в своем теплом кабинете да бумагу марать.

— Кто это? — кивнул «бухгалтер» на Марта Марковича.

— Следователь прокуратуры, — со злорадством ответила Катя.

— Да, я следователь, — дернулся в своих путях Март Маркович.

— Да-а?! — удивился злодейчик. — Врете. А чего ж он такой... беспонтовый-то? — Он пошарил в его карманах, за пазухой и добавил: — Ни оружия, ни удостоверения! Врете!

— Я по личному делу, — пискнул Март Маркович.

— Он по вашему личному делу, — попыталась пригрозить Катерина, но «бухгалтер» ее не слушал, нагнувшись над своим рюкзаком, из которого вытащил... гранату и выдернул чеку.

Март Маркович сильно зажмурился и отъехал вместе со стулом назад.

Катерине стало стыдно бояться. Лучше умереть, чем бояться так, как боится этот мальчик-уродец.

— Гад! — крикнула она «бухгалтеру» и попыталась пинком достать до него.

— Осторожнее, барышня! — заржал тот. — Взлетим на воздух все вместе! Хорошо, если сразу голову оторвет, а если ручки-ножки? — Он подтянул легкий стеклянный столик к стулу с привязанным Мартом Марковичем, осторожно пристроил на столик гранату, прижал какой-то рычаг сбorkу гранаты толстым томиком детектива, который Катерина мусолила вечерами от нечего делать, и, воскликнув: — Сидите тихо, господа! Лапами не сучите! Если книжка сдвинется, вас разорвет на куски. А я пойду проводить второго гостя, — исчез, мелькнув на лестнице узкой спиной.

Катерина затаила дыхание. Март Маркович, кажется, тоже перестал дышать.

— Сегодня была обезврежена банда вооруженных грабителей, долгое время безнаказанно грабившая банки и инкассаторские машины, — пробормотало радио мужским безразличным голосом. Почему-то именно криминальные новости принято сообщать таким безразличным, бесстрастным голосом.

— Март Маркович, — позвала Катерина, и следователь разомкнул зажмуренные глаза. — Март Маркович, какого черта вы приперлись ко мне?! Почему не вызвали на допрос?

Он покосился на гранату и одними губами, почти без звука произнес:

— Я, видите ли, по личному делу, Катерина Ивановна.

— По личному?!

— Операция была блестяще проведена сотрудниками уголовного розыска совместно с работниками спецслужб, с применением средств малой авиации, — вклинилось радио.

— Да, Катерина Ивановна. Я пришел к вам, чтобы сказать, что я вас, видите ли, того, как говорится ... люблю.

— Если бы не умелая, хорошо организованная и слаженная работа этих двух ведомств, неизвестно, сколько бы еще натворила банда своих черных дел, — пробубнило радио.

— Это шутка? — Катя попыталась улыбнуться, но не смогла — щека сильно распухла.

— Нет! — горячо прошептал Март Маркович и опять покосился на столик: — Какие, к черту, шутки рядом с этой... гранатой!

— Простите, а кто же с вами пришел? Мама?

— Боже! При чем тут мама?!

— Ах, да, там здоровенный мужик!

— Итак, сегодня в восемнадцать часов по московскому времени организованная группа преступников, известная правоохранительным органам как банда Сизого, предприняла попытку очередного налета на банк «Правобережный».

— Этот здоровенный мужик уверял меня, что знает вас очень давно, и что вы очень много для него значите!

— Заткнитесь! — воскликнула Катерина.

Март Маркович вздрогнул, замолк и снова уставился на гранату.

— Как обычно, бандиты вошли в помещение банка к концу рабочего дня, когда посетителей уже не было. Они без труда справились с охранниками, приковав их и сотрудников банка наручниками к столам. Одна из сотрудниц сказала грабителям, как открыть сейф. Грабители быстро покидали наличность в мешки, выбежали из здания и скрылись на иномарке.

— Катерина Ивановна, — прошептал Март Маркович, — ответьте мне только на один единственный вопрос: вы будете моей?!

— Я сейчас не могу, — пробормотала Катя. — Я прикована к батарее, а вы связаны и взрывоопасны.

— Значит, будете! — обрадовался он и даже чуть-чуть приосанился. — Тогда скажите мне, кто этот тип, который меня связал?

— Помолчите минуточку, — взмолилась Катя и подергала руку в наручнике, будто надеясь, что замок сам по себе мог открыться. — Помолчите!

— В результате подготовительной спецоперации, проведенной незадолго до ограбления, место, где бандиты должны были по своему обыкновению пересесть в другую машину, было хорошо известно оперативникам. Там преступников поджидала засада. Завязалась перестрелка, в результате которой два бандита из пятерых были убиты, и ранен один оперативный работник.

— Не-ет!!! — заорала Катя.

— Тише! Я вас умоляю! — перепугался Март Маркович. — Мы же взорвемся! А ведь у нас все впереди!

— Оставшимся бандитам все же удалось пересесть в джип, поджидавший их в условленном месте. Началось преследование, в котором был задействован вертолет. Результат операции просто блестящий — банда Сизого взята с поличным, серия грабежей, будоражившая город своей безнаказанностью, наконец-то пресечена. А теперь послушайте, какой курьезный случай произошел в юго-западном районе столицы...

— Это конец, — прошептала Катя.

— Не отчаивайтесь, Катерина Ивановна, — стал успокаивать ее Март Маркович, — мы обязательно выкрутимся из этой истории. Этот гад за все ответит! Если я правильно понял, это тот самый тип, который переоделся в красное, чтобы подставить вас. Это он убил Пригожина! Что он от вас хочет?!

— Это конец, — повторила Катя.

— Это начало! Я так... так рад, что все так получилось! Я даже этой гранате рад! Если бы не эта граната, вы никогда бы не согласились... Я, конечно, не очень удачная партия, но... я человек хороший, а вы человек... богатый.

— Это конец, — опять повторила Катя и сильно топнула ногой в надежде, что граната взорвется.

Наверное, она плохо топнула. Март Маркович зажмурился, но граната не взорвалась.

Зато на лестнице раздался топот, и в гостиную вошел огромный мужик, которого вел под прицелом в спину «бухгалтер». Он тыкал его пистолетом чуть пониже лопаток и улыбался.

Мужик показался Катерине знаком. Если бы он был выше, стройнее и симпатичнее, если бы на нем не была яркая, цветастая, глупая гавайская рубашка, он был бы похож на... Сытова.

— Кэт! — крикнул мужик. — Кэт!!!

— Кто это? — спросил «бухгалтер», ткнув мужика пистолетом в бок.

— Не знаю, — пожала она плечами. — В первый раз его вижу!

— Ну вот, — загоготал «бухгалтер», — а ты говорил, здесь твоя женщина, и ты готов умереть за нее. Ну? — снова ткнул он его пистолетом. — Ты кто?!

— Кэт! Прости меня! — Мужик, похожий на Сытова, грохнулся на колени и лбом ударился в пол, застыв в позе намаза.

Катерина равнодушно отметила, что руки у мужика связаны сзади резиновым шлангом-удавкой, а на затылке, пробиваясь сквозь белые волосы, возвышается огромная лиловая шишка.

Наверное, это все-таки Сытов.

Он растолстел, постарел, утратил свой лоск и стал совсем не тем Сытовым, которого она знала.

Наверное, это все-таки Сытов, но ей наплевать.

Скорее бы все это закончилось — хорошо или плохо, плохо или хорошо. Лучше бы плохо, потому что Мат-Мат все равно погиб в перестрелке. Нет, лучше бы хорошо, потому что вдруг он все-таки жив, и ему некому будет возить передачи на зону.

— Слушай, — веселился «бухгалтер», — а пожалуй, ты со своим весом гиппопотама сослужишь мне добрую службу. — Он сильно пнул Сытова в бок. Тот хрюкнул, повалился на бок, но удержался и, оторвавшись от пола, посмотрел на Катерину глазами раненого медведя. — Ты выбьешь для меня дверь в спальне! — захохотал «бухгалтер» и снова пнул Сытова, но он удар выдержал, тяжело поднялся с колен и почему-то тщательно осмотрел свои джинсы.

Катерина усмехнулась. Без всякого сомнения, это — Сытов. Только он мог позаботиться о чистоте брюк, стоя под дулом пистолета.

— Я готов умереть за тебя, бэби!

— Не надо, Сытов. Я не хочу, чтобы из-за меня умирали.

«Бухгалтер» с интересом смотрел на них.

— Так все-таки, господа, вы знакомы! И, кажется, очень давно не виделись. Но...

— Ты сможешь простить меня, Кэт?

Как он попал сюда? Как сказать ему, что ей не нужно его раскаянье, что ей все равно?

— Ничего не было, Сытов! Все сгорело. «Красный петух», понимаешь?! — засмеялась она.

— Кэт, я брошу свою жизнь к твоим ногам. Я уйду с телевидения, начну все с начала, я буду свободен и буду только твоим!

— Катерина Ивановна уже согласилась жить со мной! — пискнул со своего стула-модерн Март Маркович.

— Кэт!

— Мне не нужна твоя жизнь, Сытов. И ты мне не нужен.

— Кэт!

— Катерина Ивановна согласилась...

— У-у-у! Да у вас тут любовный треугольник! Забавно. Но времени мало. Вниз, боров! Ты должен высадить дверь.

— Я никуда не пойду! Кэт!

— Сытов, делай то, что он говорит, и не дергайся, на столе граната!

— Кэт! Мы же любим друг друга!

— Сытов, ты же слышал, я согласилась жить с Мартом Марковичем!! Умоляю тебя, выбей дверь, ну что тебе стоит! Пусть этот ублюдок заберет все, что захочет!

«Бухгалтер» ткнул его в бок пистолетом, Сытов развернулся, ссутулился и начал спускаться.

— Сытов! — крикнула ему вслед Катя. — Ты ни в чем не виноват! Ты же думал, что я умерла. Живое — живым, мертвое — мертвым!

Дверь оказалась крепкой. Сытов разбежался и снова ударил ее плечом. Косяк затрещал, но выдержал. Предстоял последний, решающий удар. Эх, если бы только у него не были связаны руки! Он бы в последний момент отвернул от двери и всей своей двадцатикилограммовой тушей навалился бы на этого хлипкого Алексея Викторовича Антонова. Тот не успел бы выстрелить, Никита бы выхватил у него пистолет.

Антонов стоял со стороны кухни и контролировал все его действия, держа на прицеле.

Все это напоминало дурной сон, причем с жуткого похмелья, потому что после удара очень болела голова. Все было дико, страшно, нелепо, и даже немножко смешно: Катька с рассеченной щекой, прикованная к батарее, Март, привязанный к стулу, граната на столе, он сам со связанными руками, этот Антонов с пистолетом, нацеленным на него, а особенно то, что Катька собирается жить с Мартом Марковичем.

Он проснется и обязательно расскажет о своем сне Лике. Она посмеется и процитирует Ахматову, что «ничего нет скучнее чужих снов и чужого блуда».

Сытов отошел подальше от двери, чтобы как следует разбежаться.

— Слышь, Робинзон, а что, ключом воспользоваться нельзя? — спросил вдруг он. Спросил просто так, чтобы не быть пешкой, чтобы этот гад знал, что он тоже полноправный участник этой истории, а не слюнтяй, которого можно вырубить ударом по голове.

— Ух, ты! — восхитился «Робинзон». — Да ты тут типа в курсе всего?! Ну что ж, ты первый в очереди на тот свет. Уж извини! — Он поиграл пистолетом и приказал: — Вышибай дверь!

Никита понял, что глупо было раскрывать карты перед врагом. Сейчас он сделает свое дело, и его пристрелят в Катериной спальне. Он разбежался и вложил в удар все свое отчаяние. Косяк затрещал, дверь распахнулась. Сытов влетел в спальню и, увидев, что снова летит в зеркало, упал на колени и поехал по скользкому полу, по пути схватившись за кресло-качалку и машинально отметив, что это очень хорошее, дорогое кресло, и что у Катьки отменный вкус.

В спальне зажегся свет. Тип, по прозвищу «Робинзон» кинулся к комоду. Он так алчно и страстно схватил какой-то мешочек, что Сытов подумал — сейчас он ничего не видит и не слышит. У урода трясутся от нетерпения

пальцы, а пистолет он положил на атласное покрывало. Если бы только не были связаны руки, Никита вцепился бы в это тонкое горло, наслаждался бы хрипами и конвульсиями и выдержал бы все до конца, пока тело бы не обмякло. Потом кинул бы его к Катькиным ногам, как кидали, наверное, первобытные мужики трупы врагов к ногам своих женщин.

Сытов попробовал на крепость резинку, стягивавшую руки. Она больно врезалась в запястья.

«Робинзон», наконец, развязал кожаный мешок и вытряхнул на кровать миллион сверкающих искр.

— Есть! — заорал он. — Есть! Наконец-то они мои! — Он схватил эти искры в пригоршню и уткнулся в них лицом.

«У меня связаны руки, зато свободны ноги, — подумал Сытов. — У меня сто двадцать килограммов, а у него, наверное, нет и семидесяти».

Он долго думал, потому что «Робинзон» оторвал лицо от сокровищ, ссыпал их на кровать и взял пистолет.

— Извини, — сказал он и прицелился Сытову в лоб. — Ты сам виноват.

Терять было нечего. Сытов со всех сил толкнул кресло-качалку ему в ноги и одновременно с тем, как тот выстрелил, — пригнулся. Он сделал это так ловко, будто всю жизнь репетировал этот трюк. Пуля просвистела над ухом настолько рядом, что волосы шевельнулись, и щека ощутила тепло. Кресло оказалось довольно тяжелым и ударило «Робинзона» в пах. Секунды хватило Сытову, чтобы вскочить на ноги и успеть до второго выстрела со всего маха ударить «Робинзона» по руке, сжимавшей пистолет. А потом снова ударить — в солнечное сплетение, и еще — в челюсть, причем с такой силой, что голова дернулась на тонкой шее, и в позвонках что-то хрустнуло. «Робинзон» захрипел, закатил глаза и затих.

— Все, — сказал вслух Сытов. — Я сделал это. Я сделал это! — заорал он. — Кэт! Я убил его! У-уби-ил!

«Робинзон» лежал на полу, и не было никаких сомнений, что после таких ударов он должен был умереть.

— А все потому, — как безумный прошептал Сытов, — что у меня отличных сто двадцать килограммов живого веса! Как здорово, что на яйцах я так и не похудел!

Пистолет валялся у стенки, но не было никакой возможности его поднять, и он резво отфутболил его под шкаф.

— Сытов! — послышался сверху слабый Катькин голос. — Сытов, ты жив? Что там случилось?

— Я убил его! — Никита в два прыжка преодолел лестницу. — Я сломал ему шею!

— Осторожнее, — зашептал Март, — здесь граната.

— Граната, — вспомнил Сытов, — граната... А что с ней делать?

— Обезвреживать, — прошептала Катя.

— Как?!

— Сначала нужно развязать тебе руки, — посоветовал Март. — Подойди к Катерине Ивановне, у нее одна рука совершенно свободна.

— Точно! — Сытов спиной подошел к Кате, и она, повозившись немного, свободной рукой и зубами развязала резиновый жгут.

Руки болели и отказывались слушаться. Он пошевелил занемевшими пальцами и, поцеловав Катю в рассеченную щеку, проговорил:

— Хорошо!

Она не отстранилась, она просто опустила глаза.

— Катерина Ивановна, между прочим, заявила о своем согласии жить со мной, — подал голос Март.

— Сытов, ну, вспомни военное дело! Ну, чему-то же тебя учили на военной кафедре! — не обращая внимания на его слова, сказала Катерина.

— Нужно осторожно придержав за кольцо, вернуть чеку на прежнее место, — проявил осведомленность Март.

Сытов все сделал, как сказал бывший одноклассник — придержал и вернул. И никогда в жизни он не был так осторожен. Потом он размотал Марта. И только после этого начал возиться с наручниками. Март прыгал рядом, помогал советами, и даже достал откуда-то маленький перочинный ножик.

— Как ты очутился тут, Сытов? — заглянула ему в глаза Катя, и он выдержал ее долгий, до нутра пробирающий взгляд.

— Я пришел к тебе жить.

Наручник не поддавался. Перекрывая бормотание радио, со стороны окна возник какой-то нарастающий шум.

— Жить?! — Катя слегка отстранилась, наверное, чтобы лучше видеть его. — Жить?!!

Шум нарастал и вселял беспокойство. Сытов стал ковырять замок быстрее.

— Катерина Ивановна дала согласие... И, кстати, Никита, кажется, ты превысил меры самообороны. — Март путался под ногами, как настырная кошка.

— Превысил?! — заорал Сытов. — Превысил?! Я сейчас примотаю тебя снова к стулу, вставлю в зубы гранату и скажу, что так и было! Хочешь?!!

— Нет!

Шум за окном стал абсолютно невыносимым, затем мелькнула какая-то тень.

— Что это? — спросила Катя и оглянулась на окно, за которым находилась терраса. От бессилия Сытов вцепился в наручники зубами.

Март метнулся к окну и из-за шторы с опаской выглянул на улицу.

— Что это, Сытов? — зашептала Катька. — Я боюсь, я устала бояться!

— Что там, Март?! — крикнул Никита.

— Вертолет, — ошарашено произнес Март и попятился от окна.

— Брось меня, Сытов! — Катька заплакала, размазывая по лицу слезы и кровь. — Убегай, спасайся!

— Ну, нет, один раз я тебя уже бросил...

— Вертолет! — заорал Март и отпрыгнул на середину комнаты. — Там... там кто-то спускается по веревочной лестнице!

Сытов отбросил наручники, кинулся к столику и схватил гранату.

— И за каким чертом ты купила пентхауз? — пробормотал он.

— Чтобы было поменьше соседей, — вжавшись в стенку, ответила Катя.

Тут дверь террасы открылась, и в гостиную вошел человек.

Он был среднего роста, стройный, светловолосый, с голубыми глазами, в синих джинсах и черной рубашке.

В руках человек держал... куклу. У куклы были платиновые кудрявые волосы, огромные глаза с нереально длинными ресницами и очень пышная юбка.

Где-то этого человека Сытов уже видел.

— Федорыч! — крикнул человек в сторону вертолета и махнул рукой. — Все нормально, я приземлился!

— Федорыч?! — пробормотала Катька и, кажется, хлопнулась в обморок, потому что сползла по стене на пол и закрыла глаза.

— Бэби, — удивленно обводя глазами комнату, проговорил человек, — меня не было всего ничего, а ты навела полный дом мужиков! Ты в наручниках?! Садо-мазо?! Парни, я буду вас бить! Особенно вас, Сытов!

Сытов вдруг понял, что его геройство совсем никому не нужно. Стало пусто и отвратительно грустно. Он опустил руку с гранатой и позволил парню дать себе в глаз.

Катерина очнулась от грохота.

Сытов лежал на распоротых диванных подушках и держался за глаз. В другой руке он сжимал гранату.

— Какой гадкий, бездарный муляж! — Мат-Мат выхватил у него гранату и отшвырнул в угол комнаты.

Все пригнулись, прикрыв головы руками. Он ухмыльнулся и подошел к Катерине.

— Это тебе, бэби! — протянул он ей куклу и неуловимым движением снял с нее наручники.

— Что это?!

— Кукла, бэби! У тебя же никогда в жизни не было куклы! — Мат-Мат вернулся к Сытову и, заглянув ему в глаза, спросил: — Вот ты, козел, хоть раз догадался подарить Катьке куклу?!

— Нет, — честно признался тот.

— Вообще-то Катерина Ивановна собралась жить со мной, — неуверенно подал голос Март Маркович.

— И что это тут за бардак? — Мат-Мат обвел взглядом разгромленную гостиную. — Парень, ты кто? — схватил он за шиворот Марта Марковича.

— Я — следователь! — заорал Март Маркович, попытавшись вывернуться. — И я тут живу!

Мат-Мат оторвал его от пола и показал Катерине, как показывают новорожденных котят:

— Кэт, кто еще здесь живет, кроме этого следователя и господина Сытова с фальшивой гранатой?!

— Там... — смогла выдавить из себя Катерина, — там... тот Леша с татуировкой на пальце... Сытов его убил, сломал, кажется, шею...

Мат-Мат метнулся по лестнице вниз. За ним побежал Никита. Март Маркович замкнул процессию, как мышка-норушка логично завершает любую цепочку сильных и смелых.

Катерина на негнущихся ногах сначала пошла, потом побежала за всеми.

Дверной проем в спальне щерился сломанным косяком, и она вдруг подумала, что, делая новый ремонт, исключит все двери с замками.

Первым в спальню ворвался Мат-Мат.

За ним, заполнив собой почти все пространство, ввалился Сытов.

Март Маркович прошмыгнул между ними и всплеснул тонкими ручками.

— Где убиенный? — строго спросил Мат-Мат Сытова. — Где мешок?! — вдруг заорал он и бросился вон из квартиры. За ним в заведенном порядке помчались Сытов и Март Маркович.

Старый кожаный мешочек с драгоценностями бабки Пригожина больше не лежал на комод.

— Ты плохо убил его, Сытов! — крикнула Катерина и тоже побежала за ними, прижимая к груди свою первую в жизни куклу.

На площадке никого не было. Сытов и Март Маркович кинулись вниз по лестнице. Мат-Мат, резко остановившись, ткнул кнопку вызова лифта.

Двери распахнулись сразу, как будто только и ждали, когда кто-нибудь нажмет кнопку.

Мат-Мат зашел первым, следом впрыгнула в лифт Катерина.

— Ну, здравствуй, бэби! — сказал Мат-Мат и звонко чмокнул ее в щеку. — Кажется, ты натворила глупостей.

— А ты угнал вертолет?!!

— Ты мне льстишь, бэби!

— Банду Сизого взяли! Двое убиты, остальных повязали! А ты... ты с Федорычем угнали вертолет!

— Бэби, должен тебе признаться, что я... не совсем тот, за кого ты меня принимаешь...

— Конечно! Ну, конечно, не тот! — топнула ногой Катерина.

Лифт вздрогнул и встал.

— Эй! — заорал Мат-Мат и заколотил в дверь кулаками. — Эй!!! — Он стал пальцем тыкать аварийную кнопку, но никто не ответил по громкой связи.

— Мы застряли, — сообщил он Катерине.

— Ну и ладно, — кивнула Катя, — чего еще ждать от этого лифта?

— Черт! Он же уйдет!

— Не уйдет, — успокоила его Катя. — Сытов сделает все, чтобы прослыть героем.

— Там драгоценности!

— Да бог с ними! Я должна знать, кто ты такой. И кто такой Федорыч!

— Ладно. — Мат-Мат сполз по стенке и сел на корточки. — Наверное, судьба заперла нас здесь, чтобы я объяснился. Я не... особо опасный, бэби. Я особо полезный. Взять банду Сизого можно было только одним путем — внедриться, став полноправным ее членом. Они были ловкие, гады, и умные, а главное — действовали в сговоре с нечистоплотными охранниками банков и инкассаторов. Думаешь, почему им так долго все сходило с рук? Понять это можно было, лишь став участником банды! Им просто давали грабить! А они потом делились с подельниками. Я, бэби, как для тебя это ни прискорбно, совсем не романтический грабитель. Я абсолютно приземленный замкомандира спецгруппы УФСБ по Москве и Московской области! Я действительно проиграл Сизому в карты большую сумму денег, ну и... сам предложил отработать какими-либо услугами. У них тогда не было хорошего водителя, и за меня зацепились. Только благодаря мне выяснилось, что служба безопасности в некоторых банках весьма продажная структура. Я специально тогда предложил им захватить сейф с деньгами с собой, чтобы взять их с поличным. Если бы они не начали стрелять в людей, все было бы чисто, но я не выдержал, заступился и получил пулю в живот. Потом была больница. Федорыч — мой начальник, он распорядился отстранить меня от операции. А я не мог этого допустить. Короче, проявил самоуправство, огрел охранника по голове и удрал. Как говорит Федорыч, «натворил дел». Я действительно вырубился в том грузовике, в кузове которого выбрался из больницы. А очнулся в какой-то деревне. Решил отсидеться, набраться сил, считая, что взять банду Сизого — дело моей чести. Я думал

оклематься и держать его под прицелом, так как знал все их места обитания, привычки, способы передвижения, понимал логику их преступлений! И я очень хотел сделать свою работу до конца. А за удостоверением рванул в деревню, потому что меня совесть замучила — хотел милиционеру парню документ вернуть и оружие, в органах за их утерю по головке не поглядят, даже если тебя и по башке при этом огрели.

— Врешь! Ты — бандит! Ты был объявлен в розыск!

— Бэби! ФСБ и МВД — разные ведомства! Одно не всегда в курсе того, что делает другое!

— Майкл, — прошептала Катя. — Но при чем тут Майкл и таблица умножения?!

— Шустрый пацан, далеко пойдет. Я не мог упустить возможность использовать его хитрость, изворотливость, умение незаметно прошмыгнуть куда хочешь! И потом, я действительно иногда занимался с ним математикой! И платил ему за помощь деньгами его же бабки! По-моему, это справедливо. Он проделал большую работу. Собственно, он и выведал, когда Сизый собирается вновь на дело, какой банк хочет грабануть, а главное — в каком месте пересесть в другую машину. Он просто подслушивал! В общаге, где Сизый для отвода глаз имел комнатенку, очень тонкие стены и двери. За карточной игрой члены банды иногда обсуждали свои дела. Утром Майкл позвонил мне и сообщил, что случайно подслушал, что на вечер назначена операция. Вот я и сорвался, уж извини, бэби!

— Значит, ты не Мат-Мат! — Катерина вдруг разрыдалась и уткнулась носом в куклу. — Лучше бы меня сегодня убили! Ты все наврал! Периферия, Читинская область, сопки, уран, бабушка! Как ты мог такое наврать?! Ты не Мат-Мат!!!

— Все, что я рассказывал — правда! — Он отстранил куклу от ее лица. — Бэби, я самый что ни на есть настоящий Мат-Мат! Матвей Арсеньевич Матушкин. Сопки, уран, диплом с отличием, бабушка — все это правда! Все!!! Ты полюбила меня бандитом, неужели не сможешь полюбить меня особо полезным для общества?

— А кто сказал, что я тебя полюбила? — заорала Катя. — Я просто с тобой спала!

— Черт! — заорал в ответ Мат-Мат. — Ты не можешь меня ни в чем упрекать! Я рисковал! Я старался! Красился каждое утро, носил женские шмотки, прячась от своих же, варил супы, вытирал пыль и ходил в магазины! Как только я сделал свою работу, тут же попросил Федорыча прямо на вертолете доставить меня к тебе! Ты не можешь меня упрекать! — Он топнул ногой с такой силой, что лифт вдруг дернулся и поехал.

Они уставились друг на друга и засмеялись.

— Теперь я знаю, как управлять этим лифтом, — сказал Мат-Мат.

Сытов бежал по лестнице, перескакивая через ступеньки. Он даже не попробовал вызвать лифт, поэтому удивился, когда Катерина с тем парнем прыгнули в кабину и поехали вниз.

«Ничего, — подумал он, — я все равно успею первым!»

Где-то сзади семенил Март. Он что-то кричал, но Никита не мог разобрать, что именно.

«Все равно я догоню его первым! Догоню и снова убью!»

Этажи пролетали один за другим. Девятый, шестой, четвертый, второй...

— Первый, — вслух сказал Сытов, когда увидел стеклянную будку.

Март безнадежно отстал, его шагов не было слышно. У «аквариума» стояли знакомая толстая тетка с пирсингом на лице и какой-то негр с рыжим кожаным чемоданом.

— Где? — крикнул Сытов странной парочке. — Где мужик — никакой, никудышный, говнистый? Где?!!

— Во двор побежал, — пробормотала испуганная лифтерша.

— Во двел, во двел! Тям! Тям! — закивал негр и махнул чемоданом на дверь.

Сытов выбежал на темную улицу. Фонари, конечно, горели, но это не делало ее менее темной. Он резко остановился. Как глупо все вышло. Куда бежать?

— Эй, дядь! — неожиданно раздалось сбоку.

Сытов обернулся и увидел знакомого белобрысого пацана, вшивавшего с него в прошлый раз плату за вход в этот дом. — Дядь, вы не этого ищете? — Пацан указал на темную «девятку», стоявшую не на стоянке, а прямо на газоне у подъезда. «Девятка» чихала, дергалась, стараясь завестись, но глохла и снова чихала.

— Дядь, я ему свеклу в «глушак» засунул! — хвастливо заявил парнишка. — Хорошая свекла на помойке валялась, чего добру пропадать? Этот урод машину прямо на газон поставил, а на газоне моя бабка анютины глазки выращивает, просто не надышится на них! Этот гад выскочил, как угорелый, из подъезда и в машину! У нас дом приличный, так люди не носятся, на газонах не паркуются. И денег он не дал ни за вход, ни за выход!

— Молодец! — хлопнул Сытов мальчишку по плечу и одним прыжком очутился у «девятки».

Водительская дверь оказалась закрыта. «Девятка» снова панически чихнула, дернулась и заглохла. Сытов со всей силы ударил ногой в боковое стекло. Оно с тихим шумом ссыпалось в салон, словно град маленьких леденцов.

За рулем сидел он — Алексей Викторович Антонов. Его левая рука лежала на руле, а правая терзала ключ зажигания. Он отпрянул в глубь салона, и Сытов с огромным удовлетворением отметил, что в его глазах метнулись замешательство и страх. Это было новое для него ощущение — его, Сытова, бояться. Это придало ему сил, и он рыбкой влетел через окно в салон — снаружи остались только ноги. Поймал руками тонкое горло и крепко сжал его. Понеслись хрипы, но Сытов решил, что на этот раз он убьет его до конца — надежно и безвозвратно. Чтобы никогда в его жизни не возник больше человек с неприметной внешностью и крестом на пальце.

Вдруг его сзади дернули за ноги, а в отдалении послышался Катькин голос: «Сы-ытов!»

Пассажирская дверь открылась, и кто-то очень сильный вырвал у него добычу. Тонкое горло выскользнуло из рук, словно скользкая рыба.

Наверное, он отключился, потому что очнулся на лавочке.

Неподалеку толпились какие-то люди. Справившись с дурнотой, он приоткрыл глаза и увидел Катю. Она стояла напротив него и улыбалась, в одной руке сжимая красивую куклу, в другой — тот самый мешочек из старой, потертой кожи. Она выглядела абсолютно счастливой, и Сытов отчетливо понял, что не имеет к ее счастью никакого отношения.

Ну почему, почему ни разу не пришла ему мысль подарить Катюшке куклу?

«Робинзон» лежал возле «девятки» на животе, руки у него были схвачены сзади наручниками. Рядом с ним стоял тот парень — «вертолетчик», как назвал его про себя Сытов, — и названивал кому-то по мобильному телефону. Март сидел рядом, на скамейке, и, сложив ручки лодочкой между колен, раскачивался вперед-назад, вперед-назад.

И еще там был какой-то народ: толстая тетка, рыжая тетка, негр с чемоданом, мальчишка в широченных штанах... Они гомонили, ровно и монотонно, но Сытов не мог разобрать ни слова. Впрочем, пару слов он все-таки разобрал: «милицию уже вызвали».

Триумфа не получилось. Он опять его «плохо» убил, а сам хлопнулся в обморок, как малокровная барышня. Теперь герой — вон тот «вертолетчик», который с деловым видом треплется с кем-то по телефону и по-хозяйски зыркает на его Катю. И наручники-то он догадался с собой захватить!

Сытов чуть не завыл от досады. Он тоже сложил ладони лодочкой, втиснул их между коленями и стал раскачиваться, как Март — вперед-назад, вперед-назад.

— Ты молодец, Сытов! — громко сказала Катя и подошла к лавочке, прижимая к груди куклу и мешок. — Если бы не ты... он бы ушел! — Она осторожно присела на краешек, будто опасаясь садиться близко к нему.

Они помолчали.

— И вы молодец, Март Маркович, — тихо добавила она.

— Это вон кто у нас молодец! — захохотал Сытов и показал пальцем на белобрысого парня в широких штанах. — Он засунул ему в «глушак» отличную свеклу за то, что тот отказался платить деньги за вход! И «вертолетчик» твой молодец, — добавил он тише.

— Все молодцы, — улыбнулась Катерина.

— Эй, бэби, что ты там делаешь? — «Вертолетчик» оторвался от своего телефона и махнул ей рукой. — Иди сюда, ты должна быть рядом со мной!

— Почему он говорит тебе, что ты должна? — Сытов перестал раскачиваться, и Март, сбившись с ритма, тоже замер.

— Просто он лучше знает, что мне нужно, — гордо ответила Катя.

— Да он вообще кто? — повысил голос Никита.

— У-у, лучше не спрашивай! — засмеялась она, встала и пошла к своему «вертолетчику».

Где-то он этого гада видел.

У Сытова оставалась еще одна козырная карта. Он все-таки должен стать героем этого дня, несмотря на то, что не спускался по веревочной лестнице с неба, несмотря на то, что «плохо» убил, и на то, что хлопнулся в обморок.

Он тяжело поднялся, подошел к распростертому на асфальте телу и крикнул:

— Господа! Я знаю, кто этот человек! Я все знаю!

— Да? — с издевкой спросил «вертолетчик». — И кто же?

— Мат-Мат, помолчи! — дернула его за рукав Катя.

Так вот, где он его видел! Значит, это тот самый Мат-Мат, с глазками, с губками, с педикюром и в парике. Значит, тихими семейными вечерами он переодевается бабой и шастает по квартире, путаясь в шелковых полах халата, а утром выходит на террасу и улетает на вертолете по каким-то важным делам, чтобы к ночи вернуться с подарками.

Да уж, куда ему, Сытову!

— Март! — позвал он. — Иди сюда, тебе это будет интересно! Разрешите представить всем — Март, мой лучший друг детства, а по совместительству — следователь прокуратуры! Так уж совпало, что он расследует дело... Катькино дело. — Сытов пнул человека, лежащего на асфальте.

Сегодня он работает клоуном. И рубашку он надел клоунскую.

Вот и зрители подтянулись, обступили его плотным кольцом.

Итак, его номер!

— Это — Алексей Викторович Антонов! В криминальном мире известен под прозвищем «Робинзон». Темная личность! Я проделал немало работы,

чтобы установить, кто он такой. Можно даже сказать, что я полжизни шел по следу этого человека...

Мат-Мат громко присвистнул, Катька удивленно округлила глаза.

— Да. Когда-то этот человек сломал мою жизнь, но это другая история. А тогда, в день убийства моего соседа Пригожина, я пошел выносить мусор и в мусоропроводе обнаружил странный пакет. Из него торчали красные платье и шляпа. Мне показалось странным, что красивый, новый и дорогой наряд валяется на помойке. Сам не знаю зачем, я взял этот пакет и отнес домой. А потом вдруг узнал, что в убийстве соседа подозревают молодую темнокожую женщину в красном по имени Катерина. Одному богу известно, что я пережил, когда понял, что это та самая Катя... та самая Кэт... которую я любил всю жизнь и которую считал погибшей! И тогда я решил, что сам попробую докопаться до истины. Потому что был абсолютно уверен, что убить она не могла, так как нет на свете более светлой и чистой души...

— Эй, Сытов, давай без лирики! — гадко усмехнулся Мат-Мат.

— Без лирики? Ладно, без лирики. А без лирики я попытался установить, кто на самом деле хозяин этих вещей. Они оказались довольно редкой, малоизвестной фирмы, и мне довольно быстро и легко удалось сделать это.

— Теперь мне ясно, Сытов, зачем ты поил меня в своем забойном месте! — прошипел Март.

— Я поил тебя от души! Это был «праздник детства»! Да, кое-что ты мне рассказал, ну и что?! Зря, что ли, мы с тобой строили вместе замки в песочнице?! Зря рыли в снегу пещеры и удирали подальше от дома, играя в знаменитых путешественников?! Просто я захотел узнать все раньше, чем ты! Хотел быть уверенным — то, что я узнаю, или что мог бы узнать ты — Катьке ни в коем случае не навредит! Что это, наоборот, стопроцентно ее оправдает! И я узнал! Платье и шляпа принадлежали Павловой Лидии Васильевне. Она купила их год назад в салоне «Ра», надела пару раз и забыла. А две недели назад обнаружила пропажу вещей. По всему выходило, что тряпки украла ее домработница Алла Травкина, которая уволилась от нее примерно в то же самое время. Я не смог разыскать эту Травкину, она съехала со своего места жительства, переехала к любовнику. Но я поговорил с ее соседкой по общежитию и выяснил, что любовник у нее — интересная личность! Без имени, возраста, адреса и даже без внешности! Один только отличительный признак — крест на пальце. Но оказалось, что отсутствие внешности — самая, что ни на есть, особая примета. Да, и еще эта кликуха — «Робинзон»! Не самая избитая, согласитесь. По всему выходило, что Травкина для него выкрала красный наряд. По своим каналам я узнал его настоящее имя, я знаю, чем он занимался, а еще я абсолютно

уверен, что это он убил старика Пригожина. Это он тринадцать лет назад приезжал к моей бабе Шуре в деревню, представился родственником и вынюхивал что-то. Это за ним я погнался, чтобы выяснить... Кэт, я пришел сегодня к тебе, чтобы сказать, что вычислил его, знаю, кто он, что доказательства у меня на руках, но опоздал, он был уже у тебя. Кэт, я все это сделал ради тебя!

— Спасибо, Сытов! — Катя подошла к нему, поднялась на цыпочки и поцеловала.

Мат-Мат усмехнулся, и Март вдруг тоже усмехнулся:

— То, что ты наболтал тут, нужно еще доказать.

— И ты это сделаешь! — заорал Сытов и опять пожалел, что надел эту дурацкую цветную рубашку. — Я проделал за тебя массу работы!

— Ты скрыл от следствия важные факты и улики! И я буду делать то, что считаю нужным, а не то, что ты мне скажешь! — Март выпучил глаза и, расправив плечи, двинулся прямо на него, словно маленький бойцовский петушок. — И не надо тут вспоминать наши снежные пещеры!

— Господа, господа! — Мат-Мат придержал Марта рукой и встал между ними как миротворец — насмешливый и снисходительный. — Не надо ссориться! — Он даже похлопал Марта по плечу и Сытова тоже хотел похлопать, но тот отшатнулся. — Ты молодец, конечно, Сытов, но раз уж тут пошла такая пьянка, и мы все отмечаем свои заслуги перед Катериной Ивановной, то вынужден объявить, что я тоже не сидел сложа руки. Я тоже кое-что выяснил!

— Да кто ты такой, «вертолетчик»?! — Сытов пошел на него грудью, и Март присоединился к нему. Это было, как в детстве, когда они вместе объединялись против чужака из соседнего двора, который зашел на их территорию и покусился на песочные замки. Толпа вокруг замерла: выдохнула и забыла вздохнуть. Только обладатель рыжего чемодана воскликнул:

— Драк плех! Больнис, гипс, глоб, морг, все-е!!!

— Кто я такой, говоришь? — «Вертолетчик» выхватил из-за пазухи какое-то удостоверение и сунул его Сытову под нос. Никита успел только разглядеть слова «Федеральная служба безопасности», и его пыл сразу пропал.

Он опять оказался в дураках. Да еще в этой рубашке.

Март тоже остановился, сник и стал похож на школьника, вызванного на педсовет.

Белобрысый пацан в штанах-парашютах громко заржал. «Робинзон» на земле дернулся в попытке вскочить на ноги, но Мат-Мат поставил ему на спину ногу. И почему он, Сытов, не догадался вот так поставить на спину ногу, прежде чем произносить свою речь?

— Так вот, — продолжил Мат-Мат, — я тоже кое-что разузнал. И, как вы понимаете, у меня было гораздо больше возможностей, чем у вас. Этот человек, господин Сытов, никакой не Алексей Викторович Антонов. То есть, конечно, это одно из его имен, и кличка его действительно «Робинзон», но на самом деле зовут этого «гаврика» совершенно иначе. Зовут его — Артем Робертович Пригожин! Это приемный сын Роберта Ивановича Пригожина.

— Этого не может быть! — закричала Катька. — Он погиб в тюрьме много лет назад! Это все знают! Есть письмо из тюрьмы, справка о смерти...

— Нет, он не погиб. Понимаешь, бэби, проанализировав все факты этой истории, я пришел к выводу, что единственным общим звеном во всем происходящем может быть только какой-нибудь родственник господина Пригожина. Но кроме Мартина, положительного во всех отношениях и ни в чем не нуждающегося, у Роберта никого не было! Тогда я подумал, а действительно ли погиб его непутевый приемный сын Артем, о котором ты мне рассказывала.

Я нашел тюремного врача, который выдавал справку о его смерти. Наши ребята с ним поработали, и врач признался, что он не один раз проделывал эту «штуку» — выдавал живых за мертвых, помогая сбежать из тюрьмы. Пригожина действительно пырнул ножом сокамерник, но рана была не опасная. Попав на больничную койку, Пригожин вступил в сговор с врачом, тот поставил ему укол рамитара и выдал за умершего. Препарат угнетает дыхание, обездвиживает, и Пригожина благополучно отправили в морг, прикрепив к ногам бирку. Врач выписал справку о смерти, а ночью перевесил табличку с живого Пригожина на другой труп. Похоронили совсем другого человека. А Пригожин удрал из тюрьмы, пообещав щедро расплатиться с врачом. Этот врач не первый и не последний раз проделывал такие штуки, но не расплатился с ним только Артем. Да, господин Пригожин? — Он носком ботинка поддел подбородок «Робинзона». — Вот мы сейчас посмотрим, есть ли у него справа на спине шрам от удара ножом! — Мат-Мат задрал на нем рубашку, и Сытов в свете уличного фонаря различил на пояснице белый рубец. Он вдруг подумал, что, если бы тот сокамерник ударил тогда посильнее, то ничего бы этого не произошло.

— Больнис, глоб, морг, — прошептал невидимый в темноте человек с рыжим чемоданом. — Ошень плех! Ну, сто я вам говолил! — Толстая тетка с пирсингом ткнула его локтем в бок, и он замолчал.

— Пригожин много чем потом занимался в своей новой жизни, — продолжил Мат-Мат. — Но больше всего его волновали две вещи — исчезнувшие на заре революции драгоценности его бабки и деньги его приемного отца. Он долго выжидал: когда его младший брат вырастет, выучится

и уедет в Америку, когда умрет мать, и, наконец, когда смертельно заболеет отец. После смерти отца Артем Робертович, вероятно, собирался «ожить» и предъявить права на наследство. Но отец все не умирал и не умирал, более того, он вдруг завел молодую любовницу и собрался на ней жениться. Это был сильный удар по планам Пригожина-младшего, означавший только то, что отец, будучи человеком благородным и безнадежно больным, мог завещать все имущество, бизнес и деньги своей жене. Я точно не знаю, но вполне возможно, что сынуля откровенно поговорил с Робертом Ивановичем. Ведь не зря же тот совершенно внезапно, не дождавшись свадьбы, переписал все, что имеет, на Катерину Ивановну. Только объявившийся сын этого, похоже, не знал. Он решил убить папашу. Причем убить так, чтобы подозрение пало на его любовницу. Этим он убивал двух зайцев — и папа, наконец, на том свете, и претендентка на его деньги в тюрьме. Артем переоделся, намазался темной краской, видоизменил фигуру, и отправился ранним утром к папочке. То, что Роберт за три дня до смерти уже написал завещание, сыграло против Катерины Ивановны, но ты этого тогда не знал, да, герой?!

— Диктофон! — подала голос Катерина. — Кто записывал наши разговоры?

— Кто-кто! Знаешь, как звали домработницу Роберта?

— Нет, я никогда ее не видела. Я даже не знала, что она существует!

— Алла Травкина! Артем сошелся с ней три года назад и угадал в ней родственную душу. Девушка подрабатывала уборкой квартир, жила в комнате заводского общежития и готова была на многое, чтобы хоть как-то зацепиться в Москве. Она устраивала Артема своей непритязательностью, и ему пришла мысль использовать ее в своих целях. Алла устроилась к Роберту, чтобы быть в курсе всех его дел. Это она рассказала Артему, что отец завел молодую любовницу, что у них очень близкие отношения, и что, скорее всего, они поженятся. Это она, уходя, оставляла включенным диктофон где-нибудь недалеко от кровати, да, господин следователь?

— Да, — кивнул Март, — диктофон нашли вместе с ароматическими травами в холщовом мешочке, висевшем у изголовья кровати.

— Это она рассказала своему «Робинзону» о привычках Катерины Ивановны, о ее манере носить только красные дорогие вещи. Пригожин решил убить отца до того, как он женится. Только забыл шарфиком прикрыть свой острый кадык. Это и спасло Катерину Ивановну. Я в одном согласен с Сытовым: работайте, господин следователь! Расследуйте, допрашивайте, доказывайте! Большую часть работы за вас сделали!

— Я поняла! — воскликнула Катя. — Я поняла, откуда этот Леша-Артем знал про Бурабона! Это же история его семьи! Когда он в деревне случай-

но разговорился с Матильдой, он понял, куда и как пропал Бурабон! Только откуда он узнал, что клад оказался у нас?

— Какая Матильда? Какой Бурабон? И как клад оказался у вас? — пробормотал обескураженный Сытов.

— Говорил тебе, бэби, — ухмыльнулся Мат-Мат, — не таскай в ушах раритетные сережки! Этот хмырь крутился где-то рядом, когда кремировали отца. Он понял, что тебя выпустили из тюрьмы, и, видимо, с большим изумлением признал в твоих серьгах «цацки» бабки Пригожиной. Ведь в семье хранились фотографии украшений, описания и рисунки. Он понял, что драгоценности найдены, и они у тебя, и запаниковал. Он даже попытался убить Мартина, а заодно, для гарантии, грохнуть и тебя. Потом, правда, одумался, и решил, что тебя нельзя убивать, пока он не заполучит фамильные драгоценности — мало ли, куда ты их спрятала. Он решил поторговаться с тобой: клад в обмен на твою жизнь. Ты, конечно, отдала бы клад. Но он все равно убил бы тебя, бэби! Начав убивать, трудно остановиться. К тому же он, скорее всего, уже знал, что Роберт отписал все тебе.

— Какой Бурабон? Какая Матильда? — опять пробормотал Сытов. — Почему клад у вас?

— Мы нашли его, Сытов! Ты за ним погнался тогда, тринадцать лет назад? — Катерина потрясла перед его носом ветхим кожаным мешочком. — Извини, но он мой, так как я единственная наследница Роберта! Извини, я сожгла твой дом в Волынчиково. И Бурабона я тоже сожгла!

— Ничего не понимаю. — Сытов действительно мало что понимал. Он потерял виски и признался вдруг самому себе, что и не хочет ничего понимать.

— Я тебе потом все объясню, — сказала Катя. — Ты должен знать.

— В меня недавно кто-то стрелял в моем доме в Волынчиково, — сообщил Сытов.

— Он, кто же еще, — указал на «Робинзона» Мат-Мат. — Пистолетов у него как перчаток. Наверное, захотел навестить жилище бабы Шуры, увидел там разгром, перекопанный палисадник и с досады пальнул в то, что зашевелилось.

Где-то вдалеке послышался визг милицейской сирены.

— Мисилисия! — прошептал обладатель рыжего чемодана.

— Так что расследуйте и доказывайте, господин следователь! — Мат-Мат похлопал Марта по плечу, и тот съежился от этого панибратского жеста.

Три милицейские машины затормозили у подъезда. Сытов удивился, зачем так много машин на одного уже связанного преступника. Толпа расступилась, давая дорогу людям в погонах.

— Косьпода! Косьпода! — заорал вдруг обладатель рыжего чемодана. — Я не успел сказать одна важный стуку! Меня выгнали из этого дома, а я так не успел сказать, зачем сюда приходил! Вы — Кателила Илаловна! — обратился он к Катерине.

— А вы, никак, тот самый Найоб! — воскликнула Катя.

Люди в погонах уже подняли с земли «Робинзона», но, видно, не все еще было сказано на этой импровизированной сцене, и все замерли, уставившись на нового «оратора».

— Все-то, это ошень личный дел! Но рас посла такая пьянка, я щас быстро-быстро все скажу, а то опять не успеваю, и меня заново побьют. Знасит, я посоль. В смысле посоль, а не посоль, представляй тут государство Ватумонапа. Холосый ошень государство на юге Африка в течение реки Лимпопо. У нас там был давно Йенехбайский республик, но совершил переворот, и народ избрал король, потому что это исторически правильный и верный король. Имя его — Марримба Ньяма Ункулункулу Мбондо. И был у него один жен и одна всего получился детка — Марримба Йопхохо Ункулункулу Мбондо. И вот король возьми и умер. И детка заболел и умер. И жен от горя заболел, и перед умер собрал всех и говорить, что, раз уж все умер, то она должен открыть большой секретный тайн. У Марримба Ньяма Ункулункулу Мбондо есть еще один детка. В Моськве. Незаконноагуленный, безбракорожденный! Наш король нагулял, когда в Моськве учился у Патриса Лумумбы. наших много в Моськве у Патриса Лумумбы учился, и много тут деток наших безбракорожденных! Но детка король — особенный! И жен сказала, что нужен лучший сыщик, и поискать ту детку, чтобы по наследству власти передать, а не кому угодно. У нас ошень разбогатый королевств! Ошень! Нефть, алмаз, золото, титан энд алюминий, энд найобиевый руд!

— Ниобиевые руды! — строго поправил Мат-Мат.

— Да, в честь них меня назвали Мулунго Найоби Ункулункулу Мпопо Зул! Лучший в мире сыщик нашел, что детка короля — это Кателила Илаловна! Вы должны взять корон и править королевств! Вы — королев Ватумонапа Марримба Кателила Илаловна Ункулункулу Мбондо!!! Ватумонапа ждет вас с алмаз, нефть, золото энд найобиевый руд! Холосо, что я сказала, наконец, а то меня выгонял отсюда ваши женщин. — Он помахал в воздухе рыжим чемоданом.

Сытов почувствовал, что сейчас сойдет с ума. Наверное, все это почувствовали, потому что его окружали абсолютно одинаковые лица с приоткрытыми ртами и выпученными глазами. Только Март медленно съехал вниз по стволу дерева и сел на землю, обхватив руками голову.

— Ты что-нибудь понял? — повернулась к Мат-Мату Катя.

— Только то, что ты — детка короля и должна править страной, где алмазов, нефти, золота и прочих богатств как грязи, — сказал он. — Ты мне сразу понравилась, бэби! Может, станешь моей женой? Подумать только — река Лимпопо!

— Парни, — спросил молодой лейтенант, — а кого брать-то? Вы случайно не ошиблись, вам не в психиатрическую?

«Робинзон» вдруг рванулся в милицейских объятиях, вырвался и побежал. Март, сидевший под деревом, меланхолично поставил ему подножку. Менты схватили «Робинзона» и повели его в машину.

— Катя, дай тыщу рублей! — прогундосил белобрысый пацан. — Если б не я...

— Кольцо! — заорала Катя. — Он забрал у меня ящерицу!

Мат-Мат в два прыжка очутился у милицейской машины, повозился в салоне и, вернувшись, надел Кате на палец кольцо причудливой формы с большим прозрачным камнем.

— Все тебе мало, бэби! Могла бы парням на пиво колечко оставить!

— Его нельзя снимать, — засмеялась Катерина. Или заплакала. Сытов не понял. Он развернулся и пошел от этой толпы. Пошел в свою прежнюю жизнь, а куда ему было деваться?

Надо же, Катя — королева, а он — шут гороховый! Как он раньше об этом не догадался? Еще тогда, тринадцать лет назад?! Подумать только — река Лимпопо!!

Шикарная жизнь отменялась. Отменялась роскошная квартира, темпераментная красавица-жена, а также минимальное общение с мамой.

На троллейбусе на работу, на троллейбусе с работы, «гриб» в банке, попугай на подушке, на всех каналах — красивая жизнь, а своя собственная — мимо, мимо, мимо... Бабка вчера на остановке сказала:

— Мальчик, уступи место.

Он уступил. Не стал трясти у нее перед носом удостоверением и объяснять, что он очень даже не «мальчик». Правда, архив его почему-то тревожил. Настоятельно хотелось туда пойти и назначить той мымре свидание. Хотелось еще раз доказать себе, что «кесарю кесарево».

В Пригожинском деле он поставил триумфальную точку. Или нет, восклицательный знак. Он все расследовал, всех допросил, получил и признательные показания от обвиняемого. Он даже испытал гордость, когда вызвал к себе Катерину Ивановну, Сытова, и этого — как его по бабушке и по матушке — Матвея Матушкина, работника специальных государственных служб!

Они пришли все.

Сытов — отстраненный, далекий, в черном костюме, белой рубашке с галстуком. Катерина Ивановна и работник этот жались друг к другу, постоянно хихикали, не давая Марту сосредоточиться и продемонстрировать им свою значимость.

— Осенью состоится суд, — объявил Март. — Я считаю вас своими друзьями и хочу рассказать все, как было. — Он вдруг подумал, что и вправду мог бы считать их своими друзьями, а почему бы и нет? Очень даже новое ощущение — считать сразу нескольких чужих тебе людей своими друзьями. В этом есть некое благородство.

— Артем Робертович Пригожин признался в том, что убил своего отца, — начал Март.

— Ну, что я вам говорил! — дурашливо всплеснул руками Матушкин.

Катерина Ивановна хихикнула и теснее прижалась к нему.

Ну, нет, пожалуй, его он считать своим другом не будет!

— Артем Робертович действительно давно взял на прицел своего папочку с его процветающим бизнесом, деньгами, роскошной квартирой и даже домом в деревне. Но объявляться сынок не спешил, он понимал, что Роберт Иванович вряд ли ему обрадуется, вряд ли кинется покрывать его криминальные подвиги и помогать материально. Поэтому приемный сын Пригожина наблюдал и выжидал. Первой его победой был отъезд младшего брата в Америку на постоянное место жительства. Мартин женился там на миллионерше, ни в чем не нуждался и ни на что не претендовал — все имущество Роберта для него просто мелочь. Вторая награда его терпению — гибель матери под колесами автомобиля. Когда отец остался один, Артем воспрял духом. Он пристроил к нему домработницей свою любовницу. Та и сообщила ему, что Роберт Иванович тяжело и, скорее всего, смертельно болен. Никакого криминала — оставалось только ждать.

— И как же он собирался объявить себя наследником? У него ведь другое имя, криминальное прошлое, побег из тюрьмы, — спросила Катя.

— Видите ли, Катерина Ивановна, Артем Робертович очень странный, непоследовательный и не очень образованный человек. Он считал, что с папиными деньгами, стабильным бизнесом и новым социальным положением ему ничего не грозит. Артем собирался доказать, что он сын Пригожина, предъявив свои отпечатки пальцев, которые, естественно, хранились в базах правоохранительных органов. Удивительно, что в свои последующие отсидки он не попался на этих отпечатках, и никто не заметил, что Алексей Викторович Антонов и умерший в тюремной больнице Пригожин — одно и то же лицо. В общем, ему оставалось только ждать, но отец не только не умирал, но вдруг собрался жениться. Я допросил эту Травкину, ее тоже ждет суд, именно она сообщила любовничку, что Роберт Иванович завел

себе пессию и готовится к свадьбе. Это был крах всех планов Пригожина-младшего. Он подговорил Травкину раздобыть ему красный наряд. Сначала планировал вырядить в него Аллу, но та наотрез отказалась стрелять в хозяина. Помогать, пожалуйста, а стрелять — никогда! Времени не было, и Пригожин-младший решил сам прикинуться Катериной Ивановной. Он купил коробку театрального грима и, переодевшись и вымазав открытые участки тела темно-коричневой краской, рано утром пришел к отцу. Пропуск у него не спросили по понятным причинам. Ключ от квартиры ему дала Травкина. Роберт Иванович принимал ванну. Он услышал шаги, решил, что это Катерина Ивановна, и крикнул: «Катенька, заходи!» Зашла «Катенька» и выстрелила ему прямо в лоб. За секунду до смерти Роберт Иванович понял, кто в него стреляет, и крикнул: «Будь ты проклят, гад! Все равно тебе ничего не достанется!» Дело в том, что Роберт за три дня до смерти написал то самое завещание, и вовсе не потому, как вы, Матвей, утверждали, что Артем раскрылся отцу, а потому, что боялся, что болезнь подкосит его раньше, чем он успеет жениться. Врачи отвели ему очень мало времени, и он чувствовал себя виноватым перед Катериной Ивановной за этот бурный роман.

Выстрелив в отца, Артем бросил оружие в ванной, зачем — он сам не может сказать. Просто наслушался в новостях, что профессионалы всегда бросают оружие на месте преступления. Стрелял он в перчатке, которую взял на полке в прихожей. Потом перчатку снял, положил на место, закрыл дверь на ключ, вышел на лестницу и в закутке за мусоропроводом нашел оставленный для него Травкиной пакет с замызганной рабочей одеждой. Там он переоделся, положил красные вещи в пакет и выбросил в мусоропровод, а сам в рабочей робе и кепке с длинным козырьком вышел из дома. Он даже не стер с себя темный грим и не передел женские туфли, длинные штанины почти скрывали обувь сорокового размера, которую с трудом нашла ему Травкина. Кто приглядывается к рабочим? Во дворе давно строится роскошная детская площадка, и никто не обратил внимания на рабочего, который потолкался около этой площадки, а потом покинул территорию дома, легко перемахнув через забор. Ну вот, в общем, и все. То, что он пытался убить на поминках Мартина и Катерину Ивановну, только подтверждает, что он не очень умный и последовательный человек. Он действительно по сережкам, которые были на Катерине Ивановне, догадался, что семейные драгоценности найдены. Наверное, и Мартин догадался, но не подал виду.

— Зачем он стрелял в меня в моем доме в Волынчиково? — хмуро спросил Сытов.

— Он не в тебя стрелял. Матушкин правильно сказал, он выстрелил в то, что зашевелилось. А приехал он туда затем, чтобы убедиться, что именно

там найдены драгоценности. Увидев перерытую землю, сломанные лопаты, сдвинутую бочку, он пришел в отчаяние оттого, что сам не догадался перерыть все вокруг дома. Ну а про Бурабона вы знаете лучше меня. Старое дело наконец-то закрыто.

— Ну и ладненько! — Хлопнув себя по коленкам, Матушкин поднялся со стула.

Они с Катериной Ивановной опять захихикали и, прижавшись друг к другу, бочком выскользнули за дверь, даже не поблагодарив его, Марта, за совершенно необязательное посвящение их во все детали этого дела.

— Вот тебе, батенька, и Бурабон! — вздохнул Сытов и тоже засобирился.

— Сытов, Сытов! — Март вдруг испугался, что и Никита вот так же уйдет — без благодарности, не попрощавшись, и он останется совсем один, потащится на свою остановку и будет ждать в толпе свой троллейбус. — Сытов, а давай снова забабахаем «праздник детства»! Я приглашаю. Мне, представляешь, премию дали за раскрытие архивного дела Бурабона. У меня денег в кошельке... аж две тысячи двести двадцать восемь рублей! Поехали, а?!

— Поехали, — кивнул Сытов. — Только, чур, забойное место выбираю я.

— Ладно, — обрадовался Март. — Только, чур, без «Секса на пляже»! Я от него косею и выдаю все служебные тайны.

Эпилог. Прошло восемь месяцев

Катерина сидела на кухне и рассматривала за окном небо. Облаков было — раз, два, три, четыре, пять... Вчера в это время было всего три.

«Будем считать это утро пасмурным», — подумала она и улыбнулась.

Есть совсем не хотелось, потому что тошнило. Или нет, тошнило оттого, что очень хотелось есть. Проблему эту невозможно было решить. Есть или не есть? Она потянулась за сигаретой.

— Тебе нельзя, — возник вдруг из-за спины Мат-Мат и сильно шлепнул ее по руке.

— Немножко можно, — возразила она. — Чуть-чуть никотина просто необходимо любому организму.

— Взрослому организму, — поднял палец вверх Мат-Мат. — А у тебя внутри еще один организм — ма-аленький такой организмешник, и ему этот никотин на фиг не нужен, он ему только навредит!

— Не навредит! — заныла Катя.

— Навредит!

— Если бы я знала, что ты станешь таким занудой, я никогда не вышла бы за тебя замуж!

Зануда был чисто выбрит, от него пахло парфюмом, и он был привычно закутан в шелковый синий халатик. Он открыл крышку кастрюли и, с наслаждением понюхав дымок, произнес:

— Тебе нужно поесть. Я с утра сварил отличный супец!

— Меня тошнит. Меня все время тошнит.

— Тебя тошнит, а пацана не тошнит. Он есть просит. Слышишь, он пищит: «Ма-ма! Су-па! Су-па!»

— А никто еще не сказал, что это будет мальчик, — заметила Катерина.

— Ну, никто еще и не сказал, что это девочка. Так, ваше величество, как вас там, — Мат-Мат отцепил с холодильника примагниченную бумажку и прочитал: — Марримба Катерина Ивановна Ункулункулу Мбондо, чего вам наковырять из супчика?

— А что там есть?

— Там есть фасоль, морковка, маленькие, хорошенькие кусочки мяса, немножко лука...

— Во, давай вареного лука, пацанчик обрадуется.

Мат-Мат сочувственно посмотрел на нее и ложкой стал вылавливать из кастрюли вареный лук.

— Ты не передумаешь? — на всякий случай спросил он.

— Нет. Или сигарета, или вареный лук. От всего другого меня тошнит.

Мат-Мат вздохнул, поставил перед ней тарелку, налил себе суп и присел рядом.

— Только идиоты завтракают супом, — сказала Катя, цепляя вилкой и с аппетитом поедая лук.

— А мы и есть идиоты. У нас нефть, газ, золото, алмазы, алюминий, титан и эта... как ее... ниобиевая руда. А мы до сих пор торчим в холодной Москве.

— Вот рожу и поедем, — с набитым ртом ответила Катерина. — Покажу им маленького наследника. А пока и тут дел хватает. У тебя работа, у меня — дела. С этой сетью кафе дел невпроворот! Управляющие все делают неправильно. Неправильно строят рекламную политику, неправильно подбирают и обучают персонал, неправильно считают и расходуют деньги! И потом, я не могу сейчас просто так бросить агентство! Верещагин тупой! Из него креативщик, как из меня... Дездемона! Андреич рыдает и плачет, просит Верещагина подучить, передать ему, так сказать, опыт. Ну, разве можно научить креативу?! Разве можно передать собственные мозги?! Верещагин пыхтит, старается, боится потерять это место. А если я его брошу, он точно его потеряет! Я учу его ловить идеи из космоса. Вот дали задание

придумать название джинсовому магазину и логотип. Какой только дряни они там в отделе не напридумывали! И «Поднебесный ковбой», и «Солнечная долина», и «Джинсовый рай»! Вот как бы ты назвал джинсовый магазин?

— «Лимпопо», — пробурчал Мат-Мат, шумно хлебая суп.

— Точно! — заорала Катерина и бросилась к телефону.

— А логотип, — вслед ей заорал Мат-Мат, — «Гнилой лимон в шляпе!»

— Андрей Андреич! — крикнула Катерина в трубку. — Это я, Ункулункулу Мбондо! Хорошо, что узнал! Значит, так, магазин называем «Лимпопо», а логотип — «Гнилой ...» нет, просто «Лимон в шляпе»! Да, я гений! Да, креативу научить невозможно! Да, еще минимум пять месяцев я вас не брошу! Что?! Разбежался с женой? Что так на старости лет? Ой, после стольких лет жизни! Зануда?! Мой тоже зануда. Курить не дает и кормит вареным луком. Да ты что? Так и сказала, что ты лысый козел, который ее не ценит? Нет, ну, мой до такого пока не докатился. С перчатки все началось? — Катерина плюхнулась со всего маха на стул. — Какой еще перчатки? Ты потерял подаренные ею перчатки? Одну?! Прошлой весной? А какая она была? Черная, кожаная, очень даже не новая. Господи, какая мелочная у тебя женщина! — Покосившись на Мат-Мата, Катерина нырнула с трубкой в спальню. — Слушай, Андреич, твоя перчатка находится у меня. Если бы не она... я не взяла бы тогда отпуск, не попала бы в передрагу, не ждала бы сейчас ребенка, и... у тебя бы не было этого шикарного названия магазина — «Лимпопо»! Приезжай, забирай свой трофей и мирись с женой. Если человек дорожит твоим отношением к своим подаркам, с этим человеком нельзя разбегаться! Все. Целую тебя в твою роскошную лысину. Пока.

Она вышла из спальни с видом нашкодившей девочки.

Мат-Мат мыл на кухне посуду.

— Что, шушукаемся с начальством? — спросил он, оттирая намыленной губкой тарелку.

— Но ты же шепчешься со своим Федорычем в ванной по телефону практически каждый вечер!

— Сравнила! — фыркнул Мат-Мат. — То Федорыч, а то Андреич!

— А что такого? Кстати, Андреич хочет быть крестным папой нашему малышу.

— Боже упаси! — Мат-Мат чуть не грохнул тарелку. — Боже упаси! Лысый, толстый, старый крестный папа! Ну, нет! Крестным папой будет Федорыч!

— А он не лысый?

— Нет.

— Не толстый?

— Нет.

— Не старый?

— Нет!

— Слушай, познакомь, а?!

Он замахнулся на нее полотенцем и погнал по комнатам, нагнав, как обычно, в спальне. Она плюхнулась на атласное синее покрывало, а он присел рядом и сказал:

— Я вот все время думаю, бэби, он будет беленький или черненький — наш пацан?

— Я думаю, беленький, — ответила Катя.

— А я думаю, черненький, — возразил Мат-Мат.

— У Зойки родился рыжий, — задумчиво произнесла она.

— А у Верки как баклажан, — продолжил Мат-Мат.

— Найоб их, кстати, навещает обеих и платит шикарные алименты. Женщины очень довольны.

— Тут пол-Москвы этим Найобом довольны, — усмехнулся Мат-Мат.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. У меня работа такая — все знать.

— Значит, все-таки черненький, — нахмурилась Катерина.

— Фига с два! — заорал Мат-Мат. — Беленький! Весь в меня!

— Врачи говорят, что абсолютно не понимают, как я могла забеременеть.

— Ха! Врачи! Да что они понимают в этом?!

— Кит! Ну, Кит!

— Что?

— Зачем ты опять купил ей мороженое?! Это четвертое мороженое, которое она ест за сегодня, а ведь нет еще и двух часов дня!

— Пусть ест! Она никогда раньше не ела мороженого!

— Пусть есть! — кивнула маленькая кудрявая темнокожая девочка лет четырех.

— Диатез! Диабет! Диа...

— ...рея, — подсказал Сытов Лике, которая хлопала себя по бокам руками, как глупая курица крыльями. Никогда раньше Сытов не видел, чтобы Лика так хлопала себя по бокам.

Они шли по узкой полоске пляжа, утопая по щиколотку в белом песке. Справа мирно плескалось Красное море, слева возвышались огромные пальмы — самые настоящие пальмы, которые в Египте на каждом углу, которые вечнозеленые, гордые, неприступные и нереально большие. Было где-то плюс пятнадцать — нормальная температура для африканской

зимы. На Сытове были шляпа и шорты, на Лике — шляпа и шорты, и на девочке — шортики и широкополая розовая панамка.

— Кит, хватит шляться по побережью, пойдем в отель, скоро обед.

— Пусть ребенок подышит свежим воздухом. Пусть полюбуется на свою историческую родину.

— Пусть, — повторил ребенок и уронил мороженое в песок.

— Что она видела в этой сырой, холодной Москве, в этом своем вонючем детдоме?! — Сытов остановился и заглянул Лике в глаза, приподняв за края поля ее шляпы.

— Что? — повторил за ним ребенок, поднял из песка мороженое и начал снова его лизать.

— Кит, а с чего ты взял, что ее родина здесь? Этого никто не знает — где ее родина! — Лика забрала у девочки мороженое и, размахнувшись, бросила его в море. — Катенька, — сказала она, — будешь есть много сладкого, станешь толстой, как папа. Пойдем в отель, мама тебе фрукты купила.

— Пойдем, — пожалала плечами девочка, отцепила ручонку от Сытова и сунула ее в Ликину руку.

Они пошли впереди, Сытов поплелся за ними.

— Лика! Что за кукла торчит из ее рюкзака? Я такую не покупал.

— Я сегодня утром купила ей на базаре.

— Это пятая кукла за день, а ведь нет еще и двух часов дня!

— И что?! У ребенка никогда не было кукол!

— Никогда не было! — повторила девочка.

— Ребенок не должен играть в одни только куклы! Он будет односторонне развит!

— Не будет! — крикнула Лика.

— Не будет! — повторила девочка.

— Катенька! — Сытов перехватил ладошку девочки в свою руку. — Пойдем в отель, папа тебе конструктор купил. Будешь возиться с одними куклами, станешь такой же тряпичницей, как твоя мама!

Отель был пятизвездочный, самый шикарный на побережье — «Шератон Мирамар». Сытов не поспешил, покупая этот тур в Египет. Он хотел, чтобы эта поездка запомнилась его женщинам на всю жизнь. Как только закончилась вся кутерьма с удочерением, как только все бумаги были подписаны, документы оформлены, и они с Ликой, взявшись за руки и затаив дыхание, пришли в детский дом и навсегда забрали темнокожую, кудрявую Катьку, он помчался в турагентство и купил этот тур.

— Девочка должна освоиться, привыкнуть к вам, нельзя ее сразу тащить в путешествие! — сказала воспитательница детского дома, узнав о планах Сытовых.

— Вот и освоится, — сказал Сытов, беря маленькую Катьку на руки.

— Вот и привыкнет, — добавила Лика, надевая на Катьку невиданной красоты меховую шапку.

— Вот и привыкнет, — повторила Катька. Она всегда за ними все повторяла, выражая полное с ними во всем согласие.

Через неделю они были уже в Египте.

— Хорошие девочки к обеду переодеваются, — сказала Лика в номере и вытряхнула из шкафа на кровать с десяток разноцветных маленьких платиц.

— Кит, хорошие девочки переодеваются? — уточнила Катька у Сытова.

— В общем-то, да, — кивнул Сытов и тоже зашел в гардеробную, чтобы переодеться.

— В общем-то, да, — повторила Катька и стянула с себя шортики.

— И вообще, какой я тебе Кит? — крикнул Сытов из своего отделения. — Не Кит, а папа. Па-па! Повтори!

— Нет, Кит! — первый раз не захотела повторить Катька.

— Ну, хоть папа Кит, ладно?

— Если папа, значит — Карло. Нет! Или папа Карло, или Кит!

Лика громко захохотала. За ней так же громко захохотала Катька.

Сытов вышел из гардеробной. Катька была в розовом платье с оборками, бантиками, рюшками, бусинками... У Сытова аж в глазах зарябило. На Лике был брючный костюм цвета топленого молока, она была причесана, покрашена, будто не тащилась за ним десять минут назад по пляжу раскрасневшаяся и запыхавшаяся. В ушах у нее...

— Лика! Что у тебя в ушах?!

— А что, плохо? Тебе не нравится? Вызывающе?

— Лика, эти сережки... Они, как кольцо у Катьки! Золотые ящерицы с бриллиантами в зубах... Ты что... откуда?

— Кит, я забыла тебе рассказать. Перед отъездом мне позвонила Катерина Ивановна и пригласила в одно из своих кафе. Мы посидели, поболтали немножко. Выпили кофе, закусили пирожными. А что в этом такого? Я сказала ей, что мы хотим усыновить девочку.

— Удочерить. Ну, зачем ты ей это сказала?! Это очень личное, это только наше.

— Нет, Кит, я не сказала, какую девочку! Просто девочку, потому что я... ну, мне поздновато рожать. Тогда Катерина Ивановна вытащила из ушей эти сережки и сказала, пусть у вас будут фамильные драгоценности. От матери к дочери, ну, и так далее... Что, плохо? Это очень дорогие, старинные сережки.

— Старинные, — повторила Катька.

Сытов тяжело вздохнул и посмотрел на Лику:

— Слушай, а этот галстук к этой рубашке не очень яркий?

— Пойдем, папа Карло, — засмеялась она и потянула его из номера. — Есть хочется, сил нет.

— Лика, а кто сказал, что тебе поздновато рожать? — закрывая дверь, спросил Сытов.

— Кто? — задрала голову Катька.

— Ой, да идите вы! — захихикала Лика.

Никита заказал себе суп из морепродуктов. Он терпеть не мог морепродукты, но Лика их очень хвалила, и он заказал. Только бы в этом супе не плавало вареное яйцо. Яйцо там не плавало, но морские гады показались ему не менее омерзительными. Поэтому он очень обрадовался, когда у него зазвонил мобильный телефон. Обрадовался и удивился. Все знали, что он пропадает в Египте, что у него отпуск, что у него ребенок — кому он понадобился? Он отодвинул тарелку с супом и вышел из-за стола. В глубине зала стояли низкие диванчики, и Сытов направился туда и приложил трубку к уху:

— Да?

— Сытов! — заорала трубка голосом Марта. — Сытов! Отпад!

— Март, ты, что ли? Что у тебя стряслось?

— О-о, Сытов! Помнишь, я рассказывал тебе про архивную девушку?

— Ты все же назначил ей свидание?

— Да, представляешь, столько месяцев сомневался, наконец купил торт и пригласил ее попить чай на своей коммунальной кухне!

— И она пришла?

— Нет, Сытов!!! Она сказала, незачем причинять неудобства соседям, и позвала меня с тортиком к себе! У нее трешка, Сытов! Треш-ка!!! И она си-ро-та! У нее папа умер, мама умер, бабушка умер и дедушка давным-давно умер!

— Ты сам, смотри, не умри!

— Нет, Сытов, я теперь очень долго не захочу умирать! Ты просто не представляешь, что это за женщина! Что это за-а-а!..

— Разве ты, Март, не знал, что самые страстные любовницы и хорошие жены — это «серые мыши» в очках?

— Нет, Сытов, в том-то и дело, что не знал! Трешка! Сирота! Женюсь! Кстати, когда ты вернешься? Моя Наташка говорит, что новости без тебя невозможно смотреть. Она говорит, что ты лучший ведущий! Она говорит, что все бабы в архиве от тебя без ума! Когда ты вернешься?

— Еще две недели мои.

Сытов нажал на отбой и вернулся к столику.

— Она заснула, — пожаловалась Лика и показала на Катьку. — Ела, ела, вдруг ткнулась носом в тарелку и заснула. Кит, мне кажется, что мы замордовали ребенка своим Египтом.

Сытов осторожно взял Катьку на руки и на цыпочках отправился в номер. Лика семенила за ним, стараясь не стучать каблуками. Он уложил Катьку в кроватку прямо в платье и тихонько, под нос, запел то, что пел ей каждый раз перед сном:

— *В стране апельсиновых грез*

Живет шоколадная бэби.

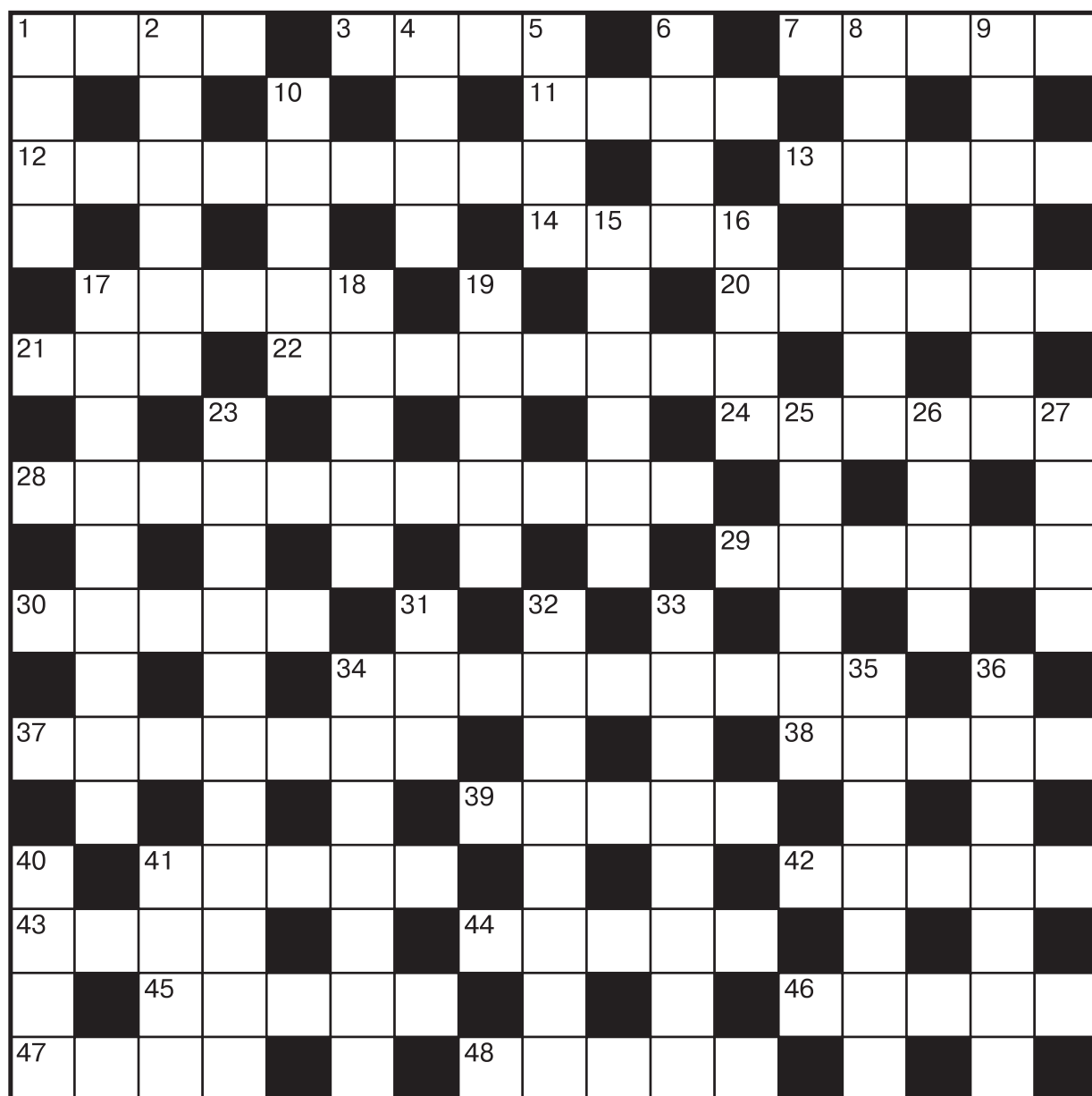
Она затоскует до слез,

Услышав про белых медведей...

— Кит, что ты бормочешь над ней все время, когда она спит?

— Нет греха, который нельзя искупить, — ответил Сытов и поцеловал Лику в нос. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Овощная мешанина» на второе. **3.** Что наводит оборотень на окружающих? **7.** Турнир истца и ответчика. **11.** Кто из великих путешественников жил при дворе хана Хубилая? **12.** Армейский беспредел. **13.** Торнадо мужского рода. **14.** Кинорежиссер ... Захаров. **17.** Не забывайте, что, согласно старорусской примете, эта хозяй-

ственная принадлежность должна быть в доме в единственном экземпляре. **20.** Растение, попавшее в легенды шотландцев. **21.** «... ручьем» во время зноя летнего. **22.** Какой оперой герой Ричарда Гира очаровывает Джулию Робертс в фильме «Красотка»? **24.** «Семечек ... с подружкой купим и просто потрындим о том о сем». **28.** Какая эпоха оказа-

лась урожайной на гениев? **29.** Страна, чей султан разъезжает на золотом «роллс-ройсе». **30.** С каким французским городом связан самый большой блошинный рынок в Европе? **34.** Самая большая страна из тех, что не имеют выхода к океану. **37.** С кем часто путают актрису Киру Найтли? **38.** Какой химический элемент подробно описан Марком Твеном в рассказе «Сделка с Сатаной»? **39.** Какой коньяк армяне традиционно пьют за свою Родину? **41.** «Утро вечера мудренее, ... соломы зеленее». **42.** Театральный подиум. **43.** Что нужно для бумажной отделки стен? **44.** Собака, попавшая в детские стихи Самуила Маршака. **45.** Что начинается на ринге с ударом гонга? **46.** Любимое дерево сморчков. **47.** «Пернатый посланец» из роддома. **48.** Одежда для облака (по Владимиру Маяковскому).

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что начинается после того, как отошли воды? **2.** Новинка из области цифровой техники. **4.** Любовник наслаждения. **5.** Что шлют без спроса? **6.** Во что перед

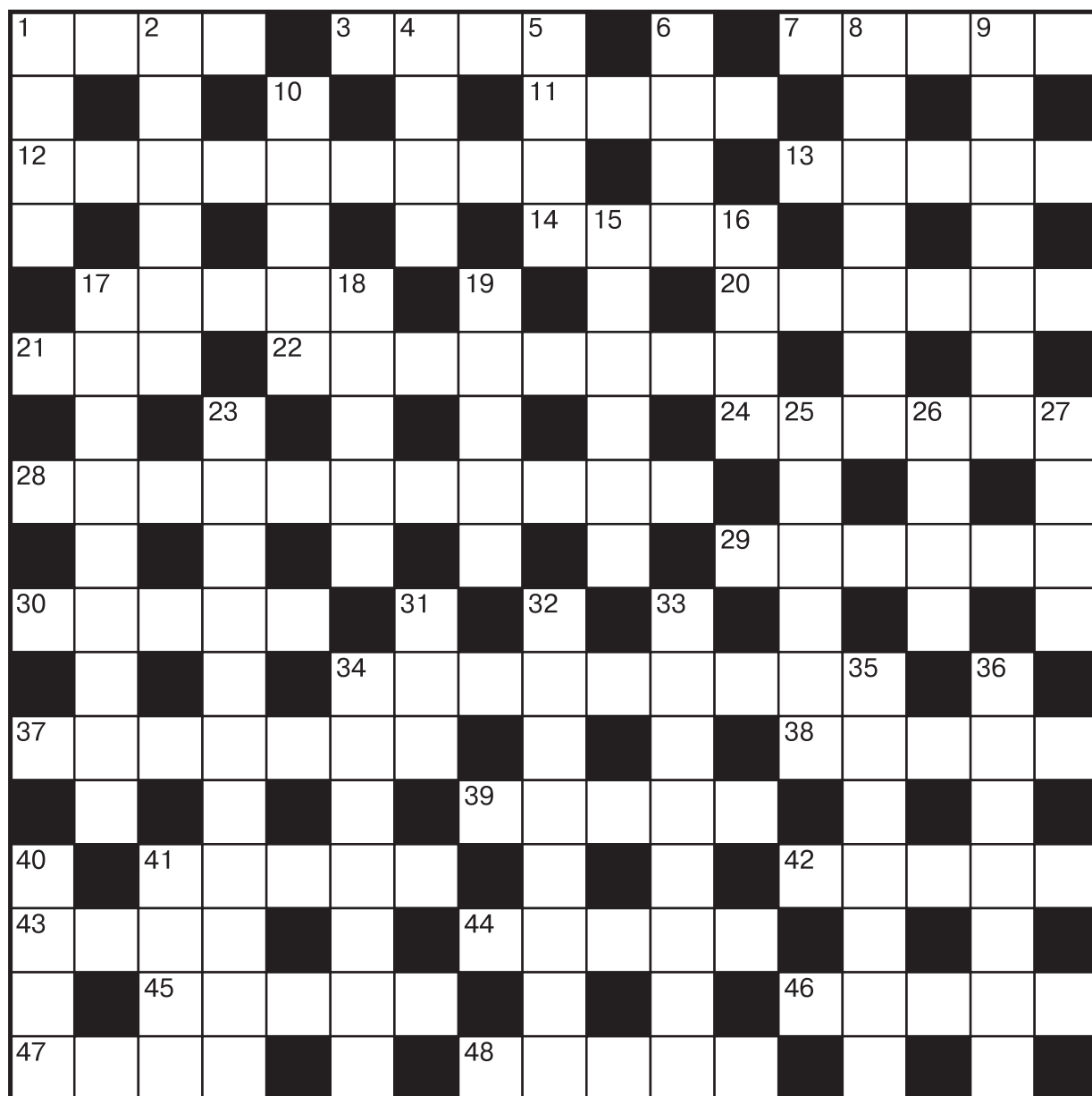
жаркой кусочки рыбы окунают? **8.** На какой торг прежде купцы съезжались? **9.** Кто создает кофейные шедевры? **10.** Язык «Земли обетованной». **15.** Музыкальный темп колыбельной. **16.** «Запретный напиток» при язве желудка. **17.** Главный снайпер Красной армии. **18.** Преступление из песни «Город уши заткнул» Владимира Высоцкого. **19.** Греческий остров, откуда возили полосатый мрамор для строительства храма св. Софии в Стамбуле. **23.** Чью диктатуру Владимир Ленин хотел провозгласить в мировом масштабе? **25.** В каком аду несла свои воды Лета? **26.** Из какого графства родом лорд Джордж Байрон? **27.** Американская империя спорта. **31.** Звание в церковной иерархии. **32.** Военный художник. **33.** Кавказская трава, не только повышающая аппетит, но и продлевающая жизнь. **34.** Искусство фигурного вырезания по овощам и фруктам. **35.** Кто умер от тоски, влюбившись в свое же отражение? **36.** Портативный рояль. **40.** Что глотает рыба фугу, чтобы раздуться, словно шар? **41.** Чем культурист любит похвастаться?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Чипсы. **9.** Лавры. **10.** Дагомыс. **11.** Пилатес. **12.** Стадион. **13.** Добро. **14.** «Беломор». **15.** Маэстро. **18.** Шторм. **19.** Гаев. **21.** Битва. **23.** Клик. **25.** Визажист. **26.** Стоун. **27.** Раут. **29.** Хвост. **32.** Маклауд. **34.** Томат. **36.** Кейдж. **37.** Финансы. **38.** Анфас. **39.** Почта. **40.** Морковь. **41.** Удача. **42.** Строй.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Завтрак. **2.** Градусник. **4.** Инин. **5.** Спагетти. **6.** Бас. **7.** Донор. **8.** Выдра. **10.** Делопроизводство. **11.** Покровительство. **13.** Дом. **16.** Тариф. **17.** Цветы. **20.** Шкура. **21.** Битум. **22.** Фауст. **24.** Дудук. **28.** Табаско. **30.** Торнадо. **31.** Саранча. **33.** Дефолт. **35.** Сироп.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Единственная интеллектуалка среди любовниц Пабло Пикассо. **3.** Прозвище нашего истребителя И-16. **7.** Хижина, покрытая пальмовыми листьями у мексиканцев. **11.** Какая легендарная летчица Третьего рейха практически до последнего находилась в бункере Адольфа Гитлера? **12.** Над каким заливом возвышается знаменитая

Сахарная голова в Рио-де-Жанейро? **13.** Насыпь древнеримской дороги. **14.** Моллюск, которого, в отличие от устриц, вкуснее не сбрызгивать лимонным соком. **17.** Рыба для приготовления льянги. **20.** Американский художник, сыгравший самого себя в комедии «Тутси». **21.** Чью силу использовал в своем двигателе англичанин Джеймс Уатт? **22.** «Кувшин

Диониса», который «всегда был полон». **24.** Шкурка ягненка. **28.** «Фальсификация хлеба» в законах средневековой Европы. **29.** Какой епископ отслужил заупокойную обедню по Григорию Распутину? **30.** Предки французов. **34.** «Ущелье цветов» среди горнолыжных курортов Армении. **37.** «Первый из людей, сумевший стать невидимым». **38.** Колчан на старорусский лад. **39.** Как звали жену Роберта Стивенсона? **41.** Гибрид ложки с вилкой. **42.** Дворец в Петергофе. **43.** В начале XX века у россиян был очень популярен суп «лимпопо». Что туда добавляли во время приготовления вместо воды? **44.** Сибирские башмаки с опушкой. **45.** Французский чесночный соус. **46.** Одежда трагиков в Древнем Риме. **47.** Мясной пирог из гоголевских «Мертвых душ». **48.** Кому приписывают авторство термина «потерянное поколение»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Морской котик, ставший талисманом Олимпиады в Ванкувере. **2.** Сокровенное имя отца Творца Вселенной. **4.** Недос-

таток движения лошади. **5.** Инструмент для вскрытия лицензионных программ на компьютере. **6.** Башкирский танец. **8.** Античное предсказание. **9.** Всякое, обжаренное в масле, японское кушанье. **10.** Какая «девушка» связана несчастной любовью с «богатырем» Бештау? **15.** Глиняный саркофаг. **16.** Присутпы агрессии у слонов. **17.** Какое знание власти над временем царь Шамбалы принял лично от самого Будды? **18.** Легендарный вокалист группы Scorpions. **19.** Какой журавль совершает самые длинные перелеты? **23.** Усыновление брата по византийским законам. **25.** Испанский калач с сюрпризом. **26.** «Колокольня» синтоистского храма. **27.** Барон в лицейских друзьях Александра Пушкина. **31.** Китайский змей. **32.** Ездок в батискафе. **33.** Под какой кличкой Генрих Ягода проходил в дореволюционных материалах полицейского наблюдения? **34.** Соединение с лимонным запахом для производства духов. **35.** «Коралловые грибы». **36.** Грузинский суп. **40.** Отделение дочерней компании. **41.** «Крестный отец» конькового хода у лыжников.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Тэтан. **9.** Гампр. **10.** Куботан. **11.** Ликопин. **12.** Мейджор. **13.** Карун. **14.** Шаперон. **15.** Респан. **18.** Родий. **19.** Десу. **21.** Кокос. **23.** Ахун. **25.** Амитабха. **26.** Адмет. **27.** Рюйш. **29.** Эрлих. **32.** Нимейер. **34.** Гамак. **36.** Рехаб. **37.** Дучесса. **38.** Шнитт. **39.** Викия. **40.** Кучково. **41.** Яншин. **42.** Флюте.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Каменев. **2.** Аподипнон. **4.** Эфир. **5.** Асоматос. **6.** Дун. **7.** Кобан. **8.** Бахус. **10.** Киберимморталист. **11.** Лопуходоедство. **13.** Кос. **16.** Вещба. **17.** Супат. **20.** Маури. **21.** Куайн. **22.** Отжиг. **24.** Целер. **28.** Шилейко. **30.** Хайнань. **31.** Маятник. **33.** Ревилл. **35.** Шуруп.

Уважаемые читатели! С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 00 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2020 год во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (4 категории) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовой online сервис https://podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

